Библиотека
филолога

З.Г. Бурдина

НЕРАЗЛОЖИМЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ И РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

1085169

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1987

ББК 81.2 Нем-923
Б 91

Рекомендовано
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
для использования в учебном
процессе

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра немецкой филологии Киевского государственного педагогического института иностранных языков (зав. кафедрой доц. Е.В. Владова);
канд. филол. наук проф. Б.А. Абрамов (Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина)

Бурдина З.Г.
Б 91 Неразложимые языковые структуры и речевая коммуникация: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1987. – 119 с.: ил. – (Б-ка филолога).

Книга является первым учебным пособием, освещающем новые вопросы курса теоретической грамматики немецкого языка. В центре внимания находятся неразложимые словосочетания и предложения, наиболее употребительные в речи.

Б $\frac{4602010000\ \ (4309000000)-443}{001\,(01)-87}$ КБ-16-23-87

ББК 81.2 Нем-923
4И (Нем)

© Издательство «Высшая школа», 1987

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интенсивное развитие коммуникативной лингвистики за последние годы ориентирует языковедов на исследование реальных единиц языка, функционирующих в реальной языковой коммуникации.

Коммуникативно-ориентированная грамматика представляет собой новое направление в преподавании иностранного языка. В русле коммуникативно-ориентированной грамматики должны освещаться многие вопросы курса теоретической грамматики современного немецкого языка, предусмотренные Программой. В частности, интерпретация научного исследования должна опираться на достижения коммуникативной лингвистики. Так, эволюция научной грамматической мысли свидетельствует о том, что еще на заре становления научной грамматики немецкого языка в работах Гримма язык рассматривался как средство коммуникации. Все тончайшие наблюдения младограмматиков над фактами языка есть не что иное, как результат умелой интерпретации языка в действии.

В данной книге рассматриваются грамматически неразложимые структуры, словосочетания и предложения. В работе предпринята попытка раскрыть специфику неразложимых структур как в плане их формального построения, так и в плане их смыслового наполнения. Особое место уделяется роли рассматриваемых единиц в акте коммуникации.

Формирование и функционирование неразложимых структур освещается с позиций интеграции: прослеживаются интегративные процессы, способствующие возникновению в языке неразложимых структур, а затем раскрывается их отношение к его коммуникативной функции.

Обращение к речевой деятельности как одной из форм человеческой деятельности позволяет раскрывать связи, существующие между языком как объектом лингвистических исследований и отображенной в нем объективной действительностью. Выделенная в языке сфера неразложимых языковых структур и рассмотренная в акте коммуникации в известной степени восполняет пробел в современной зарубежной и отечественной лингвистической литературе.

Цель данной работы заключается в том, чтобы, опираясь на понятие языковой интеграции, представить в системе неразложимые языковые структуры в сфере имени существительного и глагола и показать их коммуникативно-информативные особенности (их количественные, качественные, темпоральные, модальные и другие значения, которые нередко содержатся в рассматриваемых структурах в «скрытом» состоянии), а также рассмотреть закономерности в структурах, лежащих в пограничной сфере языка, на стыке лексики, синтаксиса и фразеологии.

Основываясь на идее преемственности развития науки, в настоящей работе предпринят экскурс в лингвистическую литературу, отражающую взгляды языковедов различных школ на неразложимые структуры.

Книга предназначена в качестве учебного пособия для студентов-филологов по курсу «Теоретическая грамматика» и для всех интересующихся вопросами теории немецкого языка и коммуникативной лингвистики.

Композиционно книга состоит из Введения, 7 глав, Заключения и краткого Резюме на немецком языке. В конце книги приводятся Список использованной литературы на русском и немецком языках.

Автор считает своим приятным долгом выразить сердечную благодарность профессору кандидату филологических наук Абрамову Б.А., доценту кафедры немецкой филологии Киевского государственного педагогического института иностранных языков Пророченко О.П. и кандидату филологических наук Цима Л.И. за ценные замечания, высказанные ими при рецензировании рукописи книги.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Достижения современной коммуникативной лингвистики позволяют осуществлять коммуникативный подход к любому лингвистическому явлению, что способствует более глубокому проникновению в сущность языка как средства общения.

К анализу коммуникативного процесса в зависимости от поставленной цели можно подходить с позиций коммуникативно-прагматических, коммуникативно-информативных, коммуникативно-когнитивных, коммуникативно-интегративных и др.

Языковая коммуникация является сложным интегральным процессом, ориентированным на передачу информации, на отражение социального поведения и социальных отношений между людьми. Опираясь на известное определение языка как средства коммуникации, следует отметить, что оба понятия язык и коммуникация не являются обратимыми, т.к. понятие коммуникации не исчерпывается одним языком. Коммуникация является специфической формой социального общения, заключающегося в передаче информации в социальном поведении и в социальных отношениях людей.

При анализе коммуникативного процесса нельзя ограничиваться установлением отношений только языковых элементов, т.е. только высказыванием, поскольку высказывание является лишь составной частью коммуникации. Поэтому целесообразно разграничение коммуникативного акта и высказывания. Специфика того или иного высказывания может быть установлена на фоне соответствующих коммуникативных актов.

В основу рассмотрения коммуникативного акта может быть положен любой концептуальный базис, т.е. любой набор семантических идей. Обязательным условием является опора на теорию деятельностной функции языка. Функция семантического принципа осуществляется интеграцией языковых и неязыковых средств. С этой точки зрения представляется плодотворным учет двух видов общения: вербального и невербального, позволяющих учитывать средства говорения и средства молчания. Рассматриваемые неразложимые структуры пронизывают всю сферу коммуникации, участвуют во всех видах общения.

Представляется плодотворным при анализе неразложимых языковых структур опираться на интегративные процессы, характерные для развития наук на современном этапе развития научной мысли.

В настоящее время понятие «интеграция» широко применяется при исследовании различных феноменов в ряде наук. «Одним из важнейших аспектов интеграции современного знания является все более усложняющаяся взаимосвязь философии с конкретными науками и практичес-

кой мыслью, развитие философии как органической части целостной системы знаний о мире, рост значения философии как методологической базы интегративных процессов в науке» [83, с. 24] .

На лингвистическом уровне интеграция интерпретируется как объединение частей в единое целое. Под понятие интеграции подводятся синтаксические образования как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

Понятие интеграции не получило однозначной интерпретации в лингвистической литературе.

Интеграция как «смешение», «слияние», «растворение» нескольких значений или лексем применяется при исследовании основных процессов взаимодействия лексико-семантических реалий в семантической системе языка [55].

Некоторые языковеды интерпретируют лингвистическую интеграцию как совмещение отдельных компонентов предложения [33].

Ряд языковедов ориентируется на понимание интеграции как на возникновение целого из его частей [133]. В некоторых исследованиях речь идет об интегральных частях целого [109].

Понятие интеграции применяется не только к тем или иным единицам, но и к анализу тех или иных языковых структур. В лингвистической литературе известен плодотворный интегративный грамматико-семантический анализ языковых структур, содержащий в себе парадигматические, синтагматические, прагматические и различные контекстуальные критерии, релевантные для установления значения отдельных слов [161]. Так, для прилагательного hell интегрированным анализом, основывающемся на пересечении паратактических и синтаксических полей, выявляются два значения reich an Licht и mit viel Licht.

Процедура интегративного лингвистического анализа основана на наблюдениях В. Порцига [152] о паратактических полях, включающих близкие слова, сочетающиеся друг с другом. Паратактические поля образуют семантически родственные слова, обозначающие цвет или источник света (blau, rot, grün, Feuer, Flamme, Sonne, Licht), прослеживается их сочетаемость с глаголами brennen, leuchten, scheinen и на этом основании устанавливается соответствующее значение.

При интегративном анализе существенное внимание уделяется контекстуальным критериям, которые являются релевантными при определении значения слова.

Все виды интеграции основаны на различном подходе к синтаксическим единицам языка. Большинство концепций, связанных с интеграцией, основано на линейном подходе к синтаксическим единицам. Но возникновение синтаксических единиц не всегда предполагает наличие только линейных связей, не исключается возможность существования между компонентами синтаксических структур и нелинейных связей.

Исходя из положения о том, что при изучении синтаксических единиц исследователь уделяет внимание их смыслу, вернее, строению смысла, следует рассматривать синтаксическую семантику как результат обработки синтаксической системой лексической семантики и граммати-

ческой семантики морфологических форм, а интеграцию, представляющую собой процесс в рамках синтаксической семантики, как взаимодействие компонентов внутри синтаксической структуры и между синтаксическими структурами. Правомерной с этой точки зрения представляется мысль тех лингвистов, которые при интерпретации синтагмы учитывают не только сочетаемость внутри данной конструкции, но и ее способность сочетаться с другими конструкциями при реализации различных синтаксических значений [97].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что интеграцию следует понимать как взаимодействие между компонентами синтаксической структуры, приводящую к возникновению в последней скрытых семантико-синтаксических значений и отношений. При рассмотрении интеграции на данном этапе исследования возможны различные пути анализа, с учетом положения о частях и целом, о частях, способных интегрироваться в целом, способном интегрировать части в целое [133]. Следовательно, интеграция предполагает возникновение языкового и речевого целого и частей целого из иерархически низших единиц.

Многомерность окружающей действительности и линейный характер языка приводят к тому, что для выражения различных оттенков человеческой мысли из ограниченного набора языковых единиц создается неограниченное количество их комбинаций, образующих языковые структуры той или иной степени сложности. Среди многочисленных языковых структур, служащих для нужд коммуникации, выделяются структуры, которые являются пучком пересечения особенностей, качеств различных уровней языка: уровня лексики, синтаксиса и фразеологии.

Весьма действенным оказывается механизм интеграции при исследовании избранного объекта – синтаксически неразложимых структур. При этом целесообразно опираться на понятие интеграции не только при возникновении неразложимых структур, но и при выполнении ими функциональной роли в акте коммуникации. При возникновении неразложимых структур процессами интеграции охватываются составные компоненты для выполнения коммуникативных задач, что приводит к функционированию в языке коммуникативно нагруженных компонентов. Речь идет о структурах, неспособных функционировать без коммуникативно нагруженного компонента ср.: schönes Wetter haben – *Wetter haben.

Вся сфера неразложимых языковых структур систематизируется и в ней выделяются две большие группы: неразложимые структуры на уровне словосочетания и неразложимые структуры на уровне предложения. В каждой из таких групп прослеживаются модификации структурного характера, устанавливается семантико-синтаксическое значение и раскрывается отношение интегративных структур к коммуникативной функции языка. Все эти моменты составили основу композиции данной работы, содержащей теоретические предпосылки исследования неразложимых языковых структур и всю сферу неразложимых языковых структур, основанную на интегративных процессах между компонента-

ми структур в системе имени существительного, глагола и на уровне предложения. Особо выделен раздел об отношении интегрированных структур к коммуникативной функции языка.

С опорой на достижения современной коммуникативной лингвистики можно раскрыть механизм построения и использования единиц различных уровней в условиях конкретной ситуации, в любом речевом акте, чем, собственно, заняты умы языковедов за последнее десятилетие, на что указывают многие исследователи.

Работа ставит своей целью показать, какие фрагменты окружающей действительности находят отражение в рассматриваемой сфере неразложимых языковых структур, как выражаются темпоральные, качественные, количественные и др. характеристики рассматриваемых объектов.

Поскольку в центре внимания находятся неразложимые языковые структуры, то представляется правомерным анализ различных видов таких структур и тех категориальных значений, носителями которых они являются.

При коммуникативном подходе к исследованию конкретных единиц языка в тесной взаимосвязи находятся все три его измерения: синтаксическое, семантическое и прагматическое, что также отмечается лингвистами [148, с. 46].

Правомерность такого подхода к описанию языковых явлений находит подтверждение в лингвистической литературе. «В самом общем плане исследование языка можно определить как исследование категорий, выражаемых в языке» [49, с. 133].

Глава I

РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ О НЕРАЗЛОЖИМЫХ СТРУКТУРАХ

§ 1. Интерпретация неразложимых структур в отечественном языкознании XIX–XX вв.

Экскурс в лингвистическую литературу показывает, что проблема синтаксической связанности, неразложимости и фразеологизации ведет свое начало от русской лингвистической мысли и ассоциируется с именами выдающихся русских языковедов, чьи изыскания находились на острие творческой грамматической мысли.

В отечественном языкознании XIX–XX вв. русские исследователи А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба и др. поставили вопрос о грамматически неразложимых структурах на разных уровнях языка и связывали это понятие с разнородными явлениями: 1) со словосочетанием, 2) с соотношением между словосочетанием и членом предложения.

«Синтаксическая связанность» у А.Х. Востокова [23], «синтаксическая слитность» у Ф.И. Буслаева [16] соотносятся с семантикой словосочетания в целом или с семантикой ограниченных разрядов слов, образующих словосочетание, в котором предлог выполняет функцию грамматического средства выражения управления («верить в судьбу», «играть в шахматы», «надеятся на бога» и др.).

Такого рода словосочетания рассматриваются как словосочетания «замкнутого типа, лексически застывшие». Весьма ценным наблюдением русских языковедов является признание синтаксической природы таких словосочетаний, основанной на «этимологической форме и первоначальном воззрении, лежащем в ее основе» [14].

Синтаксическими по своей природе являются словосочетания, содержащие имена существительные «темпоральной семантики», функционирующие в винительном падеже с определениями («прошлую зиму»), представляющие собой, по мнению Г.О. Винокура, «неразложимые комплексы» [22]. В некоторых концепциях русских языковедов при рассмотрении словосочетаний учитывается соотношение логического и грамматического. На основе расхождения между логическим и грамматическим синтаксически неразложимыми признаются словосочетания со счетными словами (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов). Специфика словосочетаний «два стола», «четыре человека» состоит в том, что счетные слова (два, три, четыре) управляют

родительным падежом единственного числа, в то время как при остальных счетных словах употребляется множественное число (5 столов, 100 столов). Расхождение между логическим и грамматическим в словосочетаниях репрезентирует множественность при наличии в них имен существительных, оформленных единственным числом. Некоторые языковеды именуют данное словосочетание «необыкновенным оборотом» [69] и объясняют его функционирование историческими условиями – существованием некогда в русском языке именительного двойственного, который был сходен с родительным единственного многих слов мужского рода (говорили: «два коня», но «три кони», «четыре кони», «три столи», «четыре столи»).

Некоторые языковеды видят в данных словосочетаниях в связи с исчезновением категории двойственности появление новой категории «несколько» [70], которая занимает промежуточное положение между «один» и «много». Такие исследователи стоят на позиции, что мысль в формальном знаке никогда не разрывает связи с грамматическими формами: удаляясь от одной, она непременно создает другую.

Понимая под разложимостью словосочетания выделение в нем господствующего и зависимого элементов, некоторые исследователи рассматривают словосочетания типа «два мальчика» как неразложимые с точки зрения современных синтаксических отношений [91]. Следует указать, что такой взгляд на подобные словосочетания не мог возникнуть без опоры на деятельностную функцию языка. Достаточно проследить функционирование подобных словосочетаний в высказываниях, чтобы убедиться в этом. Ср.: «В комнате находились два мальчика». Простая проба на элиминирование одного из компонентов рассматриваемого словосочетания приводит к аграмматичности всего высказывания, т.е. не удовлетворяет требованиям коммуникации. Ср.: *«В комнате находились два».

Мысль о невозможности членения некоторых видов словосочетаний по синтаксическим эталонам свободных словосочетаний представляется весьма плодотворной и связана с семантико-синтаксическими идеями, господствовавшими в русском языкознании конца XIX – начала XX веков.

Сущность концепций, основанных на семантико-синтаксических идеях русской передовой лингвистической мысли, заключается в том, что семантическое преобразование компонентов словосочетания влияет на их грамматическое преобразование и приводит к синтаксической неразложимости словосочетания. Широко известна в русском языкознании мысль об ослабленной знаменательности имени существительного в некоторых лексических группах слов («человек», «люди», «народ») [91].

Семантико-синтаксические идеи лежат и в основе соотношения словосочетания и их статуса как различных членов предложения.

Синтаксическая функция словосочетания зависит от его позиции в предложении. Наглядно это положение иллюстрируется в работах Л.В. Щербы [99, с. 100]. Словосочетание «тихим голосом» в зависимости

от его положения в предложении может выполнять функцию определения, обстоятельства и дополнения.

Ср. 1) Мой спутник тихим голосом говорил о необходимости считаться с обстоятельствами (определение).

2) Тихим голосом мой спутник говорил про необходимость считаться с обстоятельствами (обстоятельство).

3) У моего спутника болело горло и он говорил тихим голосом (дополнение).

Языковая сущность одного и того же словосочетания «тихим голосом» определяется Л.В. Щербой в зависимости от его позиции. По мнению Л.В. Щербы, позиция перед глаголом (1) способствует возникновению определительной функции данного словосочетания (тихо говорил); позиция, связанная с первым местом в предложении (2), способствует формированию обстоятельственной функции на основании того, что данное словосочетание может быть вынесено в качестве обособленного члена. В примере (3) словосочетание «тихим голосом» стоит после глагола, который в данном контексте требует дополнения. На этом основании словосочетание «тихим голосом» рассматривается как дополнение. Во всех рассмотренных примерах словосочетание «тихим голосом» является неразложимым, т.е. элиминирование атрибутивного компонента из состава словосочетания делает его неинформативным (ср.: *«говорить голосом»). Основываясь на семантико-синтаксических идеях, Л.В. Щерба считает дополнением нечто обязательно вытекающее из семантики глагола («Он живет в Ленинграде». Компонент «в Ленинграде» обязательно вытекает из семантики глагола «жить»), определение, по его мнению, нечто действительно определяющее глагольное действие, обстоятельство же – наиболее свободный, логически обособленный член предложения [**99**, с. 100].

Семантико-синтаксические идеи лежат и во взглядах тех отечественных лингвистов, которые рассматривают описательные формы как «один акт мысли» [**70**, с. 66]. «Всякая описательная форма, возникающая после простой и предполагающая эту последнюю (например, сочетание личного местоимения, как формы, с глаголом, формального глагола с причастием, предлога с именем) тем самым есть создание весьма сложное ... замена простой формы сложною не есть только заплата на старое платье, а создание новой формы мысли» [**70**, с. 66].

Эта плодотворная идея о возникновении «новой формы мысли» успешно применялась русскими лингвистами при исследовании сочетания слов в предложении (А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Л.В. Щерба).

Самое общее выражение этой идеи основывается на утверждении о том, что соединение слов при речепроизводстве определяется преимущественно не правилами синтаксиса, а правилами сложения смыслов, причем создается не сумма смыслов, а новый смысл [**100**, с. 24].

Положение о возникновении «нового смысла» на уровне предложения содержится в некоторых синтаксических теориях языковедов [**69**], оно основывается на расхождениях в оформлении и содержании высказываний.

Закономерности этих расхождений укладываются в определенные схемы: отрицание – утверждение, утверждение – отрицание. Предложение типа «сколько я ни говорил ему», «куда ни обернешься», «где бы я ни очутился» являются по форме отрицательными, а по смыслу утвердительными, так как высказывание «сколько я ни говорил» означает «я говорил много раз». Нерешительно-отрицательные предложения типа «давал – не давал», представляющие собой соединение двух тавтологических предложений, из которых одно утвердительное, а второе отрицательное, обозначают умеренность производимого действия [69, с. 390].

Обобщая наблюдения русских языковедов конца XIX – начала XX вв., следует отметить, что они сводятся к установлению семантически замкнутых схем построения словосочетаний и предложений, наличия в отдельных структурах семантико-фразеологических связей между компонентами, возникновения в отдельных высказываниях скрытых значений. Ценность этих, хотя и разрозненных наблюдений, заключается в том, что они даны на примере реально существующих структур, которые являются импульсами для их дальнейшего исследования.

§ 2. Неразложимые языковые структуры как объект исследования в зарубежном языкознании

В зарубежном языкознании, в частности в германистике, независимо от направлений его развития обнаруживается аналогичная картина по данной проблеме, а именно, отсутствие стройной концепции, отдельные наблюдения над весьма разрозненными явлениями.

Младограмматическое направление с его атомистическим подходом к явлениям языка содержит разнородный языковой материал, связанный с поставленной в данной работе проблемой.

Пристальное внимание исследователей немецкого языка к семантике падежей (Г. Пауль, О. Бехагель) позволяет им установить ряд тончайших оттенков, показать связанный характер падежей (Г. Пауль), раскрыть их способность создавать специфические соединения („Fügungen" – О. Бехагель, „analytische Komplexionen" – К. Бюлер) и выполнять различные синтаксические функции.

Широко представлены наблюдения исследователей немецкого языка над синтаксической природой винительного падежа, способного входить в соединения („Verbindungen" – Г. Пауль).

Помимо винительного «внутреннего содержания», зафиксированного во многих грамматиках немецких языковедов [107], отмечающих способность винительного падежа сочетаться с непереходными глаголами (Galopp reiten, Walzer tanzen), называется «винительный связанный», функционирующий как с переходными, так и непереходными глаголами с обязательным наличием при них предикативных прилагательных (ein Glas voll gießen, die Augen rot weinen, das Bett naß schwitzen, die Füße wund laufen).

В немецком языкознании много внимания уделяется функционированию винительного падежа в соединениях с безличными глаголами (es hagelt Steine), однако, среди исследователей нет единства в интерпретации винительного падежа: одни считают такой винительный – винительным «внутреннего содержания» [**149**], другие – винительным «внутреннего дополнения» [**126**, с. 118].

При исследовании родительного падежа в поле зрения исследователей немецкого языка попадают конструкции с приложением (ein Stück Brot, ein Pfund Mehl, eine Menge Obst) [**67**, с. 186]. В советском языкознании эти конструкции известны под названием «общий падеж», «монофлектив» (В.Г. Адмони), «немаркированный падеж» (Э. Габрите). Источником подобной интерпретации послужили взгляды немецких лингвистов, которые были не склонны видеть в таких конструкциях ни именительный, ни винительный падеж, а рассматривали второй компонент как «просто корень слова без всякого указания на падеж» [**67**, с. 186].

Возникновение некоторых застывших сочетаний типа über sich, unter sich, seiner Zeit объясняется исследователями немецкого языка действием принципа аналогии, широко применяемым при интерпретации языковых явлений. Застывшими такие сочетания являются потому, что в них нельзя выделить их составные части, так как они подчинены «творческой силе» всей языковой группы [67]. Синтаксическая природа таких образований связывается с функциональным изменением входящих в них слов: «Включение отдельных слов, форм слов и синтаксических сочетаний в ту или иную языковую группу всегда обусловлено их ф у н к ц и е й. Поэтому изменение функции может вызвать переход языкового элемента в другую группу. Войдя в новую группу, языковые элементы становятся причастны ее творческой силе. В результате этого возникают новообразования по аналогии в таких направлениях, которые совершенно неожиданны с точки зрения происхождения соответствующей формы слова или типа сочетания» [**67**, с. 278].

На фоне детально описанных двусоставных предложений с подлежащим и сказуемым в младограмматических изысканиях упоминаются особые разновидности предложений, именуемые «примитивными конструкциями без глагола», которые служат для выражения удивления или негодования говорящего, отвергающего при этом какое-нибудь утверждение (ich ein Lügner?; du mein Bruder?; er und bezahlen?) [**67**, с. 162].

В качестве оборотов, в которых подлежащее по отношению к тому или иному глаголу способно выражать новые, выходящие за рамки сложившейся традиции семантические отношения, признаются структуры типа: Die Bank sitzt voller Menschen. Der Eimer läuft voll Wasser [**67**, с. 186].

Наряду с традиционными отношениями между главными членами предложения, возникающими в результате согласования, внимание младограмматистов привлекают завуалированные субъектно-предикативные отношения в пословицах, которые могут быть эксплицированы (раскрыты) в структуре сложноподчиненных предложений (viel Geschrei, wenig Wolle = Wo viel Geschrei ist, da ist wenig Wolle.) [**67**, с. 148].

Весьма плодотворна мысль представителей младограмматического направления о ситуативно-ориентированных членах предложения, в частности об одночленных предложениях, состоящих из группы слов, выполняющих функцию сказуемого, подлежащим же в них является сама ситуация (Ihr Diener, gehorsamer Diener, zu Befehl, Feuer!) [67, с. 152].

Представляется целесообразным отметить, что различные наблюдения представителей младограмматического направления о неразложимых структурах не могли быть сделаны в отрыве от коммуникативного акта. Напротив, они связаны с повседневной деятельностью человека во всех сферах жизни, о чем свидетельствуют вышеотмеченные примеры. В исследованиях структурного направления немало внимания уделяется проблеме связи между отдельными элементами предложения.

Синтаксические концепции, ориентированные на определение членов предложения методом подстановки и перестановки, содержат наблюдения о неразложимости отдельных групп, выполняющих функцию того или иного члена предложения [128].

Подвергая элементы предложения всевозможным перестановкам, преследуя цель высвобождения элементов предложения из их первоначальной связи, констатируя невозможность нарушения связи между отдельными элементами предложения, структуралисты подтверждают тезис о синтаксической неразложимости некоторых групп предложения.

Методы «подстановки» и «перестановки» элементов предложения с целью выявления членов предложения (Г. Глинц) успешно применяются К. Бринкером [112] при установлении синтаксических функций предложных субстантивных структур, способных выступать «комплексными членами предложения» и раздельными членами предложения.

Используя метод перестановки в предложных субстантивных группах (auf der Straße nach Hamburg и am Vormittag im Garten), К. Бринкер оставляет за первой группой право называться «комплексным членом предложения», а за второй — право на существование в качестве «раздельных членов предложения» [112, с. 133], ср.:

Sie standen auf der Straße nach Hamburg.
*Sie standen nach Hamburg auf der Straße.
*Auf der Straße standen sie nach Hamburg.
*Nach Hamburg standen sie auf der Straße.
Auf der Straße nach Hamburg standen sie.
*Nach Hamburg auf der Straße standen sie.

Sie saßen am Vormittag im Garten.
Sie saßen im Garten am Vormittag.
Im Garten saßen sie am Vormittag.
Am Vormittag saßen sie im Garten.
*Am Vormittag im Garten saßen sie.
*Im Garten am Vormittag saßen sie.

Касаясь проблемы разграничения предложно-субстантивных объектов и предложных обстоятельств, следует отметить, что важную роль играет предлог, который оказывает влияние на формирование устойчи-

вых предложных структур, что подтверждает невозможность его замены никаким другим словом, ср.:

Inge achtet auf ihre Schwester.
*Inge achtet an ihre Schwester.
*Inge achtet in ihre Schwester [120, S. 484].

Замена предлога в предложных объектах свидетельствует о различии в значениях, ср.:

Er schreibt an die Regierung (Er wendet sich schriftlich an sie).
Er schreibt über die Regierung (Er schreibt eine Abhandlung über sie).
Er schreibt gegen die Regierung (Er nimmt schriftlich Stellung gegen sie).

Точно также и в предложно-субстантивных обстоятельствах локальной семантики, ср.:

Das Buch liegt auf dem Tisch.
Das Buch liegt neben dem Tisch.
Das Buch liegt unter dem Tisch.

Признавая предложные структуры устойчивыми синтаксическими сочетаниями, некоторые исследователи усматривают их устойчивый характер, несмотря на то, что существует возможность замены одного из компонентов этой структуры [124, с. 99], ср.:

Der Reisende wartet auf den Zug = erwartet den Zug.
Der Reisende wartet auf dem Bahnsteig = wartet da.

Касаясь вопроса разграничения предложных объектов и предложных обстоятельств и намечая пути их разграничения, зарубежные языковеды [123, 131, 151] поднимают важный для синтаксиса вопрос об отношении формы и функции и прогнозируют правильный путь исследования, сущность которого заключается в том, чтобы установить, какие имеются функции и какими формальными знаками они выражаются.

Поиски решения этого вопроса не дают однозначного ответа, так как не всякая функция характеризуется особыми формальными знаками, и не всякая формальная особенность соответствует особой функции.

Функциональные особенности языковых единиц неразрывно связаны с категориальной семантикой их морфологической формы, которая неотделима от слова, двойственного по своей природе. Слово выступает, с одной стороны, как центральная единица лексического состава языка, с другой стороны, оно обладает свойствами, зависящими от его строения и от видоизменений при использовании в речи, т.е. в высказываниях — предложениях. Будучи главной единицей изучения в лексикологии, слово в то же самое время является и основной единицей морфологии как раздела грамматики. Эта двойственная природа слова отражается в классификационном распределении слов по разрядам, т.е. по частям речи.

Участвуя в построении предложения, слово в своих видоизменениях становится зависимым от его роли (функции) в предложении. Определенные сочетания слов могут обозначать количество, размер и создавать соответствующие модели предложений.

Так, прилагательные alt, breit, dick, weit, tief и др., сочетаясь с име-

нами существительными в винительном падеже, служат для обозначения количества, ср.:

Er ist 5 Jahre alt.

Der Spalt ist einen Fuß breit.

Er wirft den Ball 70m weit [131].

Данные языковые явления связаны с проблемой семантических отношений на уровне предложения. Особый интерес представляют предложения, в которых функционирует «дательный принадлежности» (Pertinenzdativ – Duden). Эта проблема разрабатывается в современной лингвистической литературе под названием «семантической частичной системы» [150, с. 167], (Er klopfte seinem Freund auf die Schulter).

Специфика структуры предложений с «дательным принадлежности» состоит в том, что дательный падеж зависит не от значения глагола, а от семантических свойств имени существительного, находящегося в предложной группе. Эта позиционная зависимость подтверждается методом подстановки [162]; предложная группа auf die Schulter в случае замены в ней имени существительного другим именем существительным (Tisch, Stein, Brett и др.) теряет способность сочетаться с дательным падежом, ср.:

Er klopfte auf den Tisch, auf den Stein, auf das Brett.

Семантические ограничения заключаются в том, что появление «дательного принадлежности» связано с наличием в предложной группе имен существительных, обозначающих части тела или же принадлежность человеку чего-либо в широком смысле слова, ср.:

Ich verbinde dem Kinde die Hand.

Der Regen tropft mir auf den Hut.

Широко применяемая в зарубежной лингвистической литературе теория «семантического согласования» [142, с. 68], под которой понимается способность слова проецировать связь с определенными словами, получила свое дальнейшее развитие в теории о «лексических солидарностях» [117] и успешно применяется при интерпретации словосочетаний, в которых реализуется комбинация одинаковых сем [116]. Комбинация одинаковых сем прослеживается в единицах типа Karten spielen, Instrument spielen, их компоненты многозначны, а общее значение сочетаний предстает однозначным, т.к. в них комбинируются одинаковые семы.

Из многочисленного количества сем, содежащихся в слове Karte = = „Eintrittskarte", „Lohnkarte", „Fahrtausweis", „Lebensmittelkarte", „Gratulationskarte", „Beileidskarte", „Besuchskarte", „Speisekarte", „Spielkarte", в сочетании Karten spielen реализуется сема „Spielkarte" с соответствующей семой компонента spielen – „ein Unterhaltungsspiel ausführen"; обладающего рядом других сем, ср.:

„ein Unterhaltungsspiel ausführen", „bei einem bestimmten Glücksspiel" spielen; „sich an einem sportlichen Spiel beteiligen", „ein Musikinstrument beherrschen", „auf der Bühne künstlerisch gestalten, darstellen".

Понятие идиоматичности позволило некоторым исследователям противопоставить фразеологическим образованиям синтаксически нерегулярные образования и выделить синтаксические аномалии [116], ср.:

Schulter an Schulter «вплотную, вместе»:

Schulter an Schulter mit den Arbeitern müssen die Angestellten in den kapitalistischen Ländern um höhere Löhne kämpfen [116, с. 47].

Наряду с синтаксическими аномалиями, представляющими собой связанные комплексы, в современной зарубежной лингвистической литературе выделяются сочетания глагол + обстоятельство (предложная субстантивная группа) in der Schule bleiben, in Berlin wohnen. Они интерпретируются как тесно связанный комплекс на том основании, что обстоятельство здесь функционирует с соответствующим глаголом и определяет субкатегорию последнего. Функционирование таких комплексов и позволяет ставить вопрос об образовании адвербиальных субклассов, таких, как локальные, которые, в свою очередь, служат для дальнейшей глагольной субклассификации [157].

Неразрывная связь компонентов в составе синтаксических структур приводит языковедов к признанию устойчивого характера исследуемых единиц.

Раскрывая все многообразие синтаксических структур с глагольным компонентом haben в современном немецком языке, Х. Бринкман иллюстрирует, по существу, синтаксическую неразложимость структур, функционирующих в сфере понятия «иметь» [114], ср.:

Ich habe mit ihm Ähnlichkeit (bin mit ihm ähnlich).

Es hatte keinen Sinn mehr (es war sinnlos).

Es hat keinen Wert (ist wertlos).

Высказывание die Stadt hat 1000000 Einwohner со значением численности населения может быть заменено сжатой структурой: die Stadt mit 1000000 Einwohnern.

Специфические связи усматривают исследователи немецкого языка в предложениях типа der Saal faßt 500 Menschen, в которых глагольный компонент разъясняет содержание субъекта. Нестандартность связей на уровне предложения порождает устойчивость данных структур, специфика которых состоит в тесном взаимодействии глагольного и именного компонентов. Наряду с типизированными семантическими структурами на уровне предложения, предназначенными для выражения количества в различных его проявлениях, в современном немецком языке существуют семантические структуры на уровне словосочетания — в системе имени существительного и глагола —, которые рассматриваются как устойчивые и нередко именуются «идиосинкретическими» [116].

В поле зрения исследователей немецкого языка попадают структуры с als, имеющие имплицитные значения роли, свойства, состояния человека (als Arzt = in der Rolle des Arztes).

Подход к некоторым единицам языка как стяженным структурам, в которых методом развертывания выявляются содержащиеся в них значения, распространяется и на ряд других структур, в частности на конструкцию винительный с инфинитивом (accusativus cum infinitivo) [120], которая рассматривается как соединение двух самостоятельных предложений, ср.:

Ich höre ihn ein Lied singen.
Ich höre ihn. Er singt ein Lied.

Особо типизированными структурами в современном немецком языке являются так называемые «двухместные структуры» (einen Kilometer vor der Tankstelle ging ihm das Benzin aus; einen Tag nach dem Ablauf der Frist kam endlich der Bescheid), специфика которых заключается в том, что их основу составляет не первый компонент, указывающий на меру, расстояние в пространстве или во времени, а второй, обозначающий пункт, к которому относятся показатели меры, пространства и времени, о чем свидетельствует последовательное элиминирование составляющих структуру компонентов, ср.:

Einen Kilometer vor dem Ziel gab er auf.
vor dem Ziel gab er auf
*Einen Kilometer gab er auf.

Несомненный интерес представляет интерпретация языковых структур с модальным инфинитивом и причастием пассива (ist + zu + machen), известных в лингвистической литературе под названием амбивалентных структур, поскольку характер модальности (необходимости или возможности), имплицируемый данной структурой, зависит от контекста [122, с. 19].

Модальная окрашенность значения действия или состояния, содержащегося в таких конструкциях, позволяет исследователям рассматривать их как адекватные пассиву с модальными глаголами [143, с. 330].

В современном немецком языке функционируют модальные конструкции не только с глагольным компонентом sein, но и с bleiben, stehen, geben.

В качестве модальной рассматривается конструкция с глагольным компонентом lassen (lassen + sich + Inf.), которая, по мнению исследователей, соответствует пассиву с модальным глаголом können [120].

Модальные значения, заложенные в данных конструкциях, выявляются методом трансформации [131, с. 96].

Много внимания в современных зарубежных изысканиях уделяется сочетаниям глагола и имени существительного (in Bewegung setzen, außer Betrieb setzen), названия которых могут быть представлены богатым терминологическим рядом: «функциональные образования» [151], «перифрастические конструкции» [160], «устойчивые глагольные образования» [155], «простые фразеологические соединения» [139], «субстантивные описательные обороты» [119], «протяженные формы» [154] и др.

Признавая специфический, переходный характер данных единиц, исследователи направляют свои усилия на установление их отличий от свободных словосочетаний, с одной стороны, и от фразеологических, с другой, на установление критериев, по которым они выделяются, на соотношение в них процессов лексикализации и грамматикализации [135].

Отмечая сущность функциональных образований и прослеживая их функционирование, некоторые исследователи видят их предназна-

чение для выражения фазисного характера протекания действия (начало, процесс, результат).

Анализ точек зрения языковедов различных направлений зарубежной германистики обнаруживает, что большое внимание уделяется неразложимым единицам на уровне словосочетания и предложения, устойчивый характер которых обеспечивается семантической ограниченностью сочетающихся компонентов, их позицией в словосочетании / предложении, специфическими связями между компонентами, стяженным характером связи структур и имплицитностью грамматических значений.

При интерпретации неразложимых структур исследователи раскрывают взаимопроникновение формальных и семантических черт, отмечают синтаксическую природу этих структур и прослеживают в некоторых из них наличие семантических категорий.

Представители теории генеративной семантики опираются в своих концепциях на грамматические критерии при описании семантических ограничений [87]. Рассматривая способы комбинирования семантических единиц, генеративная семантика отмечает огромное число специфических ограничений, лимитирующих сочетаемость конкретных семантических единиц. Одни ограничения связаны с грамматическим поведением семантических единиц: не каждое имя существительное способно выполнять функцию объекта («*я испугал стол»), другие – с характером знания об объективной реальности: сочетание слов в предложении «У моей собаки есть крылья» находится в противоречии с человеческим знанием.

Релевантными при определении семантических ограничений первого типа признаются понятия одушевленности и постоянного состояния. В связи с тем, что глагол «пугать» требует одушевленного имени существительного, то предложения с неодушевленными существительными являются неестественными. Словосочетание «быть высоким» связано с понятием «постоянное состояние», поэтому неестественными являются предложения, выражающие преходящие события «*Он будет высоким в 5 часов».

Основываясь на расхождениях между грамматической организацией структуры и ее информативным содержанием, представители генеративной семантики приходят к мысли о том, что некоторые семантические категории не находят формального выражения в грамматической организации структуры. Перечисляя состав аргументов при конструктивном центре предложения – глаголе, У.Л. Чейф отмечает наличие значения сукцессивности (успешности) совершаемого действия в семантических структурах с аргументом в функции инструмента, – значения, не содержащегося в грамматической организации структуры, ср.:

«Он разрезал канат ножом» = «Ему удалось разрезать канат ножом»

Расхождение между формальной организацией структуры и ее информативным содержанием способствует возникновению имплицитных значений. Так, структура вопросительных предложений, содержащая отрицание, способна формировать категорию утверждения. Одно и

то же предложение в зависимости от его коммуникативного назначения может формировать отрицание и утверждение.

Отрицательное предложение типа: «Кто не видел гориллу?» может быть ориентировано на получение языковой реакции слушающего или же на эмоциональное выражение говорящего. В зависимости от этого прослеживаются в данном высказывании отсутствие / наличие расхождений в формальной организации структуры и информативном содержании предложения. Другими словами, одна и та же структура может служить не только для выражения отрицания, но и для выражения утверждения, сущность которого в том, что каждый видел гориллу. Предложение с таким значением является скорее восклицательным, риторическим вопросом, семантическая структура которого не является идентичной семантической структуре отрицательного предложения.

И, действительно, утрачивая свое категориальное значение, местоимение «кто», взаимодействуя с отрицанием «не», с учетом измененной интонации, способствует возникновению утверждения «Все видели гориллу».

Касаясь проблемы комбинирования семантических единиц, генеративная семантика отмечает возможность возникновения помимо наличия свободного, несвязанного значения нескольких компонентов, единого значения, выражаемого с помощью нескольких слов, т.е. развивает идеи о возникновении идиоматического выражения, которое связывается с появлением в процессе говорения дополнительной фазы, «литерализации». Соответственно данной концепции процесс использования идиомы распадается на две фазы: сначала значение появляется в уме, а затем наступает фаза литерализации, т.е. его передача с помощью нескольких слов, которые в свободном, несвязанном значении имеют другую семантику.

Литерализация в данной концепции генеративистов прослеживается в так называемом прогрессиве, который представляет собой семантическую единицу, идиому, структура которой включает глагольный компонент be и инговую форму (ing): Steve is eating, а семантическая единица «перфектив» представлена литерализацией have и en: Steve has eaten (Чейф).

Литерализация в концептуальной теории генеративной семантики рассматривается как специальный способ возникновения, формирования единого значения с помощью нескольких слов и элементов слова и помогает разграничивать структуры, способные иметь различные значения, идиоматические и неидиоматические, отличие которых заключается в том, что они обладают различным грамматическим поведением. Семантическая структура неидиоматического характера способна порождать различные структуры, допускающие введение новых и замену составляющих ее компонентов, семантические структуры идиоматического характера не способны претерпевать подобные изменения.

В лингвистической литературе нередко описываются неразложимые высказывания, функционирующие как готовые речения [50].

Иногда готовые речения, отмеченные еще Соссюром (locutions

toutes faits), противопоставляются свободным высказываниям, имеющим в своем составе идентичные элементы. Неразложимое целое How do you do? , оформленное вопросительным знаком, не воспринимается как вопрос, оно выпадает из общих правил грамматики. Готовое речение Rest in peace отличается ситуационной обусловленностью от свободно построенного высказывания Rest here quietly for a moment со значением приказания или совета.

Как готовые речения рассматриваются пословицы, обладающие внутренней структурой, не поддающейся описанию посредством правил с обычными сочетаниями слов (Easy come easy go). На основании присущего им интонационного контура они рассматриваются как неполно грамматически структурированные. Наряду с ними выделяется тип частично грамматически неструктурированных выражений, которые способны образовывать предложения по продуктивным моделям. Это предложения-схемы (Down with ...! – «Долой ...!»). Заполняя пустую позицию в этих предложениях словом соответствующего грамматического класса, можно порождать любое число предложений («Долой короля!») [50, с. 90] . Специфика подобных выражений, способных создавать продуктивные модели предложений, свидетельствует о том, что они выпадают из общих правил построения и поведения обычных синтаксических единиц и, по праву, могут быть отнесены к переходным случаям, составляющим пограничную сферу языка, как уникального объекта, структура которого должна быть соотнесена со структурой закономерностей существования материального мира, истинное познание которого осуществляется с помощью объективных адекватных структур [44] .

Синтаксическая связанность – на материале французского языка – отмечается в группах слов с усиливающим определением типа refuser catégoriquement – «категорически отказать», regretter amèrement – «горько сожалеть». Несмотря на независимость прилагательного оно рассматривается как синтаксически связанное [9].

Для французской лингвистики характерна тенденция наряду с языковыми объектами, имплицирующими различные мыслительные категории, рассматривать и мимические знаки, которые наделяются определенными значениями. В частности, жесты считаются эквивалентами предложений. Пожимание плечами может означать безразличие, неуверенность, нахмуренные брови в соединении с грозно устремленным взглядом как мимический жест может равняться предложению «Это приводит меня в гнев.» [9].

Наделяя мимические и ситуативные знаки теми же свойствами, какими обладают языковые знаки, т.е. виртуальностью, способностью к актуализации в процессе употребления, исследователи рассматривают их как имплицитные высказывания, находящиеся в памяти человека в скрытом состоянии и способные актуализироваться в процессе употребления.

Наряду с имплицитными высказываниями французские языковеды раскрывают проблему имплицитных грамматических связей некоторых конструкций (причастных, инфинитивных) [10].

§ 3. Понятие неразложимости языковых единиц в советской германистике

В советской германистике проблема неразложимости языковых структур связывается с явлениями аналитизма, грамматического идиоматизма, фразеологизации.

При установлении статуса глагольных аналитических конструкций разграничиваются два вида неразложимости: лексическая и грамматическая. Лексическая неразложимость связывается с лексической весомостью второго компонента, передающего лексическое значение всего сочетания, в то время как грамматическая неразложимость связывается с грамматическим переосмыслением составляющих конструкцию компонентов, приводящим к возникновению грамматического значения конструкции, не покрываемого простой суммой значений ее частей [29].

Неразложимость языковых структур, связанная с грамматической идиоматизацией, основывается на признании того факта, что грамматический статус конструкций подвергается полной или частичной идиоматизации. Типизированность таких образований позволяет их моделировать и исследовать на основе их своеобразия, проистекающего из общих структурных черт моделей: идиоматизма грамматического значения, облигаторного присутствия типизирующих модель слов. Отмечая периферийное положение таких образований в синтаксисе, О.И. Москальская [61] разграничивает идиоматические предложения несерийного типа со значением утверждения или отрицания (Und ob! Wo werde ich denn!) и блок фразеологизированных моделей с различного рода интонациями: побудительной (Immer Mut!), восклицательной (Du Feigling!), побудительно-восклицательной (Mach, daß du verschwindest!).

Идиоматичность порою связывается не только со структурной формой модели, но и с ее лексико-семантическим содержанием и контекстом. И.С. Рахманкулова [72], рассматривая идиоматизм как критерий выделения фразеологических моделей, различает три вида: структурный, лексический и семантический. Под последним понимается семантическая несовместимость глагола с именным членом (Er tut ungläubig). В данном случае глагол десемантизируется и превращается в функциональный глагол, а глагольное словосочетание предстает как модифицирующая аналитическая конструкция, поскольку в составе такого словосочетания глагол переходит в другую семантическую группу. Сочетание повышенной образности и идиоматичности создает наиболее связанные модели.

В советской англистике поставлен вопрос о существовании «фразеолого-синтаксического типа словосочетаний» глагол + определенное наречие [77] (to eat up – «съесть», to drink up – «выпить»), т.е. синтаксических структур для обозначения законченности или завершения действия.

Неясной остается позиция исследователей английского языка в отношении предложных субстантивных словосочетаний. А.И. Смирницкий,

решая проблему отдельности слова, опирается на положение академика В.В. Виноградова, установленное им при анализе стихотворения Пушкина «Глухой глухого звал на суд судьи глухого», в котором дается интерпретация сочетания «на суд» как одно целое или как два слова [77, с. 27].

Исследование характера связей между компонентами словосочетания приводит языковедов к установлению таких синтаксических связей, которые оказываются «семантически несвободными», ограниченными со стороны фразеологических отношений между соединяемыми словами [8, с. 455] («надеяться на»). Наличие синтактико-фразеологических связей приводит к формированию семантически замкнутых схем построения словосочетаний и предложений [8, с. 456].

На материале английского языка ведется исследование неразложимости языковых структур и с позиций контекстной обусловленности. В качестве неразложимых рассматриваются такие словосочетания, которые, несмотря на лексическую самостоятельность компонентов, являются одним членом предложения в определенном контекстуальном окружении. Критериями выделения синтаксически неразложимых словосочетаний в функции подлежащего типа: «Пугачев и он были одно лицо.» признаются ряд признаков формального и содержательного характера (значение компонентов словосочетания, всего контекста, характера связи и др.). В выделенных по характеру связи между компонентами сочинительных неразложимых сочетаний критерием неразложимости представляется лишь семантический признак — обобщающее значение предикативного члена, сказуемого в целом или другого члена предложения.

Неразложимость словосочетаний при заданном контексте рассматривается как таковая на уровне функционирования сочетаний в предложении. Такая неразложимость обусловлена смысловыми отношениями между словами только в определенном контексте.

Контекст и семантика ведущего компонента признаются исследователями основными факторами неразложимости структур, которые функционируют в качестве семантически и синтаксически спаянной единицы и занимают промежуточное положение между свободными и фразеологизированными словосочетаниями. При этом дифференциальным семантическим признаком, отличающим ведущие компоненты неразложимых сочетаний от ведущих компонентов разложимых сочетаний, является присущее им свойство смысловой синсемантии, под которой понимается способность слова выражать значение лишь в сочетании с лексическими единицами, входящими в контекст этого слова. Критерием семантико-синтаксической неразложимости словосочетания является неспособность ведущего компонента без зависимого компонента обеспечить грамматическую, семантическую и контекстуальную отмеченность предложения.

Создаваемые на материале русского языка современные синтаксические теории пронизаны стремлением найти обоснование наблюдаемых синтаксических фактов за их пределами — в «глубинных структурах»,

в «коммуникативном задании высказывания», в «структуре ситуации». Многие современные синтаксисты направляют свои усилия на поиски «незримых», «неслышимых единиц», т.е. всего того, что не дано в материальном обличии словоформ, такой точки зрения придерживается Н.Д. Арутюнова, которая пытается установить то, что не дано в материальных конституентах предложения: «Предметом сообщения является предложение. В трактовке этой единицы синтаксиса нам бы хотелось отдалиться от формально-реалистического подхода, исключающего из структуры предложения все то, что не дано в материальном обличии словоформ. Принятый нами подход «от лукавого» допускает присутствие в строе предложения и некоторых незримых (или неслышимых) единиц, выявляемых в процессе анализа» [5].

Синтаксическая связанность, неразложимость и фразеологизация языковых структур стоят в центре внимания современных русских языковедов при исследовании разговорной речи [95].

Исходя из наличия в современном русском языке огромного количества стабилизировавшихся построений, лексически свободных, не поддающихся с точки зрения грамматической структуры членению, языковеды описывают различные модели этих построений и вскрывают их значения:

1) модально-экспрессивные значения («Ай да Ваня!» – Н.Ю. Шведова);

2) экспрессивное отрицание («Да кто его презирает?» – Д.Н. Шмелев);

3) модально-оценочное значение («Где ему жениться, ему самому еще няньку надо . . .» – Д.Н. Шмелев);

4) значение интенсивности и полноты предикативного признака («Так и хлещет!» – Н.Ю. Шведова);

5) значение утверждения («Чем не жених!» – Н.Ю. Шведова);

6) значение количественности («Воды прибывает!» – Н.Ю. Шведова).

При интерпретации таких своеобразных структур учитывается категориальная и лексическая ограниченность («Что верно, то верно!»), отход составляющих структуру компонентов от своего прямого значения («Хорош друг!»), утраченность, ослабленность, затемненность категориального значения («Чем не жених!»), наличие «информативно восполняющего падежа» («трое друзей, пара сапог») [93].

Разнородный характер подобного рода конструкций находит свое выражение в их названиях: «фразеологизмы» (Н.Ю. Шведова), «синтаксически связанные конструкции», «фразеосхемы» (Д.Н. Шмелев), «шаблонные фразы» (Л.И. Якубинский) [103].

Возникновение данных конструкций связано со сложными лексико-семантическими процессами, которые претерпевают слова, входящие в структурный остов таких образований. Их отличие от свободных разложимых образований заключается в ограниченной возможности словесного наполнения одного из формообразующих элементов или во фразеологическом характере самой модели.

Со свободными построениями их роднит наличие в них модальности, которая различается по способу ее выражения. В свободных синтаксических построениях модальность обычно выражается морфологически или лексически (частицами, модальными словами), синтаксически «связанные» конструкции характеризуются специальной модальностью, синтаксически обусловленной, находящей свое выражение во взаимодействии составляющих их компонентов. Лексически и категориально ограниченные, лексически ослабленные компоненты являются конструктивными элементами синтаксически неразложимых построений, которые не могут быть элиминированы из состава данных построений, т.е. это ведет к разрушению их структуры. Роль этих элементов, претерпевающих различного рода изменения, не ограничивается только их структурной предназначенностью, они, интегрируясь с компонентами синтаксического построения, формируют его модальность.

Помимо обязательного наличия конструктивного компонента для синтаксически «связанных» конструкций характерным является твердо фиксированный порядок слов (обычно с конструктивным компонентом на первом месте) и особая интонация («Какие теперь дела!») [98].

Устойчивую схему синтаксически «связанной» конструкции иногда создает особого рода сочетаемость: препозиция инфинитива и спрягаемая форма глагола («грешить – грешу» – Д.Н. Шмелев).

Синтаксические фразеологизмы, обнаруживающие чистый вид фразеологизации («Чем не жених!»), имеют в своем составе также конструктивный компонент (чем), но он является не мотивированным с точки зрения действующих синтаксических норм, так как по своей функции он отходит от формы творительного падежа соответствующего местоимения и лишен своих категориальных значений.

Синтаксические фразеологизмы отличаются от лексических фразеологизмов тем, что допускают свободное лексическое наполнение знаменательной части речи («Чем не студент!») и являются носителями общей «фразеологичности» значения во всех конкретных ситуациях.

Идея об обязательном конструктивном компоненте предложения оказалась весьма продуктивной и позволила существенно раздвинуть границы грамматической неразложимости. Анализ некоторых падежных форм, являющихся обязательными компонентами предложений, привел исследователей к мысли о том, что в определенных моделях способны развиваться новые значения, в частности, значение количественности («Машин идет!», «Хлеба еще осталось!» – Н.Ю. Шведова [93]). Твердо фиксированный порядок слов в подобных структурах с родительным беспредложным, являющимся обязательным компонентом предложения, создает определенную модель, в которой в результате взаимодействия ее компонентов имплицируется элемент значения количественности («много», «мало» или «нисколько»).

С этой ценной идеей семантической нерасчлененности, возникающей в результате определенного характера модели, тесно соприкасается положение о детерминантах, способных функционировать в предложении в качестве распространителей его схемы [92]. «Много веков человек был

привязан к земле.» В данном высказывании в качестве распространителя выступает сочетание «Много веков», которое является неразложимым, так как взаимодействие компонентов создает значение темпоральности.

Положение о детерминантах в его общем виде получает свое дальнейшее развитие в трудах русских синтаксистов, исследующих различного рода распространители, входящие в живое предложение и обнаруживающие определенные закономерности в характере связей с компонентами предложения. Исследование конкретных видов распространителей приводит языковедов к мысли о том, что распространение предложения происходит не по законам свободной сочетаемости, а по законам семантического согласования или закону сложения смыслов [24].

Основываясь на наблюдениях отечественных и зарубежных исследователей, можно отметить, что проблема неразложимости языковых структур связывается с рядом различных факторов, а именно:

способностью той или иной структуры функционировать в роли одного члена предложения, возникающего в результате синтаксической связанности, слитности, приводящих к формированию синтаксически неразложимых комплексов (А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов, Г.О. Винокур, А.М. Пешковский, К. Бринкер, Р. Штейниц);

особым характером связи компонентов словосочетания и предложения (Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, Г. Пауль, Дуден, О.С. Ахманова, А.И. Смирницкий и др.);

возникновением новых мыслительных категорий в предложениях (А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, Г. Пауль и др.);

идиоматичностью структуры (Г. Пауль, Г. Глинц, О.И. Москальская, П.С. Вдовиченко, И.С. Рахманкулова, Н.Ю. Шведова и др.);

синтаксической связанностью структуры (Д.Н. Шмелев, Ш. Балли, У.Л. Чейф и др.);

реализацией одинаковых сем компонентов структуры (Г. Бургер, М.В. Всеволодова).

Систематизируя огромный, но разноплановый материал, связанный с проблемами синтаксической связанности, неразложимости и фразеологизации в синтаксисе, целесообразно, с одной стороны, выделить целый ряд единиц разных уровней, к которым применимы эти понятия, с другой стороны, разные аспекты, в которых проявляется связанность, неразложимость и фразеологизация:

1) на уровне с л о в а выделяются сочетания полнозначного и служебного слова – сочетания глаголов с предлогами и глагольно-аналитические конструкции.

Единицы уровня слова возникают на базе синтаксиса, но судьба их различна: они или переходят в область морфологии (глагольные аналитические конструкции, вошедшие в парадигму) или же создают лексемы, способные функционировать в связанном лексическом и грамматическом окружении (Ich bestehe auf meinem Vorschlag).

2) На уровне с л о в о с о ч е т а н и я следует выделить единицы с двумя полнозначными словами («два мальчика», «бутылка вина»), а также единицы, обнаруживающие нейтрализацию синтаксических признаков и приобретающие значение действия (Klavier spielen)

1) На уровне предложения выделяются фразеологизированные модели («Чем не жених!») и периферийные структуры («Воды напекло»).

Избран в качестве объекта описания многоуровневый, многоплановый материал, автор поставлен перед необходимостью выбора языковой единицы, которая была бы применима ко всему объему рассматриваемого материала. В качестве объекта описания избираются структуры в системе имени существительного, состоящие из полнозначных слов (viel Neues, rote Wangen haben); структуры, включающие служебное и полнозначное слово (auf dem Tische, bei Berlin); в системе глагола рассматриваются структуры с десемантизированным компонентом (im Sterben liegen, gehören + Part. II и др.). На уровне высказывания описываются различные структуры с имплицитными значениями (Es hagelt Gold. Sicher ist sicher. и др.).

Глава II

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СФЕРЕ НЕРАЗЛОЖИМЫХ СТРУКТУР

§ 1. Языковая интеграция как основа возникновения неразложимых структур

Различная интерпретация языковых единиц в лингвистической литературе, вызывающая ассоциацию то с «некоторым методическим построением» [40], то с «чувственно-материальными фактами» [89], то с моделью [52], то с «позиционным звеном» [53], то с «абстрактной языковой сущностью» [63], не может удовлетворить исследователя, рассматривающего переходные случаи языковых единиц, в которых взимодействуют различные уровни. Существующая иерархическая система языковых единиц строится на соотношении:

фонема
↓
морфема
↓
слово
↓
словосочетание
↓
предложение

Избранный объект описания – синтаксические фразеологизмы не находят себе места в данной системе, так как они находятся на пересечении трех уровней: лексического, синтаксического и фразеологического.

С этой точки зрения правомерно ставить вопрос об антисистемности в языке. Мысль о системе и антисистеме не только высказана в лингвистической литературе [15], но и нашла свою реализацию [55].

Учитывая важность интегративных процессов в науке вообще и в языкознании, в частности, вполне правомерно использовать такое измерение, которое охватило бы единицы разных уровней языка. Представляется целесообразным ввести понятие интегрированной структуры (ИС), обнаруживающей фиксированный порядок компонентов и содержащей скрытые грамматические значения и отношения.

Интегрированная структура в таком ее понимании способна выразить сущность явлений, лежащих в пограничной области, на стыке синтаксиса, лексики и фразеологии, явлений, представленных словосочетаниями и предложениями, основанными на свободном и несвободном сочетании слов.

Свободные сочетания слов создаются в конкретном акте речи для сообщния определенного содержания в предложении. Совместимость предметно-понятийного (лексического) и грамматического значения слов, реализуемых в соответствии с нормами словоупотребления в действующих синтаксических моделях с переменным компонентом lesen (Brief, Zeitung, Buch, но не Boot – «читать письмо, газету, книгу», но не «лодку»), обеспечивает связь слов в свободных сочетаниях. Понятие «совместимость значений» предполагает способность слов семантически согласовываться, т.е. реализовать общий для членов сочетания лексический или лексико-грамматический компонент в их значениях (ср.: несовместимость лексических значений типа «твердый пух» или лексико-грамматических значений типа «вчера приду») [64].

Несвободные сочетания слов характеризуются прежде всего определенным лексическим составом, фиксированным или частично переменным, но всегда ограниченным в выборе чем-то внешним по отношению к реализуемому значению слов или значению конструкции. В несвободном сочетании слов выбор переменных компонентов может быть ограничен по причине несочетаемости слов или их означаемых, либо тех и других вместе, ограничения могут налагаться также по линии конструктивно-грамматической.

Виды несвободных сочетаний слов чрезвычайно многообразны, начиная от сочетаний, в которых лексические компоненты выступают как строевые элементы моделей, вплоть до реализации «связанных» значений. Несвободные сочетания могут обладать и предикативным значением и выступать эквивалентом предложений или только формально совпадать с ними.

Ограничению сочетаемости слов способствует целый ряд факторов: 1) грамматическое значение слова (наречия, как правило, не сочетаются с именами существительными), 2) реальное значение слова, 3) стилистическое тяготение слова, 4) традиция словоупотребления [51, с. 132].

Наличие различных факторов ограничения сочетаемости слов приводит некоторых исследователей к мысли о том, что свободных словосочетаний не существует и их следовало бы назвать «изменяемыми или

переменными» в отличие от неизменяемых, неизменных или устойчивых словосочетаний [51, с. 133]. Дальнейшее развитие этой мысли сводится к тому, что в «классификацию фразеологического материала должны входить и так называемые свободные словосочетания как отправная, исходная категория» [51, с. 132].

Сложность данной проблемы усугубляется еще и тем обстоятельством, что понятие разложимость / неразложимость применяется в современных исследованиях при интерпретации свободных и несвободных словосочетаний. Несвободные словосочетания могут быть разложимыми и неразложимыми.

Так, если исходить из интерпретации неразложимости как наличия более или менее фиксированного порядка компонентов словосочетания, ограниченной возможности замены его частей (знаменательных и служебных), многократной повторяемости словосочетания, то словосочетания, например, в русском языке «масляная краска», «писать красками» предстают как устойчивые разложимые, если же слово «краска» утрачивает свое основное значение «красящее вещество» («изображать в каких-либо красках»), то словосочетание рассматривается как устойчивое неразложимое.

Тесное соприкосновение свободных и несвободных словосочетаний, наличие интеграции в тех и других, появление интегративных компонентов не позволяют в ряде случаев установить границу, отделяющую фразеологию от синтаксиса. Мнимая свобода словосочетаний приводит исследователей к мысли о наличии процессов фразеологизации в синтаксисе, охватывающих многочисленные языковые структуры, которые являются пучком пересечения различных явлений языка: лексических, синтаксических и фразеологических и служат для выражения различных оттенков человеческой мысли.

Поставленная проблема фразеологизации языковых структур в синтаксисе современного немецкого языка в ее общем виде и намеченная ее детализация в аспектах синтаксической связанности, неразложимости и фразеологизации не может рассматриваться в отрыве от процесса лексической фразеологизации, в связи с чем представляется целесообразным коснуться вопроса о сопоставлении и разграничении фразеологизации в лексике и синтаксисе.

§ 2. Лексические и синтаксические фразеологизмы

Наиболее экономный путь решения этого вопроса предполагает опору на концепции, ориентирующие на признание фразеологизмов и нефразеологизмов, под которыми понимаются словосочетания и предложения, находящиеся в стадии перехода или переосмысления во фразеологизмы. Одной из таких концепций является концепция А.И. Молоткова, раскрывающая отличия лексических фразеологизмов от идентично с ними построенных языковых единиц, находящихся в стадии перехода во фразеологизмы.

За пределами фразеологизмов находятся словосочетания, в которых

одно слово получает значение, обусловленное только данным, конкретным сочетанием слов («девичья память», «телячий восторг») [58].

В число нефразеологизмов входят глагольно-именные словосочетания типа «дать согласие», «одержать победу», представляющие собой описательные обороты, развивающиеся не как лексический дублет глагола, а как «грамматически более емкий прием характеристики глагольного действия» [59, с. 15].

К нефразеологизмам А.И. Молотков причисляет также именные и глагольные словосочетания, образованные путем повторения одного и того же слова в разных формах или путем сочетания двух слов с одной основой («зверь зверем», «из месяца в месяц», «пир пировать»). В состав нефразеологизмов включаются союзы, частицы и разряды слов, выполняющие служебную функцию в составе предложения («несмотря на», «в течение», «в связи с тем, что» и др.).

Основываясь на данной концепции, отражающей положение в русском языке, можно провести частичное разграничение лексических и синтаксических фразеологизмов, основанное на формировании у первых конкретного лексического значения, грамматического значения – у вторых.

В лингвистической литературе прослеживается неодинаковая степень исследования сравниваемых величин: больше внимания уделяется лексическим фразеологизмам различных языков, менее освещены синтаксические фразеологизмы.

Весьма плодотворным в области изучения фразеологии явилось стремление исследователей выявить объективные методы и критерии для установления фразеологичности несвободных словесных комплексов, обладающих отдельностью значений [4].

Особенно эффективным оказался комплексный метод, который учитывает все основные детерминаторы, формирующие устойчивое соединение слов: синтаксическую структуру, способ сцепления компонентов, значение, возникающее в результате взаимодействия структуры, наличие или отсутствие семантических сдвигов в компонентном составе устойчивых сцеплений слов [88].

Фразеологическими единицами, по определению И.И. Чернышевой, являются раздельнооформленные устойчивые соединения слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантического преобразования компонентов [82].

Отграничивая синтаксические фразеологизмы от фразеологических единиц, можно определить их как синтаксически неразложимые структуры разных уровней, охватывающие свободные соединения слов различных структурных типов, лексически ограниченные соединения слов различных структурных типов, моделированные образования и чисто фразеологизованные структуры с фиксированным порядком компонентов, отличающиеся наличием в них скрытых семантико-синтаксических значений.

Все эти неразложимые единицы являются результатом интегратив-

ных процессов, приведших к образованию структур различных типов с фиксированным порядком компонентов, со скрытыми грамматическими значениями и отношениями.

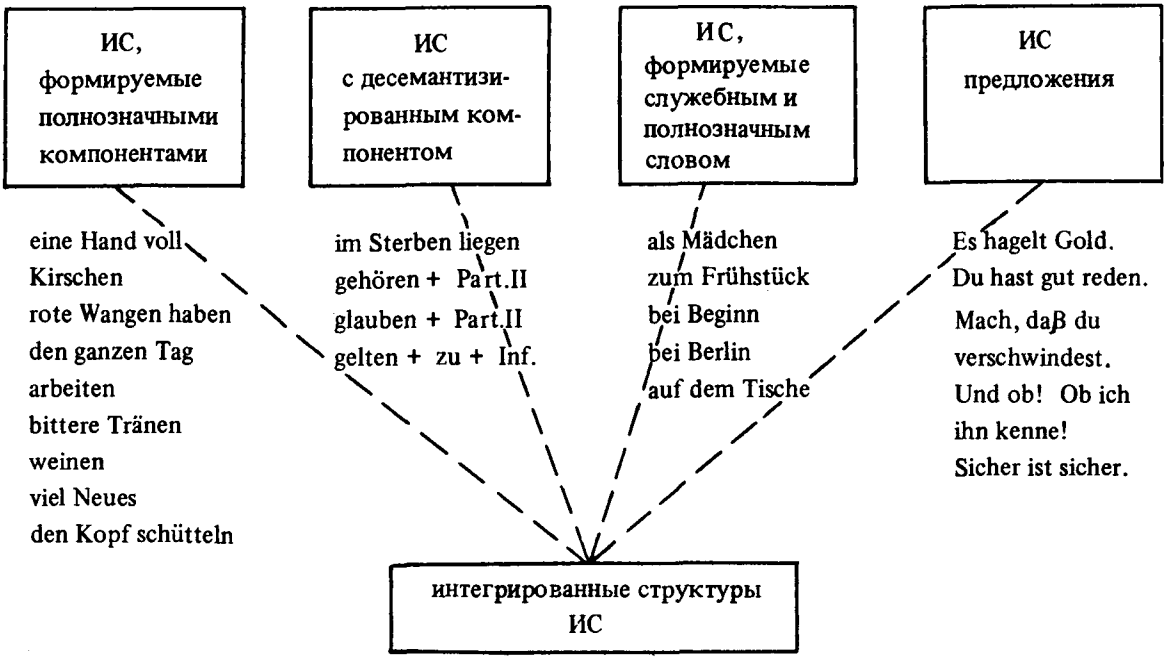
В состав интегрированных неразложимых структур включаются свободные предложные субстантивные соединения с различными имплицитными семантико-синтаксическими значениями (als Mädchen, auf dem Tisch, vor Sonnenaufgang), несвободные словосочетания со специфической сочетаемостью имени существительного с неопределенными местоимениями и числительными (viel Glück, wenig Wissenschaft), структуры с временными характеристиками, основанные на сочетаемости ограниченной группы имен существительных с местоимениями, способных употребляться в винительном падеже (jeden Sonntag), атрибутивные соединения, не способные функционировать без определения (rote Wangen haben, den ganzen Tag arbeiten, bittere Tränen weinen), моделированные образования с отходом от регулярного употребления глагола (es hagelt Gold), с отходом от регулярной структуры всего предложения (ich ein Lügner?), структуры с расхождениями в грамматической организации и их информативном содержании (da wären wir).

Основными критериями, позволяющими отграничить синтаксически неразложимые структуры от других структур являются: 1) информативная интегрированность синтаксической структуры, 2) особая синтаксическая организация, заключающаяся в фиксированном порядке и количестве компонентов структуры, 3) наличие у структур скрытых грамматических значений и отношений. Это, с одной стороны, скрытые грамматические значения, возникновение которых связано с наличием типизированных структур, выполняющих функцию единого члена предложения, и, с другой стороны, скрытые грамматические значения и отношения, возникающие в определенных моделях предложений.

Весь спектр интегрированных информативных структур может быть представлен как веер различных образований уровня словосочетания и предложения, заполняющих периферийную сферу языка, своеобразие которой создается интегративными процессами между составляющими структуру компонентами. Учитывая характер составляющих структуру компонентов, их можно разделить на полнозначные компоненты, компоненты, подвергающиеся десемантизации, и компоненты, репрезентированные служебным и полнозначным словами, а также структуры-предложения.

§ 3. Критерии выделения синтаксических фразеологизмов

Первым критерием выделения синтаксических фразеологизмов является интеграция. Исходя из положения о том, что при изучении синтаксических единиц исследователь уделяет внимание их смыслу, вернее, строению смысла, следует рассматривать синтаксическую семантику как результат обработки синтаксической системой лексической семантики и грамматической семантики (см. схему, с. 31) морфологических форм, а интеграцию, представляющую собой процесс в рамках


ИС, формируемые полнозначными компонентами
ИС с десемантизированным компонентом
ИС, формируемые служебным и полнозначным словом
ИС предложения
eine Hand voll Kirschen
rote Wangen haben
den ganzen Tag arbeiten
bittere Tränen weinen
viel Neues
den Kopf schütteln
im Sterben liegen
gehören + Part.II
glauben + Part.II
gelten + zu + Inf.
als Mädchen
zum Frühstück
bei Beginn
bei Berlin
auf dem Tische
Es hagelt Gold.
Du hast gut reden.
Mach, daß du verschwindest.
Und ob! Ob ich ihn kenne!
Sicher ist sicher.
интегрированные структуры ИС

синтаксической семантики, как взаимодействие компонентов внутри синтаксической структуры и между синтаксическими структурами. Правомерный с этой точки зрения представляется мысль тех лингвистов, которые при интерпретации синтагмы учитывают не только сочетаемость внутри данной конструкции, но и ее способность сочетаться с другими конструкциями при реализации различных синтаксических значений [97].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что интеграцию следует понимать как процесс, происходящий между компонентами синтаксической структуры и приводящий к возникновению в ней скрытых семантико-синтаксических значений и отношений. При рассмотрении интеграции на данном этапе исследования языка возможны различные пути, опирающиеся на положение о частях и целом, о частях, способных интегрироваться в целом, способном интегрировать части в целое [133]. Следовательно, интеграция предполагает возникновение языкового и речевого целого и частей целого из иерархически низших единиц.

Частями целого в данном исследовании являются интегрированные структуры (далее сокращенно ИС), возникающие на уровне словосочетания и являющиеся строительным материалом для предложения, ИС-предложения представляют собой целое, состоящее из иерархически низших единиц.

ИС, репрезентируемая словосочетанием или предложением, приобретает в результате интегративного процесса интегративный компонент значения (темпоральность, модальность, каузальность и т.д.). Одно и то же семантико-синтаксическое значение может возникать в ИС, формируемых на уровне словосочетания и на уровне предложения. Так, интегративный компонент значения количества формируется в синтаксическом образовании eine Hand voll Kirschen и в предложении es hagelt Gold. Интегративный компонент значения качества возникает в синтаксическом образовании blaue Augen haben и в предложении Europa ist Europa.

Анализ семантико-синтаксических значений ИС подтверждает положение о том, что язык является орудием общения, орудием формирования и эксплицирования мысли. Словосочетание или предложение, возникающие в результате сцепления компонентов, должны заключать в себе богатство функций и значений, в опоре на которые в той или иной структуре обнаруживаются интегративные компоненты. Интегративные компоненты значения, возникающие в результате мыслительного акта, представляют собой отношение, которое отсутствует в обычной грамматической организации языковой структуры. По своей сущности интегративный компонент значения является функционально-семантическим и может выражать различные семантико-синтаксические значения: качество, количество, темпоральность, каузальность, условность, модальность, позитивность, негативность, реальность, ирреальность и т.п.

Вторым критерием ИС является синтаксический способ образования ИС, т.е. синтаксический прием, заключающийся в фиксированном порядке компонентов синтаксической структуры. На важность данного синтаксического приема в различных его модификациях, указывают многие

лингвисты. Такой синтаксический прием, как порядок слов в той или иной конструкции рассматривается в работе В.Н. Ярцевой [104]. В модифицированном виде данный синтаксический прием – фиксированный порядок компонентов в различных модификациях характерен для многих лингвистических явлений. В зарубежной литературе он известен под названием «о б я з а т е л ь н а я контактность конституентов языковых структур». Одной из распространенных концепций, основывающихся на идее обязательной контактности конституентов, является концепция лингвиста Милка Ивича (2-й Международный конгресс лингвистов в 1964 году), разработанная им на материале славянских языков. Положения этой концепции применимы и при исследовании других языков, в частности, немецкого. Сущность концепции сводится к тому, что язык представляет собой огромное количество высказываний, основанных на возможности комбинировать языковые знаки. Такие высказывания укладываются в определенную схему с соответствующим отношением компонентов: если выбран *x*, то должен быть выбран *y*. Возникновение таких высказываний связано с наличием в языке определенных структур.

Понятие обязательной контактности конституентов широко и последовательно применяется Г. Глинцем при выявлении членов предложения с применением различных приемов «подстановки» и «перестановки» (Ersatz- und Verschiebeprobe) [128].

Позднее это понятие в изысканиях Г. Глинца вылилось в проблему «идиосемантическую» или «субсемантическую» в противоположность «моносемантической». Рассматривая сочетания предлога и падежа, Г. Глинц проводит мысль о функции предлога и падежа как семантическом компоненте глагольной словесной цепи [130].

Используя прием подстановки, Г. Глинц демонстрирует функциональную неразложимость предлога и падежа, вскрывает их сущность как единого члена предложения, основываясь на выводе о том, что предлог при применении этого метода остается незыблемым, в то время как другие компоненты поддаются замене, ср.:

auf **Lob** angewiesen sein
auf **Anerkennung** – ” –
auf **Hilfe** – ” –
auf **jemand** – ” –

Анализируя глагольные структуры с предложными сочетаниями, Г. Глинц отмечает, что предложные сочетания выполняют функцию единого члена предложения (*mit offentlicher Selbstpreisgabe* verbunden sein, *in bedenklichem Maße auf Lob* angewiesen sein).

Помимо выполнения предложными сочетаниями синтаксической функции в предложении, Г. Глинц отмечает их семантические особенности, которые, по его мнению, заключаются в том, что значение всего сочетания не равняется сумме значений составляющих его частей [129].

Факт наличия обязательной контактности компонентов в том или ином предложном сочетании является для Г. Глинца исходной позицией при вскрытии семантических признаков тех или иных структур. Пред-

ложные сочетания с предлогом als (als как предлог рассматривает Г.Хельбиг) [136] (als Bankier, als Verwalter) содержат семантические признаки: „Rolle", „Aufgabe", „Funktion", наличие которых подтверждается методом трансформации:

Großbritanniens historische Rolle als größter Bankier der Welt war ausgespielt.

Die Aufgabe	als Bankier	die Stellung	als Verwalter
	eines Bankiers	der Posten	des Verwalters
	des Bankiers	der Beruf	

Развивая дальше концепцию обязательной контактности компонентов языковых структур, Г. Глинц сводит сущность некоторых парных языковых структур к отношениям *x* als *x*, рассматривая их как комплексные члены предложения с соответствующей семантикой (der Mann als Mann, das Du als Du).

Идея обязательной контактности компонентов в языковых структурах весьма успешно развивается некоторыми исследователями при выяснении семантики глагола. Так, значение глагола schreiben „als Schriftsteller tätig sein" «быть писателем» обнаруживается в сочетании für jmdn. schreiben, gegen jmdn. schreiben. Структура же an etwas schreiben реализует два значения „dabei sein, etwas zu verfassen", „dabei sein, etwas abzufassen".

Исследование обязательной контактности компонентов языковых структур при опоре на фактор их функционирования раскрывает семантическое влияние компонентов на глагольный компонент. Предложная группа für die Presse в предложении er schreibt für die Presse придает глаголу schreiben значение «быть автором». Словосочетание an etwas schreiben выражает характер протекания действия, ср.: er schreibt an einem Roman.

Обязательная контактность компонентов языковых структур является предметом так называемой «скрытой грамматики», в частности, она лежит в основе категории ингерентности, способной выражать свойства, изначально присущие данному объекту. Категория ингерентности характерна для имен существительных, обладающих определенными свойствами развивать семантически релевантные синтаксические отношения, в частности, отношение «невыраженного владельца» [106]. Так, при функционировании имен существительных типа Seite «сторона», Tochter «дочь» речь не может идти просто о «стороне», а обязательно о «стороне» чего-то, имя существительное «дочь» обязательно функционирует с добавлением чья дочь и т.д., ср.: die linke Seite der Straße, des Flusses; die Tochter meines Nachbars.

В подавляющем большинстве имена существительные с семантически релевантными синтаксическими отношениями образуют замкнутую группу имен существительных, обозначающих части тела или степень родства.

Обязательная контактность компонентов в некоторых синтаксических структурах обнаруживает себя на уровне членов предложения и

включается в понятие «комплексных членов предложения» [112] (auf der Straße nach Hamburg).

Обязательная контактность компонентов при установлении членов предложения является таким необходимым условием, которое не позволяет отрывать некоторые члены предложения от соотносимых с ними слов и подвергать их перестановке в предложении. Это касается определения, выраженного родительным падежом, именуемого некоторыми исследователями не членом предложения, а членом члена предложения [156], ср.: das Buch des Freundes.

Обязательная контактность компонентов, фиксированный порядок слов являются характерными и для рассматриваемых ИС, возникающих как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения. Определенная и обязательная последовательность компонентов прослеживается в ИС, состоящих из полнозначных компонентов. Темпоральная ИС den ganzen Tag (arbeiten) при попытке перестановки или элиминирования любого компонента распадается, тавтологическая структура bittere Tränen weinen способна к функционированию только при наличии фиксированного порядка слов и сохранении всех контактно расположенных компонентов (bittere Tränen weinen, *Tränen bittere weinen).

Синтаксическая структура, состоящая из полнозначных компонентов (eine Hand voll Kirschen), не допускает также никакой перестановки своих компонентов (*voll Kirschen eine Hand).

Структурную устойчивость обнаруживают и компоненты таких структур с десемантизированным компонентом, как gehören + Part. II, glauben + Part. II, gelten + zu + Inf.

Аналогичная картина возникает и в предложных субстантивных структурах, не допускающих нарушения последовательности компонентов (als Mädchen, *Mädchen als; zum Frühstück, *Frühstück zum).

В ИС на уровне предложения, представляющих собой типизированные структуры, фразеологизмы в подлинном значении этого слова, любая попытка к перестановке их компонентов разрушает их, ср.: du hast gut reden. Und ob! Mach, daß du verschwindest.

Проиллюстрированный лингвистический эксперимент на перестановку и элиминирование компонентов ИС свидетельствует о том, что второй критерий — синтаксический способ — выделения исследуемых синтаксических структур является необходимым и в сочетании с другими критериями представляется надежным.

Тесно связанным с первыми двумя критериями и вытекающим из них является третий критерий — наличие скрытых грамматических значений и отношений.

Третий критерий основывается на известном теоретическом постулате о том, что языковой знак асимметричен за счет имплицитности его некоторых значений и отношений. Связь третьего критерия с первым, с интеграцией, заключается в том, что интегрированный компонент значения появляется в информативном содержании той или иной синтаксической структуры и обусловлен линейной организацией словосочетания или предложения и отражаемой ими многомерностью окружающей

действительности. Скрытые грамматические значения и отношения возникают на основе взаимодействия различных факторов языка и представляют собой сложный процесс.

Опираясь на ценные мысли Л.В. Щербы, который указывал на необходимость «посмотреть, нет ли чего-нибудь в языке, что все-таки заставляет искать чего-то дальнейшего, какой-то дифференциации, одним словом заставляет не останавливаться на такой упрощенной схеме» [100], можно выявить богатую палитру скрытых грамматических отношений, основывающихся на грамматическом значении слова и способности семантических компонентов той или иной единицы к интеграции. Явление интеграции свойственно как лексическим фразеологизмам, так и всем синтаксическим образованиям. Разница заключается в специфике процесса интеграции, который в лексических фразеологизмах способствует возникновению новой семантики, семантической отдельности фразеологизма, а в синтаксических образованиях приводит к возникновению в них скрытого грамматического значения.

Бесспорной представляется мысль о том, что интегративные процессы пронизывают все его структуры, а следовательно, и весь язык. Но специфика выделенных ИС заключается в том, что их цементирует фиксированный порядок компонентов, не допускающий никакой их перестановки. Если сравнить интегративные процессы, протекающие в любом высказывании, с интегративными процессами в выделенных ИС, то следует отметить, что любое высказывание представляет собой интегративное образование, т.е. результат, возникший вследствие интегративных процессов между подлежащим и сказуемым, формируя категорию предикативности. В любом интегративном образовании, которому присуща категория предикативности, возможна перестановка компонентов, ср.: Die Bücher liegen auf dem Tisch. Liegen die Bücher auf dem Tisch?

В ИС рассматриваемого типа, выделенных на основании трех предложенных критериев, никакая перестановка компонентов недопустима, так как это приводит к разрушению структуры как таковой, ср.: eine Menge Bücher, *Bücher eine Menge.

Выделенные критерии: интеграция, фиксированный порядок компонентов структуры, наличие скрытых грамматических значений или отношений позволяют распознать синтаксически неразложимые структуры в современном немецком языке, но не исключают воможности их классификации под углом зрения той или иной семантической направленности, в частности, под углом зрения денотативного спектра, поскольку исследуемые синтаксически неразложимые структуры относятся к синтаксической семантике, объектом которой является структура мыслительного содержания. «Синтаксическая семантика не является собственно языковой структурой, а есть то содержание, которое определяется внеязыковым фактом» [43].

Поскольку синтаксическая неразложимость языковых структур предполагает наличие дополнительных измерений, отсутствующих в грамматической организации той или иной синтаксической структуры, то, естественно, что дополнительные измерения будут выявляться в ин-

формативном содержании того или иного синтаксического образования.

Категория семантики в синтаксисе есть категория отображательного характера (сигнификат), соотносимая с материальным денотатом в его сложном виде как комплексом отношений между вещами и их свойствами, закрепленными в языке в синтаксической структуре [43].

Рассмотрение синтаксически неразложимых языковых структур с позиций денотативной концепции представляется вполне правомерным, т.к. денотативная концепция основывается на триаде: языковая форма – мыслительный акт – обозначаемое.

Анализ синтаксически неразложимых языковых структур с позиций денотативной концепции, под которой понимается фиксированная в языковых единицах и реализуемая каждый раз в единичном акте направленность на обозначаемый денотат [17], подкрепляет мысль многих исследователей, что язык не является простой суммой словарного состава языка и грамматики [147].

Глава III

НЕРАЗЛОЖИМЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ

§ 1. Интегрированные структуры в системе имени существительного со значением количества

В современном немецком языке имеется большое количество синтаксических структур, состоящих из полнозначных слов, которые не разлагаются по синтаксическим эталонам свободных сочетаний в предложении. Неразложимый характер подобных структур способствует тому, что они выполняют функции единого члена предложения.

Весьма продуктивными в современном немецком языке являются синтаксические структуры, состоящие из полнозначных слов, одно из которых имеет собирательное значение и обозначает неопределенное множество (Anzahl, Menge, Schar), второе представляет собой исчисляемое имя существительное (eine Anzahl Studenten, eine Menge Bücher, eine Schar Hühner).

Собирательные имена существительные в такого рода синтаксических структурах можно подразделить на количественные и качественные собирательные в зависимости от их сочетаемости. Количественные собирательные имена существительные имеют неограниченные сочетательные возможности, употребляются с самыми различными по семантике разрядами существительных, максимально приближаясь тем самым к неопределенно-количественным местоимениям (eine Anzahl Menschen, Schrauben, Gegenstände, Teilnehmer).

Качественные собирательные имена существительные более конкретны, более информативны. Они обнаруживают ограниченные со-

количественные по возможности, причем, каждое из них предопределяет соответствующий круг имен существительных (eine Schar Hühner, Gänse, eine Herde Schafe), возможно: eine Schar von Kindern, von Menschen, von Vögeln, но не употребительно **eine Schar von Schrauben.

Качественные собирательные имена существительные могут стать носителями количественной характеристики только под влиянием определенных лексических показателей, так как компонент значения «неопределенное множество» для качественных собирательных имен существительных является второстепенным. Так, в предложении auf der Wiese weidet eine Herde Schafe имя существительное Herde означает прежде всего вид совокупности, которую образуют члены множества, а в предложении er hat eine ganze Herde Schafe значение «большое множество» выдвигается на первый план и слово Herde становится сильным средством выражения количественной характеристики совокупности. Интенсификация значения количества, формирование интегрированного компонента значения количества происходит в результате интеграции лексических и грамматических показателей, модели структуры и лексического компонента.

В синтаксической структуре eine Hand voll Kirschen значение большого множества создается наличием компонента voll. Эта трехместная синтаксическая структура не поддается разложению по действующим синтаксическим эталонам свободных словосочетаний в предложении. Элиминирование компонентов из состава данной структуры ведет к ее распаду, ср.:

Er bekam eine Hand voll Kirschen.
*Er bekam eine Hand
*Er bekam voll Kirschen
Но: Er bekam Kirschen.

В синтаксической структуре с опорным компонентом Tropfen выражается незначительное количество. В словарях зафиксированы различные синтаксические структуры со вторым компонентом, репрезентированным именем существительным, ср.: ein Tropfen Wasser, Öl, Blut, ein paar Tropfen Öl [Duden, S. 495].

В процессе коммуникации высказывания могут не иметь этого количественного показателя Tropfen, однако понятие количества сохраняется, но в другом объеме, ср.:

Es ist kein Tropfen Milch im Hause.
Es ist keine Milch im Hause.
Er hat keinen Tropfen Wasser getrunken.
Er hat kein Wasser getrunken.

Следовательно, синтаксические структуры, возникающие в результате интеграции ее компонентов, предназначены для выражения различных нюансов человеческой мысли, в данном случае для выражения значения очень малого количества.

Количественное значение может быть выражено как точными количественными показателями (ein Krug Wasser, 3 Krüge Milch), так и значительным множеством (ein Krug voll Wasser).

Элиминирование одного из компонентов рассматриваемой синтаксической структуры свидетельствует о том, что они функционируют для удовлетворения определенных коммуникативных потребностей: выражения определенного или неопределенного количества, ср.:

Er gab mir einen Krug Wasser.
Er gab mir einen Krug.
Er gab mir Wasser.
Er gab mir einen Krug voll Wasser.

Значение длины актуализируется в компоненте Fuβ, входящем в синтаксическую структуру von 50 Fuβ Länge (ein Rohr von 50 Fuβ Länge). Являясь синтаксически неразложимой, данная синтаксическая структура распадается при попытке элиминирования одного из ее компонентов, ср.: ein Rohr von 50 Fuβ Länge, *ein Rohr von Länge.

В синтаксической структуре 3 Schritt Distanz в результате интегративных процессов также формируется количественный интегрированный компонент.

В некоторых синтаксически неразложимых структурах с одним и тем же опорным компонентом в зависимости от лексического наполнения второго компонента могут формироваться количественные интегрированные компоненты значения нюансированного характера «неопределенное множество» и «огромное множество». Так, синтаксическая структура с опорным компонентом Haufen (ein Haufen trockenes Stroh, ein Haufen Neugieriger) может обладать интегрированным компонентом значения «неопределенное множество» и интегрированным компонентом, обозначающим «огромное множество» (einen Haufen Schulden haben, einen Haufen Elend sehen).

Интенсификация значения количества может быть осуществлена за счет наличия атрибутивного компонента в синтаксической структуре (einen schönen Haufen Geld verdienen).

Синтаксические структуры со значением неопределенного множества, имеющие в своем составе одушевленное имя существительное (ein Haufen Neugieriger), допускают замену опорного компонента на другие компоненты (Schar, Menge), создавая синонимичные интегрированные структуры (eine Schar Neugieriger, eine Menge Neugieriger). Наличие в синтаксически неразложимой структуре второго компонента, обозначающего животных или людей, влияет на формирование интегрированного компонента со значением неопределенного множества или огромного множества.

В синтаксической структуре с опорным компонентом Schwarm и вторым компонентом, обозначающим насекомых (ein Schwarm Bienen, Mücken), возникает значение огромного множества, если же второй компонент обозначает людей, то в синтаксической структуре происходит метафоризация и возникает интегрированный компонент, дающий представление о множестве движущихся лиц (ein Schwarm von Leuten, Kindern).

Особый интерес представляет функционирование синтаксически неразложимых структур с количественным интегрированным компонентом

в современном немецком языке. В современной лингвистической литературе данные синтаксические структуры рассматриваются как словосочетания с невыраженными отношениями между компонентами и как носители скрытых грамматических значений падежа и числа и нередко именуются немаркированными [144]. Многие образования данного вида обнаруживают колебания в употреблении единственного и множественного числа опорного компонента.

В синтаксически неразложимой структуре с опорным компонентом Schritt возможны колебания в его оформлении: употребление именного компонента в единственном или множественном числе диктуется условиями функционирования данного синтаксического образования и зависит от семантического типа глагольного компонента: глаголы движения требуют маркированной синтаксической структуры, ср.:

Er macht 3 Schritte gegen die Tür.
Er geht ein paar Schritte mit.
Но: Er verlangte 3 Schritt Distanz.

Колебания в употреблении единственного и множественного числа опорного компонента синтаксической структуры прослеживаются также в тех случаях, когда в качестве опорных компонентов употребляются имена существительные, обозначающие сосуды (3 Tassen Tee, 2 Krüge Milch) или предметы для хранения других предметов (3 Säcke Mehl, 500 Sack Reis).

В фундаментальном исследовании И. Люнгеруда [144], посвященном рассмотрению данных синтаксических структур, содержится их детальный анализ и прослеживается зависимость употребления единственного или множественного числа опорного компонента структуры от р о д а имени существительного.

Исследуя языковую репрезентацию количества в современном немецком языке, Х. Бринкманн [113] отмечает, что употребление множественного числа и родительного падежа стало немаркированным. Соответственно правилам выражения множественности имя существительное, употребляемое после числительного, должно было бы стоять во множественном числе, но оно остается неизменным: 10 Prozent, Hundert Fuß, 20 Schritt, 30 Stück, 15 Pfennig.

В языковой действительности возможны оттенки при выражении понятия абстрактного числа и конкретной реализации. На вопрос: Was kostet das? может быть дан ответ: 15 Pfennig. При оплате конкретного товара возможно употребление существительного во множественном числе: Hier sind (die) 15 Pfennige, так как в данном случае числовое понятие представлено в денежном исчислении.

Аналогичной интерпретации может быть подвергнуто различие в структурах: 200 Schritt rechts von uns и nur noch hundert Schritte.

В структуре 2 Pfund Fleisch все компоненты немаркированы. Числового обозначения достаточно, чтобы понять высказывание, так как число служит для того, чтобы обозначить меру вещества, чтобы выделить часть этого вещества. Имя существительное со значением количества в таких структурах теряет свою живую форму. Немаркирован-

ность второго компонента прослеживается и в структурах типа: ein Glas frisches Wasser = ein frisches Glas Wasser, ein Paar neuer Schuhe = ein neues Paar Schuhe.

Изучение количественного интегрированного компонента в синтаксически неразложимых структурах наталкивается на парадокс, который заключается в том, что множественное передается через единственное (eine Herde Schafe, ein Haufen Neugieriger).

Как отмечает А.А. Реформатский, «с точки зрения соотношения языка и мышления – это один из самых загадочных парадоксов: как же множественное передается через единственное?» [75].

Ответ на этот вопрос надо искать в специфике собирательных понятий, которые, с одной стороны, обнаруживают близость к общим понятиям, а, с другой стороны, к единичным понятиям. Кроме того, собирательное понятие может выражаться специфическими для него грамматическими формами единственного и множественного числа существительного.

Множество, по мнению некоторых исследователей, может иметь различный характер. Дистрибутивный характер множества представлен в сочетаниях местоимения jeden с соответствующим именем существительным (jeden Tag), в сочетаниях, обозначающих многократность действия (jeden Tag arbeiten). Собирательное понятие, значение собирательности обнаруживается в словах Haufen, Menge, Schar и др. Различие между дистрибутивным и собирательным множеством заключается в том, что первое из них есть множество неопределенное, незавершенное, а второе – множество определенное, законченное [66].

Количество, репрезентируемое множеством, может быть реальным множеством и воображаемым [82]. Под реальным множеством понимается множество, состоящее из одновременно существующих предметов и представляющее собою величину (3 Menschen). Воображаемое множество образуют последовательно сменяющие друг друга явления (zehn Tage).

Широко представленная в современных языках репрезентация количества наводит некоторых исследователей на мысль о существовании новых семантических категорий, так называемого «зрительного биполярного определителя количества» [81], предполагающего наличие некоторой зрительной шкалы с обозначением большое – малое, широкое – узкое, длинное – короткое, высокое – низкое.

Шкала количества в исследуемой неразложимой сфере языка нюансирована различного рода интегрированными компонентами количественного характера. Количественный компонент нюансированных значений, охватывающих размеры той или иной вещи, предмета по всем параметрам: длины, высоты, глубины, прослеживается в синтаксически неразложимых структурах с компонентами lang, hoch, breit, tief, dick, которые не могут быть элиминированы из состава предложения, так как возникает его грамматическая и семантическая неотмеченность, другими словами, опущение опорного компонента структуры приводит к ее разрушению, ср.:

Das Seil ist 5 Meter lang. *Das Seil ist 5 Meter.
Der Schnee liegt einen Meter hoch. *Der Schnee liegt einen Meter.
Der Teppich ist 4m breit. *Der Teppich ist 4m.
Der Schrank ist nur 30cm tief. *Der Schrank ist nur 30cm.
Das Brett ist 2 Finger dick. *Das Brett ist 2 Finger.

Для обозначения расстояния функционирует интегрированная структура с опорным компонентом weit, наличие которого создает представление о протяженности пути, ср.:

Die Stadt ist weit von hier entfernt.

Четко выраженные интегрированные компоненты, обозначающие размеры, побуждают некоторых исследователей выделять специальные модели предложений, содержащих интегрированные структуры данного типа. В «Грамматике» Дудена выделена специальная модель, включающая данную структуру:

Er wirft den Ball 70m weit.
Er macht den Graben 10m breit.
Er gräbt das Loch 8m tief.
Er stößt die Kugel 20m weit.
Er schmiert die Butter 2 Finger dick [120].

Интегрированный компонент, обозначающий приблизительное количество, развивается в синтаксических структурах, содержащих компоненты-наречия: gegen, ungefähr, etwa:

Es waren gegen (ungefähr) 1000 Leute anwesend.
Es war ungefähr 11 Uhr.
Ich komme in etwa 10 Tagen.
Der Turm ist etwa 30 Meter hoch.

Синтаксические образования с компонентом etwa способны формировать не только количественные интегрированные компоненты. Компонент etwa может участвовать в формировании модального компонента, обозначающего предположение: Hast du etwa kein Geld mehr?

Особый характер множественности прослеживается в синтаксических образованиях, в которых множественное передается через единственное (viel Neues). Интегрированный компонент, обозначающий неопределенное множество, возникает за счет расхождения между формой структуры и ее содержанием: множественное понятие и единственное число составляющих структуру компонентов.

Специфическая сочетаемость имени существительного с неопределенными местоимениями и числительными (viel, wenig) проявляется в том, что они могут сочетаться только с неисчислимыми именами существительными. (В таких интегрированных структурах исключается функционирование одушевленных имен существительных, ср.: *viel Student, *viel Studenten).

Этот пласт синтаксически неразложимых структур представлен в современном немецком языке широко и является весьма продуктивным (viel Vergnügen, viel Zeit viel Fleiß, viel Schnee, wenig Schmuck, wenig Hoffnung).

Интенсификация множества, содержащегося в данных синтаксических образованиях, осуществляется за счет усилителей zu, sehr, so.

Интегративные процессы, происходящие между компонентами данных синтаксических образований, приводят к возникновению синтаксически неразложимых структур, несущих информацию об интенсификации множества предметов и явлений. Элиминирование показателей множества в высказываниях разрушает их грамматическую и семантическую отмеченность, ср.:

So viel Neues im Haus! *So Neues im Haus!

Ich habe dafür zu viel Sinn! *Ich habe dafür zu Sinn.

. . . er, auf dem längst so viele Hoffnungen ruhen. (Th. Mann.)

*er, auf dem längst so Hoffnungen ruhen.

Er hat zu viel Zeit. *Er hat zu Zeit.

Высказывания, содержащие в своем составе предложные неразложимые структуры, при элиминировании опорного компонента не несут соответствующей информации, или же в высказывании возникает асемантичность, ср.:

Er begann seine Arbeit mit sehr vielem Fleiß.

Er begann seine Arbeit mit Fleiß.

*Er begann seine Arbeit mit sehr Fleiß.

Полную противоположность синтаксически неразложимым структурам с опорными компонентами viel и wenig, способными интегрироваться с усилителями so, sehr, zu, представляют собой синтаксические образования с неопределенно-количественным местоимением manche (manche Bücher), которые не способны интегрироваться ни с какими элементами языка. Проба на подстановку указательных и притяжательных местоимений (*diese manchen Bücher, *seine manchen Bücher), усилительных и ограничительных наречий (*zu manche Bücher, *erst manche Bücher) создает несуществующие в современном языке структуры.

Положительное значение количества формируется в синтаксически неразложимых структурах с опорным компонентом etwas (etwas Neues, etwas Interessantes), которые находятся в оппозиции с интегрированными структурами, обладающими отрицательным интегрированным компонентом количества (nichts Neues, nichts Interessantes).

Отрицательный количественный компонент обнаруживается в синтаксических образованиях с местоимением kein (kein Geld, keine Zeit). Интегрированный компонент с приблизительным значением неопределенного множества заключен в синтаксических образованиях типа: keine 16 Jahre alt sein, keine 3 Kilometer entfernt sein.

Анализ синтаксически неразложимых образований с различными количественными интегрированными компонентами свидетельствует о том, что наряду с самым распространенным способом выражения неопределенного множества, представленного в современном немецком языке именами существительными в форме множественного числа, существует много современных языковых средств, служащих для уточнения информативного содержания. Значение множественности заключенное в форме множественного числа имени существительного, явля-

ется численно неопределенным, но в большинстве случаев оказывается достаточным для нужд коммуникации.

В целях получения большей информации о множестве используются средства других уровней, которые уточняют информацию с точки зрения определенности / неопределенности, указывая на численность, и с точки зрения разрозненности / совокупности, характеризуя множество качественно [28].

§ 2. Неразложимые структуры со значением темпоральности

Не менее многогранно в современном немецком языке представлены синтаксические образования, состоящие из полнозначных компонентов и обладающие темпоральным интегрированным компонентом.

Интегрированная структура, имеющая в своем составе имя существительное в винительном падеже с темпоральным значением (den ganzen Tag arbeiten), включает темпоральный компонент, который может быть перефразирован (während des ganzen Tages). Такого рода синтаксические структуры, сочетающиеся с непереходным глаголом, реализуют модель: переходный глагол + винительный падеж. Данное парадоксальное обстоятельство позволяет ставить вопрос о фразеологическом характере модели исследуемых интегрированных структур.

При интерпретации такого рода интегрированных структур можно исходить из утверждения о том, что в языке функционирует огромное множество высказываний представляющих собой результат комбинирования языковых элементов. Такие высказывания имеют соответствующую схему с определенным отношением компонентов: если выбран *x*, то должен быть выбран *y*.

При анализе синтаксической структуры типа den ganzen Tag arbeiten внимание должно быть направлено на падеж, на выявление условий, в которых он появляется при непереходном глаголе.

Несмотря на то, что падеж является одной из постоянных тем грамматического исследования, в ней каждый раз появляются новые нюансы. Теория сменяет теорию, но как бы не менялись методы и даже сам объект исследования от поисков исходного, генетически древнейшего, или же главного и основного инвариантного значения, к общей классификации падежной системы, к выяснению ее релевантных признаков, к установлению иерархии падежных значений в зависимости от системных и контекстуальных условий, исследователь едва ли может обойтись без выяснения вопроса о падежной конструкции, о ее внутреннем устройстве, о факторах ее формирующих.

Пристальное внимание к каждому отдельному случаю, к отдельной падежной конструкции приводит к необходимости изучения фактов, ограничивающих появление данного значения и способствующих возникновению новых значений.

В интегрированной структуре den ganzen Tag arbeiten появление винительного падежа связано с определенными условиями, а именно, строгой последовательностью компонентов: имя существительное с временным значением, оформленное определенным артиклем, обязательное присутствие соответствующих детерминантов ganz, halb, dritt, letzt. Только при наличии данных условий способна возникнуть интегрированная структура подобного рода.

Устойчивый характер данной синтаксической структуры, ее неразложимость подтверждаются пробой на элиминирование прилагательного ganz из состава данной структуры, при которой возникает аграмматичное предложение, ср.: *Er arbeitet den Tag.

Элиминирование прилагательного ganz в предложениях с переходным глаголом при наличии в нем аналогичного синтаксического образования допустимо, но такая операция приводит к возникновению другой конструкции и другого информативного содержания, ср.:

Er malte den ganzen Sommer.	Er malte den ganzen Tag.
Er malte den Sommer.	Er malte den Tag.

Другой путь интерпретации данных синтаксических образований основан на взаимодействии грамматических значений, в частности, грамматической категории падежа и категории управления.

Бесспорной представляется мысль исследователей о связях грамматических категорий в системе языка, но, к сожалению, она не получила всестороннего освещения в современной лингвистической литературе. Взаимодействие грамматических категорий приводит к появлению новых грамматических категорий — суперкатегорий, возникающих в результате включения грамматических категорий друг в друга в той или иной единице [73].

Чрезвычайно плодотворна концепция о возникновении суперкатегории рода, последняя формируется в лингвистических единицах, основанных на согласовании. Тот факт, что признаком согласования является повторение грамматических значений определяемого в определяющем и приводит к постановке вопроса о возникновении новой категории — суперкатегории.

Сущность данной концепции заключается в следующем: грамматические категории, формирующие единицу, претерпевают своеобразный процесс как бы включения друг в друга, при этом значение рода имени существительного находит свое выражение в прилагательном, а значение рода прилагательного зависит от имени существительного. Такое взаимодействие способствует возникновению суперкатегории рода, которая является ингредиентом самой лингвистической единицы.

В структурах, состоящих из глагольного компонента и имени существительного и основанных на синтаксическом управлении, т.е. способности слова сочетаться с падежными формами зависимых слов, прослеживается некоторое сходство с процессами, имеющими место при возникновении суперкатегории рода. Синтаксическое управление репрезентируется категорией падежа.

Категория переходности глагола не имеет собственного показателя в глаголе и выделяется на основе соединения с глаголом имени существительного в форме винительного падежа. Те значения в глаголе, которые можно было бы приписать синтаксическому управлению, соотносятся со всей единицей, а не с отдельной глагольной формой, подобно тому, как значение рода в существительном обусловлено принадлежностью последнего к роду в целом. Значение категории падежа и корреспондирующей с ней категории управления в глаголе не исключают друг друга, они выступают одновременно. Следовательно, при управлении создается столь же тесная связь категорий, как и при согласовании.

Синтаксическое управление является ингредиентом структуры, состоящей из переходного глагола и имени существительного в винительном падеже. Представляя собой результат интегративного процесса составляющих структуру компонентов, суперкатегория управления зависит от значения взаимодействующих компонентов с их определенными грамматическими показателями. В случае отсутствия благоприятных условий для возникновения суперкатегории управления в структуре происходит дезинтеграция грамматических значений составляющих структуру компонентов. Это имеет место в интегрированных структурах, состоящих из непереходного глагола и винительного падежа, именно в них наблюдается дезинтеграция грамматической категории падежа и категории управления. Грамматическая категория непереходности глагольного компонента проецирует грамматическую категорию винительного беспредложного, в результате чего возникают соответствующие интегрированные структуры.

Как было показано выше, интегрированная структура den ganzen Tag arbeiten обладает устойчивостью, не поддается разложению по синтаксическим эталонам в предложении и благодаря интеграции составляющих ее компонентов обладает темпоральным интегрированным компонентом.

Синтаксические образования, имеющие в своем составе опорное слово Tag, могут быть представлены различными моделями с распространителями в препозиции и постпозиции: einige Tage, mehrere Tage, etliche Tage, nur wenige Tage, einen Tag eher, früher, später, которые не могут быть элиминированы из состава предложения, т.к. это приводит к аграмматичности предложения, ср.:

Er blieb einige Tage im Dorfe. *Er blieb Tage im Dorfe.

Er kam einen Tag früher. *Er kam einen Tag.

Er blieb nur wenige Tage im Dorfe. *Er blieb Tage im Dorfe.

Аналогичные модели прослеживаются в ИС с опорным словом Nacht, составляющие компоненты которого, интегрируясь, формируют темпоральный интегрированный компонент (die ganze Nacht, 2 Nächte lang, mehrere Nächte, nur wenige Nächte), ср.:

Sie kamen die ganze Nacht nicht zur Ruhe.

*Sie kamen Nacht nicht zur Ruhe.

Zwei Nächte lang konnte er nicht schlafen.

*Nächte konnte er nicht schlafen.

ИС с опорным словом Woche может быть представлена следующими моделями: drei Wochen lang, alle drei Wochen, jede dritte Woche, из которых не могут быть элиминированы их распространители, ср.:

Drei Wochen lang arbeitete er intensiv.

*Wochen arbeitete er intensiv.

Jede dritte Woche besuchte sie ihre Eltern.

*Woche besuchte sie ihre Eltern.

ИС с опорным словом Monat обнаруживает идентичные распространители полнозначного имени существительного Monat, которые, интегрируясь, создают синтаксически неразложимое образование, ср.:

2 Monate lang arbeitete sie in der Bibliothek.

*Monate arbeitete sie in der Bibliothek.

Alle drei Monate verbrachte sie im Dorfe.

*Monate verbrachte sie im Dorfe.

Jeden dritten Monat kam sie zu uns.

*Monat kam sie zu uns.

Интеграция составляющих структуру компонентов прослеживается в синтаксически неразложимом образовании с опорным словом Jahr, которое представлено в современном немецком языке различными моделями: jedes zweite Jahr, all die Jahre hindurch, voriges Jahr, ср.:

Sie kommt jedes zweite Jahr hierher. *Sie kommt Jahr hierher.

All die Jahre (hindurch) hatte sie auf die Rückkehr des Sohnes gewartet. *Jahre hatte sie auf die Rückkehr des Sohnes gewartet.

Ich habe sie voriges Jahr gesehen. *Ich habe sie Jahr gesehen.

Значение темпоральности формируется в синтаксических образованиях с опорным словом, обозначающим времена года (Winter, Frühling, Sommer, Herbst). Интеграция винительного падежа опорного слова с его распространителями создает синтаксически неразложимые структуры, из состава которых не могут быть выведены детерминирующие компоненты, т.к. это приводит к распаду предложения (einen ganzen Sommer lang, den dritten Winter, vergangenen Herbst, nächsten Frühling), ср.:

Nächsten Frühling kommt er zu uns.

*Frühling kommt er zu uns.

Ich bin schon den dritten Winter hier.

*Ich bin schon den Winter hier.

Einen ganzen Sommer lang habe ich dort gearbeitet.

*Sommer habe ich dort gearbeitet.

Неразложимые структуры со значением темпоральности состоят из полнозначных компонентов, которые не претерпевают никаких семантических изменений, не обнаруживают никаких особых способов их соединения, сцепления, только строгая последовательность компонентов, их специфический характер и интеграция являются условиями для возникновения в них семантико-синтаксического признака – темпоральности, заложенного в их формальном устройстве.

§ 3. Неразложимые структуры тавтологического характера

По признаку обязательного присутствия атрибутивного компонента в синтагматической цепи, невозможности элиминирования атрибутивного компонента из состава синтаксического образования обнаруживают сходство с неразложимыми структурами den ganzen Tag arbeiten синтаксические образования, известные в лингвистической литературе под названием тавтологических единиц (bittere Tränen weinen).

Сходство данных синтаксических структур со структурами типа den ganzen Tag arbeiten обнаруживается также и в том, что они проецируют появление винительного беспредложного при непереходном глаголе, в связи с чем полнозначные компоненты данной структуры реализуют чуждую для них модель, что позволяет говорить и здесь о фразеологическом характере модели.

Отличие неразложимых тавтологических структур от выше рассмотренных интегрированных структур заключается в том, что интегративные процессы между их компонентами приводят к формированию семантико-синтаксического значения, которое носит качественный характер.

Атрибутивный компонент в тавтологических структурах является настолько коммуникативно нагруженным, что функционирование данного синтаксического образования без атрибутивного компонента не представляется возможным. Центром коммуникативной нагрузки в структурах с качественным интегрированным компонентом может быть не только препозитивное определение, но и постпозитивное, ср.: den Schlaf des Gerechten schlafen.

Независимо от того, в какой позиции находится коммуникативно-нагруженный компонент синтаксических структур с качественным интегрированным значением, вся ИС является синтаксически неразложимой и выполняет в предложении единую синтаксическую функцию, являясь сказуемым со строевыми компонентами в форме винительного падежа.

Тавтологический характер данных ИС основывается на семантической соотнесенности глагольного и именного компонентов, последний не является ни объектом, ни обстоятельством. Будучи строевым компонентом данных синтаксических структур, он способствует возникновению их неразложимости.

Тавтологические единицы издавна привлекали внимание исследователей, но исходные позиции при их анализе были иными. Так, О. Бехагель рассматривает данные единицы при описании «винительного внутреннего объекта», который, по его мнению, обозначает представление, возникающее одновременно с действием глагола. При этом выделяется винительный той же понятийной сферы, что и глагол с одинаковыми или близкими по значению основами: wir schliefen gesunden Schlaf, da knicktest du höflich den höflichsten Knicks, meine Väter fochten die Schlachten des Staates, so singend tanzten sie den Reigen и винительный, не относящийся к той сфере понятия, что и глагол, а представляющий собой понятие, связанное с понятием глагола причинной связью: винительный может

означать состояние, в котором пребывает подлежащее или же результат действия: Blüten regnen, Blut schwitzen [**107**, с. 716–718].

Аналогичной точки зрения придерживается Г. Пауль, выделяя винительный одного корня с глаголом: einen Gang ausgehen, wir haben die blutige Schlacht geschlagen, es schlägt ihr Herz die ersten Schläge, wir schliefen gesunden Schlaf и винительный не одинакового корня с глаголом: meine Väter fochten die Schlachten des Staates, hunderttausend Tode will ich sterben [**149**, с. 226–228].

К «винительному внутреннего содержания» причисляет Г. Пауль винительный, представленный именем существительным без артикля и выражающий особый вид процесса, отображаемого глаголом: Schritt, Trab, Galopp reiten; Walzer, Polka tanzen [**149**, с. 230].

Л. Зюттерлин относит к «винительному внутреннего содержания» винительный при глаголах широкой семантики: tun, machen, schaffen, leisten и др., ср.:

einen Fall, einen Hieb, eine Bitte tun.

К «винительному внутреннего содержания» Л. Зюттерлин относит также винительный, выраженный именем существительным, имеющим одинаковую или близкую по значению с глаголом основу. Такой винительный в сочетании с глаголом, по мнению Л. Зюттерлина, образует «выражения» (Redensarten): einen Gang gehen, Taten tun, einen Namen nennen, Gedanken denken, einen Traum träumen, einen Schlummer schlafen, einen Kampf ringen [**159**, с. 350–351].

Как именную форму, определяющую и уточняющую понятие предикативности, заложенное в глаголе, интерпретирует винительный падеж О. Эрдманн, указывая, что винительный падеж не только обозначает принадлежность имени к глаголу, но и выражает синтаксические отношения между ними. В качестве особого случая употребления винительного внутреннего дополнения (inneres Objekt) О. Эрдманн рассматривает винительный, выраженный именем существительным одинакового корня с глаголом. Такие соединения О. Эрдманн называет этимологическими структурами (Figura etimologica: große Taten tun, einen Namen nennen, Gesänge singen) [**126**, с. 118]. О. Эрдманн отмечает, что такая конструкция стала излюбленной особенно у последователей Клопштока, что порою порождало пародии. Так, друг Гёте Бериш на вопрос Гёте, что такое опыт ответил: Die wahre Erfahrung sei ganz eigentlich, wenn man erfahre, wie ein Erfahrener die Erfahrung erfahrend erfahren müsse [**126**, с. 125].

К. Бюлер считает винительный в выражениях ein Spiel spielen, eine Tracht tragen, einen Gang gehen выполняющим функцию внутреннего дополнения, а выражение в целом называет «аналитическим» (analytische Komplexion).

Аналитическим, по мнению К. Бюлера, такое выражение следует считать потому, что в его основе лежит «аналитическое отношение» (analytisches Verhältnis) [**115**, с. 246], связывающее в единое целое глагол и как бы рожденное из глагольного понятия существительное.

В грамматике Дудена «винительный внутреннего содержания» рассматривается в качестве объекта при глаголах, обычно употребляемых

без объекта (Er hat einen schweren Kampf gekämpft. Er schläft den Schlaf des Gerechten. Er lacht Tränen. Sie tanzen einen Walzer.) [131, с. 489].

В отечественной лингвистической литературе, в частности, в «Грамматике современного русского литературного языка» [27] предпринята попытка осветить тавтологические структуры с точки зрения отношений, возникаемых между их компонентами.

Отношения между компонентами данных синтаксических образований квалифицируются как примыкание имен существительных к глаголу: «думать чужими думами» или к прилагательному: «красив славянской красотой», «умен крестьянским умом». Примыкание, как связь между компонентами, рассматривается и понимается весьма широко: примыкание собственно падежной формы к глаголу, существительному, прилагательному, наречию и компаративу. При этом различаются возникающие между компонентами отношения как «собственно характеризующие» и как «обстоятельственно характеризующие». При примыкании имени существительного к глаголу может возникнуть «собственно характеризующее значение», которое прослеживается в структурах типа: «стричься ежиком», «мяукать котенком», «идти шагом», «вернуться героем».

К «обстоятельственно характеризующим значениям» причисляются значения меры: «пить стаканами», «болтать часами», времени: «умереть стариком», локальные значения прослеживаются в структурах типа: «идти улицей», «ехать лесом», «шагать пустыней».

Обычно различаются 4 группы тавтологического творительного в зависимости от природы существительного и наличия или отсутствия при нем атрибута:

1. Однокоренное имя с атрибутом.

В данной структуре соответствующее имя утрачивает свою предметность, а центр коммуникативной тяжести переходит на атрибут («бежать бесшумным бегом», «блестеть ярким блеском», «болеть острой болью», «глядеть скорбным взглядом», «дремать тихой дремой», «зеленеть свежей зеленью», «шагать размеренным шагом»).

2. Однокоренное имя без атрибута.

В современном русском языке такие структуры выражают обычно интенсивность действия, усиление того или иного явления «криком кричать» (сильно кричать), «слыхом не слыхать» (совсем не слыхать). В этой группе имеются также непарадигматические образования («голодом голодать», «запоем пить»).

3. Лексически соотносительное имя с атрибутом.

В этой группе тавтологических структур предметное значение имени существительного в отличие от однокоренного творительного падежа стирается в меньшей степени («погибнуть геройской смертью», «смеяться сиплым хохотом»).

4. Лексически соотносительное имя без атрибута («сказать скороговоркой», «мчаться бегом»).

Значение усиления, передаваемое творительным падежом, подверглось в русском языке тщательному исследованию.

Предлагается различать творительный тавтологический собственно усиления или творительный данного действия и творительный тавтологический способа действия или творительный данного способа совершения действия.

Тавтологическая структура «храпом храпеть» обнаруживает в своем составе компонент, который исчерпывающе выражает лексическое значение, а второй компонент придает выражению своеобразную экспрессию. Один из компонентов структуры передает другому свое вещественное значение и тем самым превращается в формальный показатель высшей степени качества. Данные структуры характеризуются и количественными показателями (интенсивность действия).

Значение форм творительного падежа, собственно грамматическая его сущность, состоит в том, чтобы направлять внимание на глагольное действие, подчеркивать, что активно совершается именно это действие. Усилительным представляется не падежное значение имени существительного как таковое, а плеоназм корня. Подобные синтаксические конструкции не являются фразеологическими лексикализованными оборотами, а представляют собой устойчивую грамматическую модель, лексически ограниченную в литературном русском языке («выть воем»).

Итак, тавтологическим структурам в системе русского языка не всегда присущ фразеологический характер модели, поскольку в их составе не всегда обнаруживается непереходный глагол, способный проецировать появление винительного падежа. Глагольный компонент нередко бывает переходным («пить», «волочить»).

§ 4. Неразложимые структуры с качественным компонентом значения

Специфика тавтологических структур в современном немецком языке заключается в том, что они обладают фразеологическим характером модели и им присущ имплицитный глагольный компонент переходности.

В современной зарубежной германистике наметился путь освещения тавтологических структур с позиций лингвистических импликаций, сущность которых заключается в том, что определенные глаголы имплицируют в своем содержании соответствующие имена существительные и реализуют свое содержание только в сочетании с этими именами существительными синтаксическим путем. Развивая это положение, некоторые исследователи ставят вопрос о двойной импликации, понимая под этим способность глагольного компонента имплицировать имя существительное, и наоборот, способность имени существительного имплицировать глагол [111]. На основании того, что общее значение данных структур не выводится из суммы составляющих их частей, они причисляются к функциональным образованиям [111].

Следует отметить, что лингвистическая импликация основывается на неразрывной связи компонентов структуры и соответственно на их

включении друг в друга, на этимологии данного латинского слова.

Сама сущность данных структур, обладающих неразрывной связью составляющих ее компонентов и двусторонним включением, свидетельствует об их устойчивом характере и правомерности их отнесения к ИС с качественным компонентом значения.

Анализ ИС с двойной импликацией раскрывает способность составляющих их компонентов включать их друг в друга, что подтверждается также обязательным условием их функционирования с атрибутивным компонентом, являющимся основным носителем коммуникативной нагрузки.

Так, глагольный компонент weinen способен имплицировать компонент Tränen с различными атрибутивными компонентами: dicke, heiße, bittere, blutige (Tränen). Вся ИС выражает интенсивность действия и означает „heftig weinen", ср.:

Er weinte dicke Tränen. (E.M. Remarque.)

В ИС с глагольным компонентом weinen возможно имплицирование не только родственного компонента Tränen, но и однокоренного с глаголом weinen (das befreiende Weinen weinen), ср.:

Wie oft hatte er in dieser Stille in seinem Bette gesessen und die Hände gerungen und das befreiende Weinen geweint, das ihn beruhigte. (B. Kellermann.)

Не исключена возможность имплицирования родственного компонента Tropfen, ср.:

Was ist schon ein Tropfen Wasser mit einem Milligramm Salz darin? Wie viele solcher Tropfen enthält das Meer, enthält eine einzige Welle nur? Millionen von Menschen haben solche Tropfen geweint, sie sind aus den Augenwinkeln geronnen, über die Wangen geflossen. (W. Steinberg.)

Глагольный компонент träumen имплицирует именной компонент Traum (träumen – einen Traum haben). Именной компонент Traum в ИС способен сочетаться с различными атрибутивными компонентами, которые являются коммуникативными центрами и не могут быть элиминированы из состава ИС, ср.:

S. Wolf zündete sich eine Zigarette an und träumte seinen ehrgeizigen Traum. (B. Kellermann.)

Boris geht auf den Teppichen seines Arbeitszimmers hin und her und träumt seine ehrgeizigen Träume. (B. Kellermann.)

Наличие атрибутивного компонента в тавтологических структурах является обязательным условием существования данных ИС. Коммуникативный центр может быть расположен в атрибутивном компоненте, функционирующем в препозиции или постпозиции к опорному слову тавтологической структуры, ср.:

Gerschun schlief einen herrlichen tiefen Schlaf. (B. Kellermann.)

Er aber schläft in seiner Kammer den Schlaf des Gerechten. (E.M. Remarque.)

В составе синтаксической структуры атрибутивный компонент может быть заложен в сложном слове, ср.:

Hartinger stand stramm, lud das Gewehr, warf sich auf den Bauch,

stürmte die feindliche Stellung, wurde verwundet, Hartinger starb den Heldentod. (J.R. Becher.)

или же в синтаксической структуре, в придаточном предложении:

Wilke aber sitzt eine Etage tiefer im Atelier unseres Bildhauers Kurt Bach und spielt mit ihm Domino, ein Spiel, das beide lieben. (E.M. Remarque).

Коммуникативно нагруженный атрибутивный компонент в тавтологических единицах является облигаторным, элиминирование его в каждом отдельном случае приводит к распаду тавтологической ИС, ср.:

Sie weinte bittere Tränen. *Sie weinte Tränen.

Er starb den Heldentod. *Er starb den Tod.

Близкими к тавтологическим структурам по признаку обязательного наличия в них атрибутивного компонента являются синтаксически неразложимые образования типа blaue Augen haben. Специфика данных ИС состоит в том, что они являются таковыми лишь при наличии определенного атрибутивного компонента. Элиминирование атрибутивного компонента приводит к аграмматичности предложения, в котором функционирует данная ИС, ср.:

Er hat blaue Augen. *Er hat Augen.

Данная структура отличается от аналогично построенной структуры gute, schlechte Augen haben, в которой наблюдается переосмысление компонентов („gut, schlecht sehen können").

Данные ИС различаются направленностью процесса интеграции. В первом случае интеграция направлена на создание цвета органа зрения, во втором случае – на создание качества органа зрения. Своеобразной является закономерность распределения ролей атрибутивных компонентов в данных структурах. В первой ИС синтаксического характера атрибутивный компонент, интегрируясь с субстантивным, не способствует переосмыслению компонентов, а способствует возникновению теснейшей связи между компонентами, несущими внешние признаки органа зрения. Интеграция компонентов во второй структуре приводит к их переосмыслению. Несмотря на это различие, в данных ИС формируется качественный компонент значения.

Аналогичную направленность интеграции компонентов структуры обнаруживает синтаксическое образование с качественным компонентом значения rote Wangen haben, в которой роль атрибутивного компонента сводится к внешней характеристике того или иного лица. Компонент Wangen может функционировать с различными атрибутивными компонентами качественного характера: voll, blaß, glatt, schmal, dick, eingefallen, zart, rosig, gerötet и др., которые не могут быть элиминированы из данной ИС, не приводя к ее разрушению, ср.:

Sie hatte rote Wangen. *Sie hatte Wangen.

Интеграционные процессы в аналогичных ИС могут быть направлены на создание не только цвета, но и свойства, формы, размера, что сопровождается появлением у данных синтаксических образований соответствующих атрибутивных компонентов, ср.: eine große, dicke, lange, spitze, breite Nase haben; schmale dicke, aufgeworfene Lippen haben.

Интеграция именного компонента с атрибутивным, обозначающим

качество, может привести к возникновению семантического компонента качественного характера и к возникновению ИС с переосмыслением компонентов, ср.: Er hat eine gute Nase (= Er hat einen scharfen Geruchssinn).

В синтаксической структуре с опорным словом Stirn интегрируются различные имена прилагательные, обозначающие форму и размер данной части лица: eine hohe, breite, gewölbte, glatte Stirn haben. В результате интеграции подобных атрибутивных компонентов с соответствующим опорным компонентом происходит возникновение синтаксически неразложимых образований, в которых элиминирование атрибутивного компонента приводит к их распаду (*eine Stirn haben).

Неразложимые синтаксические структуры с качественным интегрированным компонентом представляют собой лексически замкнутые структуры в отношении лексического наполнения как именного, так и атрибутивного компонента. В их основе лежит категория ингерентности, способности выражать ингерентные свойства, т.е. свойства, присущие данному объекту. В современном немецком языке они представлены, в основном, опорным словом, обозначающим различные части лица с определительным компонентом, несущим в себе определенный признак: цвет, форму или размер той или иной части лица или тела, ср.:

ein schönes, hübsches, zartes, frisches, längliches, breites, rundes, volles, häßliches, rotes, blasses Gesicht haben;

starke, buschige Augenbrauen haben;

einen großen, vollen, bleichen, welken, roten Mund haben;

ein rundes, breites, glattes, brutales Kinn haben;

kleine, große, lange, abstehende, anliegende Ohren haben.

ИС с качественным компонентом все больше расширяют круг всевозможных существительных. Помимо имен существительных, обозначающих части лица и тела (Gesicht, Wangen, Augen, Kopf, Mund и др.), ИС качества могут иметь имена существительные, не относящиеся к частям тела (Wetter, Wuchs).

Специфика данных структур заключается в том, что категория ингерентности не позволяет им функционировать без атрибутивного компонента, вследствие чего создается невозможность их разложения на основе современных синтаксических эталонов свободных словосочетаний в предложении.

Так, ИС schönes Wetter может функционировать только при наличии качественной характеристики, ср.:

Es ist heute schönes Wetter. Wir haben heute schönes Wetter.

*Es ist heute Wetter. *Wir haben heute Wetter.

Облигаторным является атрибутивный компонент в синтаксическом образовании kümmerlichen Wuchses, ср.:

Sie war eine Vierzigerin kümmerlichen Wuchses. *Sie war Wuchses.

Аналогичные явления прослеживаются также в ИС gesenkten Hauptes, flatternden Haares, ср.:

Er verließ das Zimmer gesenkten Hauptes. *Er verließ das Zimmer Hauptes.

В синтагматической цепи данных ИС атрибутивный компонент

является коммуникативно нагруженным и не может быть элиминирован без нарушения информативного содержания данной структуры.

И хотя подобные синтаксические образования формально могут быть членимы, ср.: große Ohren haben, welche Ohren?, was hat man?, но синтаксическая связанность атрибутивного компонента с именным в целях обеспечения коммуникации не позволяет отделять атрибутивный компонент от именного, способствуя возникновению синтаксической неразложимости данной структуры с наличием в ней качественного значения.

Данные ИС удовлетворяют всем признакам специфических синтаксических образований, лежащих на стыке лексики, синтаксиса и фразеологии. Они заполняются лексически ограниченной группой имен существительных, обладающих категорией ингерентности, обнаруживая при этом строгую последовательность компонентов данной структуры, в которой ни один компонент не может быть перемещен, не нарушая ее цельности (dicke Lippen haben, *Lippen dicke haben).

В данных структурах прослеживается интеграция составляющих их компонентов, которая приводит к формированию синтаксической связанности, обеспечивающей возникновение качественного значения. Грамматический признак качественности данных образований оказывается заложенным в формальном устройстве самой структуры с ограниченным лексическим наполнением не только именного, но и атрибутивного компонента, обозначающего свойство, размер, цвет, форму предмета.

Своеобразная ингерентность данных синтаксических структур, являющихся носителями определенных свойств, признаков того или иного предмета, есть та опора, которая позволяет считать данные структуры синтаксически связанными.

§ 5. Неразложимые структуры с фразеологическим характером модели

К числу ИС с составом полнозначных компонентов относятся синтаксические структуры типа Klavier spielen. Х. Бринкман называет данные структуры особым видом «ориентируемых соединений» (eine besondere Art orientierender Verbindungen) [113, с.252], в которых имя существительное или называет предмет, связанный с глагольным процессом (Karten spielen), или же определяет вид движения, обозначаемого глагольным компонентом (Walzer tanzen).

Грамматическая особенность имени в таких синтаксических структурах состоит в том, что его синтаксические признаки нейтрализуются. Нейтрализация синтаксических признаков обусловливает появление у него обобщенного значения. При наличии же синтаксических признаков имени, структура выражает определенный акт действия. Синтаксическое образование Klavier spielen обозначает музыкальное действие и не предполагает конкретный инструмент. В структуре же auf dem Klavier spielen имеется в виду определенный данный инструмент (из класса роялей): Auf dem Klavier kann ich nicht spielen.

Аналогичное явление прослеживается в ИС с обобщенным понятием действия Fußball spielen и с определенным актом действия: mit dem Fußball spielen.

Способность непереходного глагольного компонента сочетаться с именем существительным в винительном падеже свидетельствует о том, что в синтаксических структурах данного типа возникают синтактико-фразеологические связи, создающие фразеологический характер модели. В формальном устройстве данных синтаксических структур заложено грамматическое значение формальной переходности, составляющее интегрированный компонент данной структуры.

Интегрированный компонент формальной переходности является результатом действия в данных синтаксических структурах грамматического идиоматизма, сущность которого заключается в том, что значение целого не вытекает из суммы грамматических значений, составляющих структуру компонентов.

В некоторых структурах с интегрированным компонентом формальной переходности грамматический идиоматизм идет рука об руку с лексическим идиоматизмом. Семантические преобразования компонентов обнаруживаются в ИС den schweren Weg gehen, ср.:

Sie fand nicht den Weg zu Egon, fand keine befreienden Worte, die ihn aufschlossen, nur er allein **den schweren Weg zu gehen** hatte. (B. Lask.)

Синтаксические структуры с интегрированным компонентом формальной переходности основываются на комбинации одинаковых сем, составляющих семантическую структуру компонентов. Поэтому несмотря на многозначность их компонентов, их общее значение представляется однозначным. Наличие одинаковых сем в семантической структуре компонентов позволяет им вступать в интеграцию, поэтому именной компонент может быть заполнен различными словами одной тематической группы. Так, синтаксические образования с именным компонентом Skat, Schach, Karten, Ball, Blindekuh являются носителями семантического интегрированного компонента с семой «развлекательная игра». Синтаксические структуры с именными компонентами Lotto, Toto и т.п. имеют в системе значения сему «быть участником игры». Значение «заниматься спортом», «быть участником спортивной игры» реализуется в ИС с именным компонентом Fußball, Handball, Tischtennis (spielen).

В некоторых ИС данного типа возможно варьирование как глагольных, так и именных компонентов при условии реализации в них одинаковых сем (einen Weg gehen, wandern, Pfade gehen, irren).

Während des Straßenbahnenstreiks geschah es, daß die Lehrerin Hilde Sösterhurs eine weite Strecke zu Fuß gehen mußte und der Schauspieler Achim, den sie liebt, **denselben Weg ging.** (B. Lask.)

Особую разновидность ИС представляет синтаксическое образование die Treppe hinaufsteigen, в которой прослеживается богатая вариативность глагольного компонента, функционирующего с отделяемой приставкой (die Treppe hinuntergehen, emporsteigen, hinuntertaumeln, hinunterlaufen), обозначающей направление действия. Данная ИС обладает способностью иметь параллельное предложное употребление, ср.:

Zwei Schließer traten ein, fesselten Oskar und führten ihn eine winzige, gußeiserne Wendeltreppe empor, die eine ewige Spirale zu sein schien und direkt in das photographische Atelier unter dem Dache des Untersuchungsgefängnisses mündete. (W. Steinberg.)

Man stieg über eine Treppe in eine höhere Etage. (J. von Wangenheim.)

Синтактико-фразеологическая связь, нейтрализация синтаксических отношений между именем сущетвительным и глаголом, способность непереходного глагола сочетаться с именем существительным в винительном падеже, интеграция глагольного и именного компонентов способствуют созданию единой синтаксически нечленимой ИС Auto fahren, выполняющей в предложении синтаксическую функцию члена предложения – сказуемого.

Наличие интегрированного компонента формальной переходности, нейтрализация синтаксических признаков имени существительного роднит данные синтаксические образования со структурами типа Klavier spielen с обобщенным значением действия.

Обобщенное значение средства передвижения уточняется значением именного компонента ИС (Auto fahren, Eisenbahn fahren, Schi fahren, Schlitten fahren, Kahn fahren), параллельно с которым в современном немецком языке функционируют предложные структуры (mit dem Auto, mit der Bahn, mit dem Schlitten fahren).

Итак, следует сказать, что неразложимые синтаксические структуры, лежащие на стыке лексики, синтаксиса и фразеологии, представляют собой синтаксические образования различных структурных типов с различными семантико-синтаксическими значениями.

ИС, состоящие из полнозначных компонентов, могут выражать количество, которое может быть представлено на шкале от нуля до огромного множества, включая показатели определенности / неопределенности (nichts Neues, viel Neues, ein Glas Tee, eine Anzahl Studenten).

Синтаксически неразложимые структуры с темпоральным интегрированным компонентом выстраиваются на шкале темпоральности, отражающей обозначения времени с показателями определенности / неопределенности / приблизительности (2 Monate lang, einige Tage, eines schönen Abends, nächsten Frühling).

Синтаксически связанные образования с качественным интегрированным компонентом располагаются на шкале качества, включая интенсивность действия или признака предмета: свойство, цвет, размер, форму (bittere Tränen weinen, aufgeworfene Lippen haben, blaue Augen haben, eine hohe Stirn haben).

Синтаксически неразложимые структуры с интегрированным компонентом формальной переходности располагаются на шкале обобщенного характера действия, нюансированного именным компонентом структуры (Karten spielen, Lotto spielen, Auto fahren, Kahn fahren, einen Weg gehen, Pfade gehen).

Анализ синтаксических образований в современном немецком языке приводит к выводу о том, что следует различать синтаксически связанные структуры, обладающие конструктивным компонен-

том, не допускающим своего элиминирования. Таковыми являются, например, компонент bitter в ИС bittere Tränen weinen, компонент rote в структуре rote Wangen haben, компонент ganz в структуре den ganzen Tag arbeiten, компонент viel в структуре so viel Neues.

Понятие синтаксической связанности опирается на плодотворную идею Л.В. Щербы, отстаивавшего необходимость изучения семантики отношений не отдельных слов, а «каждой данной пары слов».

Понятие синтаксической связанности лежит в основе синтаксической неразложимости, которая предполагает наличие таких синтаксических структур, которые не разлагаются по синтаксическим эталонам свободных словосочетаний в предложении (ein Glas Tee, eine Anzahl Studenten).

Синтаксически фразеологизированными структурами являются структуры, обнаруживающие синтактико-фразеологические связи, способствующие возникновению фразеологического характера модели (Karten spielen, Auto fahren).

Синтаксические образования, состоящие из полнозначных компонентов, обнаруживают синтаксическую связанность, неразложимость и фразеологизацию, которые находятся в отношении иерархии.

Глава IV

НЕРАЗЛОЖИМЫЕ СТРУКТУРЫ С ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫМ КОМПОНЕНТОМ

§ 1. Интерпретация неразложимых языковых структур с десемантизированным компонентом в современной лингвистической литературе

Наряду с ИС, состоящими из полнозначных слов, в современном немецком языке весьма продуктивны ИС, обнаруживающие в своем составе десемантизированный элемент, который репрезентируется глагольным компонентом, утратившим свою семантику и превратившимся в структурный компонент словосочетания (in Angst sein).

Продуктивность данных структур объясняется их способностью образовывать широкий спектр аспектно-видовых значений, которые далеко не всегда выражаются грамматическими средствами немецкого глагола, что отмечается в советской и зарубежной лингвистической литературе [62].

Данные структуры представляют собой перифрастические образования. Исследование перифразы на данном этапе развития лингвистической мысли находится в центре внимания многих языковедов.

Унаследованное из античных риторик понятие перифразы видоизменялось и неодинаково интерпретировалось на разных этапах развития языкознания. Перифрастические образования детально исследованы в современном немецком языке в системе глагола. Известны ана-

литические формы глагола, содержащие в своем составе в качестве вспомогательных компонентов глаголы с утраченным лексическим значением (аналитические формы для выражения времени). Являясь структурами устойчивого характера, аналитические формы представляют собой грамматикализованные перифрастические образования.

Весьма широк диапазон перифрастических образований, служащих для выражения определенных грамматических значений: переходности / непереходности, каузативности / некаузативности, аспекта.

Интерпретация образований с перифрастическим (разложимым) характером модели ведется обычно с позиций аналитизма, который неоднозначно интерпретируется в лингвистической литературе и имеет свою историю.

Вопрос об аналитических элементах в русском языке был поставлен И.А. Бодуэном де Куртене на строго научную основу в 70-е годы прошлого столетия [13, с. 31].

В.А. Богородицкий связывал факты грамматического «аналитизма» с развитием идиоматических сращений, с переходом целого выражения как бы в одно слово определенной формы, где смысл отдельных частей уже стушевывается (род опрощения) [12, с. 16].

В качестве иллюстрации грамматического аналитизма В.А. Богородицкий приводил описательную форму превосходной степени прилагательного («самый высокий»). В.А. Богородицкий вслед за Бодуэном де Куртене отмечал распад системы склонения имен существительных в русском языке, основываясь на росте и расширенном употреблении предлогов в соединении с падежными формами.

На факт грамматического аналитизма указывал В.В. Виноградов [20, с. 36] «... как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами», «... распространение аналитических форм в русском языке связано с усложнением системы формообразования, изменением грамматических границ слова и его объема, с ростом фразеологических единиц и сращений».

Проблема аналитизма продолжает привлекать внимание исследователей и получает различное освещение в современной лингвистической литературе. Одни исследователи рассматривают аналитические конструкции как формы слова, другие — как особого рода словосочетания.

Широкое понимание аналитизма содержится в концепции В.М. Жирмунского. Противопоставляя «статическому» морфологизму фортунатовской школы процессуальное рассмотрение явлений языка, В.М. Жирмунский выдвигает тезис о большей или меньшей грамматизации тех или иных аналитических конструкций [34, с. 84].

К несомненным случаям аналитической конструкции относятся, по его мнению, конструкции типа: ich habe geschrieben, ich werde schreiben, спорными случаями представляются конструкции ich könnte schreiben, ich möchte schreiben.

Правомерной представляется точка зрения исследователей, отмечающих двойственный характер аналитических конструкций, учитывающих

их своеобразное поведение при функционировании на уровне предложения. Признавая совершенно очевидную морфологическую цельность аналитических конструкций, современные исследователи отмечают их специфику, заключающуюся в том, что при функционировании они ведут себя как сочетания слов [98].

Мысль о двойственной природе аналитических конструкций представляется весьма плодотворной, поскольку она проливает свет на их сущность и позволяет ставить вопрос о неразложимости и разъединимости. Достаточно убедительно это положение продемонстрировано Д.Н. Шмелевым. Рассматривая аналитические видо-временные формы глагола в русском языке («буду читать»), он отмечает их двойственную природу, обнаруживает такие черты, которые их объединяют с сочетаниями слов, образующими различные типы составного сказуемого. Одной из первых черт этого плана является их разъединимость в предложении, как это имеет место у других сочетаний спрягаемых форм глагола с инфинитивом: «Буду, наверное, читать.» «Читать эту книгу буду потом.» [98, с. 55].

Другой фактор, дающий право исследователю рассматривать аналитические конструкции как сочетания слов, связывается с возможностью включения аналитических конструкций в интонационное членение предложения наравне с другими сочетаниями слов. Компоненты аналитического сочетания, как и компоненты словосочетания, могут быть выделены логическим ударением, ср.: «Не читал, а только буду читать.» «Потом буду читать, а не писать.» Отмечая, что морфологическое формообразование преобладает в русском языке над «формообразованием синтаксическим и лексико-семантическим», В.В. Виноградов писал в свое время: «Синтаксическое формообразование обнаруживается в так называемых аналитических или составных формах степеней сравнения, в форме будущего времени несовершенного вида глагола (буду говорить), в формах условно-желательного наклонения и т.п.» [19, с. 112].

Широкое распространение имеет концепция, согласно которой аналитические конструкции рассматриваются как глагольно-именные словосочетания, находящиеся за пределами состава фразеологизмов [59, с. 15–16]. Представители этого направления считают, что глагольно-именные словосочетания находятся на грани перехода во фразеологизмы или могут стать прототипами фразеологизмов.

Другое направление составляют взгляды ученых, интерпретирующих глагольно-именные словосочетания с десемантизированным компонентом как фразеологические обороты [90].

Принимая во внимание описательный характер глагольно-именных словосочетаний с десемантизированным компонентом, некоторые исследователи видят в них своеобразные «синтаксические слова» аналитической структуры [71].

Убедительна точка зрения тех ученых, которые рассматривают аналитические конструкции как периферийные структуры, лежащие на границе фразеологии и синтаксиса. В работах ведущих языковедов

нашей страны указывается на переходный характер этих структур и их отличие от собственно фразеологизмов, а также на их «серийность», т.е. способность одного из компонентов сочетаться не с одним, а с несколькими компонентами, не образуя синонимического ряда [88].

Представляется правомерным рассмотрение аналитических конструкций в синтаксисе на основании особого характера отношений между их компонентами, так называемых имплицитных отношений, которые возникают в результате взаимодействия десемантизированного глагольного компонента и именного компонента, приобретающего функции семантического, смыслового ядра.

В зарубежной литературе функциональные глагольные структуры характеризуются с нескольких точек зрения, общим для которых является утверждение о том, что данные структуры представляют собой определенную систему, способствующую расширению арсенала средств выражения современного немецкого языка. Усилия зарубежных лингвистов направлены на поиски критериев отграничения указанных структур от идиоматических оборотов и от словосочетаний глагола с препозициональной группой, а также отграничения функциональных глаголов от смысловых.

Под функциональными глагольными образованиями Б. Энгелен [121] понимает глагольные комплексы, которые состоят из функционального глагола и имени существительного с предлогом (in Bewegung geraten, zur Verzweiflung kommen).

По мнению Б. Энгелена, отличительные признаки этих образований заключаются в следующем:

1) Содержание этих функциональных структур заключено в их именной части, что подтверждается языковым материалом, ср.: Er brachte sein Auto zum Stehen. Er brachte sein Auto.

2) Глагольный компонент в этих образованиях теряет свое первоначальное значение и приобретает только грамматическую функцию.

Другие критерии представляют только варианты вышеуказанных и сводятся к следующим моментам:

1) К именной части этих функциональных образований нельзя поставить вопроса (Die Verhandlungen gerieten ins Stocken). В данном функциональном образовании невозможно поставить вопрос к препозициональной группе wohin?

2) Именная часть не может быть заменена ни местоимением, ни местоименным наречием (Er brachte ihn zur Verzweiflung. *Er brachte ihn dazu.)

3) При смысловом глаголе порядок слов в предложении не является строго фиксированным. Так, возможны варианты следующего высказывания:

Er brachte sein Auto zum Waschen in die Garage. Er brachte sein Auto in die Garage zum Waschen.

При наличии в предложении функционального образования вариативность порядка слов является недопустимой, ср.: Diese Mittel standen ihm in Frankfurt zur Verfügung. *Diese Mittel standen ihm zur Verfügung in Frankfurt.

4) При наличии функционального образования в предложении представляется невозможным его распространение, его дополнение словами, обозначающими направление, ср.:

Er geriet aus Versehen in die Buchhandlung hinein.

*Er geriet bald in große Schulden hinein.

5) Функциональное образование можно заменить простым глаголом или сочетанием прилагательного с глаголами sein, werden, bleiben, но при этом утрачивается аспектное значение, ср ·

Er geriet in Zorn. Er wurde zornig.

Er brachte das Schauspiel zur Aufführung.

Er führte sein Schauspiel auf.

6) Именной компонент функционального образования не может быть заменен инфинитивом того же корня, т.к. это ведет к появлению нового информативного содержания предложения, ср.:

Er läßt die Zeche in Betrieb.

Er läßt die Zeche betreiben.

Er entschließt sich zur Abreise.

Er entschließt sich abzureisen.

7) Способность именного компонента функционального образования сочетаться с именем прилагательным относительно ограничена, что находится в тесной зависимости от степени лексикализации функционального образования. Нелексикализованные функциональные образования развивают способность именного компонента легко сочетаться с прилагательным, ср.:

Er geriet in Not, in große Not, in bittere Not.

Er stellte es ihm zur Verfügung, zu seiner persönlichen Verfügung. Man stellte ihn unter Hausarrest, unter scharfen Arrest.

При таких нелексикализованных функциональных образованиях возможны даже придаточные предложения: Er kam zu der Überzeugung, daß niemand ihm helfen wollte.

Глаголы, выступающие в качестве функциональных в подобных образованиях, немногочисленны и отличаются друг от друга по ряду показателей (kommen, geraten, bringen, setzen, versetzen, bleiben, sein, halten, lassen); глагол kommen функционирует в образованиях, в которых результат действия, обозначенного именной частью, является стилистически нейтральным (in Not, in Wut kommen); глагол geraten функционирует в соединениях, в которых результат действия является нежелательным, непреднамеренным (in Schulden, in Schrecken geraten); глаголы setzen, versetzen показывают на энергичное вмешательство со стороны субъекта; глагол bringen функционирует в сочетаниях, в которых нет неожиданного и насильственного вмешательства со стороны деятеля (in Bewegung bringen); глагольный компонент versetzen конституирует соединения, обозначающие душевное состояние (in helle Begeisterung versetzen). Конституентами таких образований могут выступать и другие глаголы: например, jagen (in Furcht und Schrecken jagen).

Несмотря на то, что глагольный компонент в составе функциональных образований является десемантизированным, он способен вносить

нонсированные значения в грамматический компонент. Так, длительность действия у функциональных образований с глагольным компонентом bleiben выражена сильнее, чем с глагольным компонентом sein (in Stimmung sein, bleiben).

Функциональные образования с семантической точки зрения можно разделить на три группы:

1) функциональные образования, выражающие душевное состояние (in Schrecken geraten, in Verwunderung sein, zum Lachen bringen, ins Lachen ausbrechen);

2) функциональные образования движения (in Trab sein);

3) функциональные образования, выражающие порядок и социальный статус (in Ordnung bringen).

Функциональные глаголы в составе данных образований исследует также Г.Ю. Херингер, который прослеживает оппозицию глаголов kommen и bringen. Как и П. фон Поленц, он считает, что функциональные глаголы теряют свое конкретное значение и служат для выражения чисто формальной функции в структуре предложения. К числу таких глаголов относятся глаголы, стоящие между смысловыми и вспомогательными глаголами (bringen, kommen, gelangen, stellen, setzen, ziehen).

Различие во взглядах вышеупомянутых исследователей на функциональные образования заключается в том, что П. фон Поленц считает такие образования застывшими соединениями, в то время как Г.Ю. Херингер подчеркивает способность современного немецкого языка создавать такие грамматические образования, которые поддаются систематизации.

Г.Ю. Херингер, подобно Б. Энгелену, старается выработать критерии отграничения функционального глагола от смыслового. Одним из таких критериев он предлагает контекст. По его мнению, функциональный глагол обнаруживает себя через контекст в следующем примере: Die neue Maschine, die man am nächsten Sonntag **in Barcelona** zum Einsatz bringt.

При наличии в предложении смыслового глагола оно строится иначе: Die neue Maschine, die man am nächsten Sonntag **nach Barcelona** zum Einsatz bringt.

Широко применяется Г.Ю. Херингером также проба на возможность исключения имени с предлогом из состава предложения для доказательства функционирования в нем смыслового глагола: Der Maler kommt zur Versteigerung.

Отсутствие однозначного решения в лингвистической литературе вопросов, связанных с образованиями, состоящими из десемантизированного глагола и имени существительного с предлогом или без предлога, обусловливает и пестроту терминологии («аналитические конструкции», «глагольно-именные словосочетания», «перифрастические образования», «функциональные образования»). Представляется целесообразным наметить и обосновать новый путь подхода к таким структурам, как ИС, в которых интеграция составляющих их компонентов приводит к возникновению аспектуальных значений.

§ 2. Модификации аспектуальных значений в неразложимых структурах с десемантизированным компонентом

Аспектуальные значения указывают на то, «как протекает во времени или как распределяется во времени глагольное действие» [56]. Спектр аспектуальных значений может быть весьма многогранным и способен включать различные значения: длительность / мгновенность, прерывистость / непрерывность, наличие / отсутствие внутреннего предела действия и многое другое.

Основываясь на общеизвестном факте о том, что языковые значения представляют собой не механическую копию действительности, а ее отражение, своеобразное преломление в сознании человека, можно присоединиться к мнению тех лингвистов, которые считают, что аспектуальные значения отражают ту или иную «оценку», характеристику говорящим обозначаемого глаголом действия с точки зрения протекания и распределения этого действия во времени, но безотносительно к моменту речи [52].

Аспектуальный, фазисный характер протекания действия в рассматриваемых глагольных структурах связан с элементом количественного значения. Отмечая специфику количественной определенности в объективной действительности, В.З. Панфилов указывает, что она «предстает, с одной стороны, как дискретное, прерывное количество, а с другой стороны – как недискретное». «Первое из них определяется посредством счета, а второе посредством измерения . . . В системе глагола количественные представления получают самое разнообразное выражение значения однократности – многократности, мгновенности – длительности» [66, с. 158].

В современном немецком языке рассматриваемые структуры служат для выражения характера протекания действия: начала, процесса, завершения.

Инхоативная характеристика действия создается в большинстве случаев взаимодействием элементов абстракции в функциональном глаголе и именном предложном элементе.

Инхоативная характеристика действия содержится в ИС с глагольным компонентом kommen, который обнаруживает в данных структурах наивысшую степень абстракции своего значения, основывающейся на его переносе во временной план. Потеря предлогами пространственного значения (zur Ruhe, zur Sprache kommen) и приобретение ими временного значения способствует возникновению в данных структурах значения начала действия.

Интегрированный компонент, обозначающий начало действия, формируется в структурах с глаголом ausbrechen, который способен интегрироваться с рядом предложных компонентов, характеризующих психическое состояние человека: in Weinen, in Tränen, in Klagen, in Schluchzen, in Lachen, in Jubel, in Zorn ausbrechen.

Инхоативный интегрированный компонент возникает также в струк-

турах с глагольным компонентом geraten. Так, ИС in Brand geraten содержит инхоативный интегрированный компонент и означает „zu brennen anfangen".

Инхоативный интегрированный компонент в структуре in Bewegung geraten формируется в результате интеграции составляющих структуру компонентов и означает „sich zu bewegen beginnen".

Аналогичные интегрированные компоненты инхоативности возникают в ИС ins Stocken geraten, ins Stottern geraten („zu stocken anfangen, zu stottern anfangen").

Инхоативные компоненты заложены в структурах с глагольными компонентами kommen и geraten и обнаруживаются в серийных образованиях, не порождающих синонимического ряда. Так, способность глагольного компонента kommen интегрироваться с предложными структурами in Verlegenheit, in Wut, in Fahrt, in Stimmung, in Schwung, ins Stocken (kommen) порождает серийные образования со значением „in einen bestimmten Zustand, in eine bestimmte Lage geraten".

Способность глагольного компонента geraten интегрироваться с предложными структурами: in Not, in Verlegenheit, in Zorn, in Wut (geraten) создает серийные образования со значением „in einen bestimmten Zustand gelangen".

Обладая одинаковым инхоативным компонентом, серийные образования с глагольным компонентом kommen и geraten обнаруживают различия, заключающиеся в том, что ИС с глагольным компонентом kommen почти всегда имеет инхоативный характер, ИС с глагольным компонентом geraten присуща спонтанная инхоативность.

В современном немецком языке функционируют аналитические конструкции, служащие средством для выражения длительных действий, не ограниченных никаким пределом. Используются данные структуры для передачи длительных психических состояний, умственных процессов, определенного продолжительного положения в пространстве, ср.:

in Angst, in Sorge, in Zweifel, in Unruhe sein;

im Dienst, im Streik, im Tausch stehen;

im Sterben, im Fieber liegen;

sich in Vorbereitung, in Opposition befinden.

Данные структуры удовлетворяют требованиям, предъявляемым к ИС, обладают присущими им признаками, о чем свидетельствует их внешняя организация: наличие десемантизированного компонента и имени существительного с семой «внутренний процесс», способствующие формированию интегрированного компонента длительности.

Непредельный интегрированный компонент в ИС in Angst sein отличает ее от нейтрального в аспектном отношении коррелятивного глагола sich ängstigen.

ИС im Zweifel sein отличается от коррелятивного глагола zweifeln своим ярко выраженным интегрированным компонентом длительности действия.

ИС im Sterben liegen („mit dem Tode ringen") развивает в себе компонент длительности действия, который отличает данную структуру от кор-

релирующего с ней глагола sterben, являющегося нейтральным в отношении аспекта.

В процессе функционирования ИС обнаруживают различия с коррелирующими глаголами не только по характеру действия, не только по признаку количественного значения, но и по синтаксическим потенциям, которые способствуют новой характеристике действия, нередко отображая его интенсивность. Так, ИС Zweifel hegen отличается от коррелирующего с ней глагола zweifeln особой валентностью, способностью сочетаться с прилагательным, охватываемом интегративными процессами, ведущими к появлению в данной структуре интегрированного компонента, обозначающего интенсивность действия, ср.:

Ich zweifle daran. Ich hege den größten Zweifel daran.

В подобных случаях речь идет о контекстно-синтаксической аспектуальности, справедливо выделяемой исследователями на материале русского языка [14].

Значением дуративности обладают в современном немецком языке ИС с глагольным компонентом sein + предложная группа с субстантивированным инфинитивом (beim Schuhputzen sein, am Ersticken sein). Обладая одинаковым интегрированным компонентом процессуальности глагольного действия, они различаются субстантивированным инфинитивом и предлогом, порождая серийные ряды:

beim Schreiben, beim Schuhputzen sein;

am Zufrieren, am Backen, am Ersticken sein;

im Ergrünen sein, im Werden sein.

Современные зарубежные исследователи, отмечая тенденцию возникновения в немецком языке такого рода структур, связывают ее с потребностью дифференциации временной системы современного немецкого языка.

Спектр структур, формирующих интегрированный компонент незавершенности глагольного действия, его процессуальности, может быть существенно раздвинут за счет образований с инфинитивом с zu.

К их числу следует отнести ИС dabei sein + zu + Infinitiv со значением процессуальности, ср.:

Er kam, als ich (gerade) dabei war, ihm zu schreiben.

Значением длительной повторяемости действия обладает структура с глагольным компонентом pflegen + zu + Infinitiv, ср.:

Sie pflegen um 10 Uhr nach Hause zu gehen.

Интегрированный компонент длительной повторяемости действия содержится также в ИС с компонентом gewohnt sein, ср.:

Er war es gewohnt (es war seine feste Gewohnheit) pünktlich zu kommen.

Длительность действия прослеживается в структурах с глагольным компонентом begriffen sein, ср.:

Der Wagen ist in Serienproduktion begriffen (wird bereits in Serie produziert).

Интегрированный компонент процессуальности действия формируется в структуре с глагольным компонентом bringen, способным к интеграции с партиципом II смыслового глагола, ср.:

Was bringst du da geschleppt? = Was wird von dir da herangeschleppt?

В число структур с фазисной детерминацией следует включить весьма продуктивную в современном немецком языке структуру с глагольным компонентом tun. Глагольный компонент tun интегрируется со смысловым глаголом, ср.:

Er geht. = Er tut gehen.

Wann tun wir waschen?

Такая структура называется в лингвистической литературе «описательной формой простого глагола без модификации его значения» [125, с. 73].

Десемантизированный компонент tun может появляться в структуре предложения, имеющего в начальной позиции инфинитив для обозначения действия [125], ср.:

Singen tut er nicht.

Gesehen habe ich schon, aber kennen tue ich sie nicht. Angeln tut er.

Rauchen tat er nicht.

ИС с глагольным компонентом tun способна выражать целую ситуацию, ср.:

Sprechen Sie deutsch? – Das tue ich nicht. = Ich spreche deutsch nicht.

Специфика данной структуры заключается в том, что она способна имплицировать предстоящий процесс, при котором начальная фаза сливается с его незавершенностью. Данные грамматические образования могут имплицировать процессуальность, не ограниченную временным пределом. Эти структуры представляют собой результат комбинирования количественной и качественной аспектуальности, создающей ее модифицированную форму [56, с. 19].

ИС с предельными глаголами treffen, gelangen, setzen, treten, vollziehen, vollbringen, erlangen, erbringen, bringen, geraten формируют значение завершенности действия, на основании которого создается интегрированный компонент достигнутого предела действия.

Вполне правомерным представляется выделение нескольких групп неразложимых структур в современном немецком языке, тяготеющих к выражению значения достигнутого предела действия – результативности, инхоативности, завершенности.

Результативный интегрированный компонент обнаруживается также в структуре, состоящей из глагола kommen + партицип II смыслового глагола, в качестве которого могут выступать laufen, rennen, schwimmen, springen, fliegen, нередко функционирующие с приставками: herbeilaufen, anfliegen, hereinspringen, anlaufen, anfahren, zulaufen, anstürmen, nachlaufen, nachstürzen, ср.:

Er kam zu uns geritten. Er kommt ihm nachgestürzt.

Интегрированный компонент данной структуры может видоизменяться под влиянием контекста и приобретать значение повторяемости действия, ср.:

Er kam oft zu uns geritten.

Наряду с ИС kommen + партицип II, обладающей результативным интегрированным компонентом, в современном немецком языке функ-

ционируют и другие ИС этого типа с опорными компонентами bekommen, nehmen, например: geschenkt bekommen, gefangen nehmen, в которых также реализуется значение результативности действия.

ИС, имеющая в своем составе глагольный компонент bekommen + + партицип II спрягаемого глагола (geschenkt, mitgeteilt, geschickt, geliehen, vorgesetzt, geliefert), рассматривается в современном немецком языке как вариант пассива [120, с. 95], ср.:

Er hatte die Bücher geschenkt bekommen. Die Bücher waren ihm geschenkt worden.

Некоторые ИС с параметром фазисной детерминации обладают помимо количественного интегрированного компонента также каузативным интегрированным компонентом (jmdn. in Aufregung bringen, etw. in Bewegung bringen).

§ 3. Интегрированные структуры с каузативным компонентом

Вопросы каузации привлекают внимание многих исследователей. Ш. Балли [9] предлагал разграничивать два класса глаголов: обычные глаголы, которые обозначают, что действие совершает сам субъект, и каузативные глаголы, которые обозначают, что субъект вызывает какое-то действие или состояние другого лица или предмета, ср: «пойти» и «послать» (каузировать кого-то пойти), «видеть» и «показывать» (каузировать кого-то видеть).

Г.А. Золотова [37, с. 278], освещая вопросы каузации в синтаксисе предложения, отмечает, что инфинитивные конструкции поддаются интерпретации с точки зрения каузации. Соотношение, выраженное на лексическом уровне в оппозиции «пойти» (самому) / «послать» (другого), в синтаксисе выражается в оппозиции конструкций с субъектным и объектным инфинитивом: «хочу спать» (сам) / «прошу спать» (другого); «боюсь встретиться» (сам) / «запрещаю встретиться» (другому). Конструкция «учить кого-то, чему-то» обладает каузативным значением. Винительный падеж выступает носителем значения каузации каузируемого владельца информации.

Место агенса-лица в каузации признака и бытия может занимать в высказывании имя с конкретным – предметным – значением или отвлеченным значением («Огнетушитель гасит огонь.» «Ветер гасит огонь.»).

Явление-каузатор может не сочетаться с лицом-каузатором, в таком случае может быть применена форма «от» плюс родительный падеж, которая обозначает источник непроизвольного воздействия на предмет, источник состояния предмета в автокаузативных конструкциях: «от ветра гаснет огонь». «От злости глаза делались раскосыми.» «Злость делала глаза раскосыми.»

В немецком языке обильно представлены ИС в системе имени, обозначающие источник непроизвольного воздействия на кого-л., ср.:

Vor Freude weinte er. Die Freude machte ihn weinen.

Mit Begeisterung arbeitete er. Die Begeisterung ließ ihn arbeiten.

Mit Interesse arbeitete er. Das Interesse ließ ihn arbeiten.

ИС в системе глагола с интегрированным компонентом каузации обнаруживают определенную закономерность, которая проявляется в том, что некоторые структуры с интегрированным компонентом каузации теряют способность к оппозиции, существующей между смысловыми глаголами kommen / gehen, ср.:

Er kommt, er geht (weggehen).

ИС с глагольным компонентом kommen не имеет оппозиции. (zum Ausdruck kommen – *zum Ausdruck gehen).

Оппозиция смысловых глаголов liegen / legen не реализуется в ИС (im Sterben liegen – *im Sterben legen).

Аналогичные явления прослеживаются в оппозиции смысловых глаголов setzen / sitzen (in Bewegung setzen). Исчезает оппозиция смысловых глаголов suchen / finden при употреблении ИС с глагольным компонентом finden (Anwendung finden).

Отсутствие оппозиций компонентов в ИС свидетельствует о том, что не каждый глагольный компонент может подвергнуться десемантизации и приобрести способность к функционированию с Nomen actionis.

При рассмотрении десемантизации глагольного компонента в ИС с интегрированным компонентом, обозначающим фазисный характер действия, вполне уместна параллель с явлением семантической редукции, имеющей место в богатой языковой действительности.

А.А. Реформатский [74] указывает на редукцию «качественности» у качественных слов, если они становятся ингредиентами составных терминов («белый гриб», «сухой паек»). Качественные слова в таких образованиях не имеют степеней сравнения и не употребляются в краткой форме.

Семантические изменения компонентов структуры ведут к изменениям грамматического характера, что подтверждается наличием в языке ИС, служащих для выражения грамматических признаков, характера протекания действия, каузации.

Структуры, обнаруживающие семантические изменения компонентов, приобретают свои признаки, «мерисмы» – по аналогии с названием мерисматического уровня Бенвениста [74] –, обозначающие характер протекания действия, каузацию.

Если та или иная ИС сопровождается рядом признаков, мерисмов, то ее существование и принадлежность к определенному уровню является бесспорным.

То обстоятельство, что ИС приобретают определенные грамматические мерисмы, делает их объектом исследования грамматики.

Процессы десемантизации и наличие грамматических мерисмов в исследуемых ИС способствуют возникновению сферы неразложимых структур.

§ 4. Интегрированные структуры с модальным компонентом значения

К структурам с десемантизированным компонентом следует отнести также образования с глаголами haben, sein + zu + инфинитив, т.к.

глагольные компоненты haben и sein теряют свое лексическое значение и превращаются в структурные элементы модели.

В современной лингвистической литературе им отводится периферийное положение на границе двух полей — модальности и залоговости [62].

Интеграция составляющих данные структуры компонентов приводит к возникновению в них интегрированного компонента модальности. Интегративные процессы в данных структурах способствуют возникновению в них грамматического идиоматизма, поскольку значение модальности не вытекает из грамматического значения компонентов.

Возникающий в данных образованиях интегрированный компонент репрезентирует, в основном, модальность необходимости, но не исключается и модальность возможности.

Однозначной интерпретации интегрированного компонента данной структуры способствует ее функционирование в предложении, ее контекст.

Контекстуальная обусловленность ИС sein + zu + инфинитив способна придавать ей несколько значений.

Отрицания, интегрируясь с компонентами структуры, способствуют возникновению в структуре интегрированного компонента модальности возможности, которая синонимична в перифрастической конструкции с модальным глаголом können, ср.:

Er war kaum zu halten. = Er konnte kaum gehalten werden.

Интеграция компонентов структуры с наречиями типа: unbedingt, sofort, ohne Aufschub, alsbald, notwendig способствует возникновению в конструкции значения предписания, приказа, требования, ср.:

Das erste Bad ist unbedingt heute zu nehmen.

Nach dem Wohnungsbaugesetzt sind die Familienheimaufträge ohne Aufschub zu bearbeiten.

Процессы интеграции составляющих структуру компонентов в структуре haben + zu + инфинитив способствуют формированию в ней интегрированного компонента модальности необходимости, которая синонимична с глаголом müssen, ср.:

Er hat noch zu arbeiten. – Er muß noch arbeiten.

Wir haben noch eine Stunde zu fahren. – Wir müssen noch eine Stunde fahren.

Du hast zu gehorchen. – Du mußt gehorchen.

Компоненты данной структуры способны интегрироваться с отрицанием nichts (Ich habe dir nichts zu verzeihen.). Возникающий модальный интегрированный компонент может быть эксплицирован в структуре с глагольным компонентом brauchen в его модальном значении с ярко выраженной тенденцией к функционированию с отрицанием (Ich brauche dir nichts zu verzeihen.).

Интегрированный компонент модальности присущ целому ряду структур в современном немецком языке с различными глаголами в сочетании с инфинитивом, так, глаголы: bleiben, stehen, gehen, интегрируясь с инфинитивом с zu, формируют модальный компонент. Его нали-

чие подтверждается перифразами с модальным интегрированным компонентом необходимости или возможности, ср.:

Das Ergebnis bleibt abzuwarten. = Das Ergebnis muß abgewartet werden.

Am Dienstag standen nun aber gleich beide Publikumsmagneten zu erwarten = konnten (mußten) erwartet werden.

Модальный интегрированный компонент формируется также в структуре, состоящей из глагольного компонента schicken + инфинитив, ср.:

Sie schickte das Kind Brot kaufen. = Sie hieß das Kind Brot kaufen.

В данном высказывании глагол heißen функционирует в значении „befehlen". (Wer hat dich geheißen, das zu tun?)

Модальный статус признается также за конструкцией, состоящей из глагола heißen + инфинитив. Da heißt es aufpassen. = Da gilt es aufzupassen.

В современном немецком языке функционируют модальные конструкции с глагольными компонентами gelten, wissen, сочетанием es gibt, которые интегрируются с инфинитивом с zu, ср.:

Dieser Bewegung gilt es zu vollem Erfolg zu verhelfen. (ND).

So stützte er ihn wohl, wenn es einen kleinen Wiesenhang zu erklettern galt. (Th. Mann.)

Er hat gewußt, das Leben zu genießen.

Was gibt es hier zu erzählen?

ИС с es gibt предполагает облигаторность компонентов viel, etwas, nichts (Es gibt hier viel (etwas, nichts) zu sehen.).

Интегрированный компонент модальности в данной структуре роднит ее со структурами типа sein + zu + инфинитив и lassen + sich + инфинитив, ср.:

Es gibt hier viel zu sehen. = Es ist hier viel zu sehen. = Es läßt sich hier viel sehen.

Некоторые модальные ИС с одним и тем же глагольным компонентом могут иметь различно оформленную смысловую часть. Так, глагольный компонент gehören может интегрироваться с партиципом II смыслового глагола (gehört, eingesperrt) или же с предложной группой имени существительного (ins Bett gehören), ср.:

Dieser Kerl gehört eingesperrt = soll eingesperrt werden.

Die Kinder gehören abends um 9 Unr ins Bett. = Die Kinder sollen um 9 Uhr im Bett sein.

Весьма различно оформленной предстает смысловая часть ИС, являющейся результатом интеграции глагола glauben и инфинитива с zu (Ich glaube Sie zu verstehen); glauben и партиципа II (Man glaubt in eine andere Welt versetzt.); glauben и прилагательного (Ich glaube dich schon gesund.); glauben и предложной группы (Man glaubt am Ziele.).

Глава V

ПРЕДЛОЖНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В АКТЕ КОММУНИКАЦИИ

§ 1. Интерпретация предложных субстантивных ИС в синтаксических концепциях зарубежных и отечественных языковедов

Наряду с ИС, состоящих из полнозначных компонентов, и ИС, содержащих десемантизированный компонент, функционируют в современном немецком языке ИС, имеющие в своем составе полнозначное и служебное слово.

В лингвистической литературе нет единства в понимании данного типа сочетаний. В ряде синтаксических концепций сочетания предлога с именем существительным не отграничиваются от словосочетания. Термин „Wortgruppe" в синтаксических исследованиях О. Бехагеля [108] объединяет подчинительные словосочетания и сочинительные ряды слов, а также соединения служебного и полнозначного слова (von Haus). Р. Блюмель [110] рассматривает как словосочетание группу имени существительного с предлогом (an die Arbeit). К числу словосочетаний В. Юнг относит соединения существительного с предлогом (auf dem Markt) [138].

Четкое разграничение словосочетаний и других соединений слов проводится в работе Н.И. Филичевой [84], которая именует сочетания предлога с именем существительным как предложные конструкции.

На разграничении выражений «сочетание слов» и «словосочетание» настаивает В.Н. Ярцева [105]. Рассматривая сочетание служебного и полнозначного слова, предлога и существительного, В.Н. Ярцева показывает их различия, которые состоят в том, что словосочетания всегда имеют структурную и смысловую целостность и выделяются на основе живых семантико-синтаксических связей, объединение предлога с именем существительным не имеет необходимой структурной завершенности, т.к. предлог выступает всегда как имеющий двустороннюю связь. Однако, на наш взгляд, такое разграничение не учитывает сходство сравниваемых единиц и их функционирование в акте коммуникации.

Некоторые дефиниции словосочетания, в частности В.А. Белошапковой [11], как непредикативного соединения на основе синтаксической связи слова с формой слова или формы слова с формой слова позволяют подвести под словосочетание любые синтаксически организованные сочетания слова с формой слова, не обладающих предикативностью. При таком подходе к словосочетанию им может оказаться и соединение предлога с именем существительным, т.к. предлог – это тоже слово (хотя и служебного назначения).

Дефиниция словосочетания, приводимая авторами академической грамматики русского языка, совершенно исключает возможность отне-

сения сочетаний предлога с именем существительным к словосочетаниям, т.к. она предполагает наличие в словосочетании полнозначных неслужебных слов. «Грамматические соединения внутри предложения, состоящие не менее чем из двух полнозначных (не служебных) слов, называются словосочетаниями.» [Грамматика русского языка. Т. I. 1952, с. 10.]

Специфика предложных субстантивных ИС заключается в том, что за предлогом закрепляется определенная роль указывать на синтаксические отношения составляющих структуру компонентов к другим словам.

Интегрируясь со знаменательными словами, предлоги способствуют возникновению ИС с соответствующими интегративными компонентами значения (пространственными, причинными, временными и др.).

Словосочетания и предложные субстантивные ИС обнаруживают не только различия, но и сходство. Отметим три фактора:

1. Подобно тому, как любое словосочетание полнозначных слов может быть представлено в виде формулы, отвлеченного образца, допускающего широкие возможности лексического наполнения («пить чай, кофе, квас, ситро» и т.п.), так и предложные субстантивные ИС обладают широким диапазоном лексического варьирования субстантивного компонента при одном предлоге («на столе, окне, стене, стенде, диване» и т.п.).

2. Помимо структурной схемы, допускающей широкие возможности лексического наполнения в речевых реализациях как словосочетаний, так и предложных субстантивных ИС, сопоставляемые единицы роднит и их предназначенность для построения предложения.

3. Способность словосочетаний и предложных субстантивных ИС выполнять синтаксические функции в зависимости от позиции, от окружения. Так, предложная субстантивная ИС «в библиотеку» в зависимости от глагола может выполнять в предложении обстоятельственную и объектную функцию, ср.: «приехать на завод», «пригласить в библиотеку», «превратить в библиотеку».

Предложные субстантивные ИС, выполняющие единую функцию на уровне предложения, способны развивать филиацию (связь) значений, которая обуславливается широтой значения предлога, так, ИС mit den Blumen, функционирующая со словом Mädchen (ein Mädchen mit den Blumen) может обозначать девушку, украшенную цветами, держащую цветы в руках, или продавщицу цветов. Только ситуация, при которой создается данное образование, может обеспечить правильное понимание значения этого синтаксического соединения [104].

Исследование филиации семантических отношений между каждой отдельной парой слов приводила исследователей русского языка к мысли о наличии различных синтаксических отношений в образованиях с одинаковым лексическим наполнением, ср.: Л.В. Щерба: «Когда я был маленьким, я не видел проявлений **любви отца**.» (дополнение) «**Любовь, отца** играет большую роль в воспитании.» (определение) [99].

Итак, перечисленные критерии: наличие структурной схемы, единый

акт мысли, способствующий возникновению дополнительных измерений в синтаксической структуре, но отсутствующий у отдельных слов, влияние контекста на филиацию значений и семантику отношений являются теми лингвистическими факторами, которые дают основание рассматривать предложные субстантивные словосочетания в системе традиционно интерпретируемых словосочетаний.

§ 2. Интегративные компоненты значения в предложных субстантивных структурах

Определив статус предложных субстантивных структур, их принадлежность к словосочетаниям в системе языка, можно перейти к их описанию с позиций синтаксической неразложимости / связанности и фразеологизации.

Традиционная синтаксическая концепция характеризует словосочетания как результат семантического распространения слова, применительно же к предложным словосочетаниям, точнее к предложным субстантивным словосочетаниям, синтаксическая теория должна исходить из необходимости функционального распространения слова. Именно для выполнения той или иной синтаксической функции слово сочетается с тем или иным предлогом, образуя ИС с фиксированным порядком слов, которые, интегрируясь, создают скрытые грамматические значения или отношения.

Под грамматическими значениями в данном случае понимаются отношения компонентов к референту. Такое понимание грамматического значения уже изложено в лингвистической литературе, в частности Н.Ю. Шведовой, которая интерпретирует грамматическое значение синтаксической конструкции как «заложенное в самом ее формальном устройстве отношение к референту», и далее, «референтами в синтаксисе служат мыслительные категории самого абстрактного плана: это или понятие о микроединицах бытия, т.е. о протекающих во времени элементарных «кусочках» действительности, или понятия об отдельных составляющих этих микроединиц, или, наконец, понятия о самых разнообразных связях и отношениях» [94]. Такое понимание грамматического значения синтаксической конструкции, связанное с мыслительными категориями абстрактного плана, позволяет рассматривать предложные ИС как носителей скрытых грамматических значений. Так, ИС с конкретным существительным auf dem Tisch является функционально неразложимой. Она репрезентирует заложенное в ее формальном устройстве грамматическое значение локальности.

В предложных субстантивных ИС могут формироваться различные интегрированные компоненты значения в зависимости от лексических значений полнозначных компонентов и интегративных процессов, происходящих в данных структурах.

Не исключается возможность, что в предложных субстантивных ИС с одним и тем же предлогом могут возникнуть различные интегриро-

ванные компоненты, что обусловливается лексическим значением полнозначных компонентов.

Весьма многогранен интегрированный компонент в ИС с предлогом bei. Семантически он может быть пространственным, временным, причинным, уступительным.

Предложные субстантивные ИС с предлогом bei, формирующие пространственный интегрированный компонент, обычно обозначают близость, соприкосновение с чем-либо (bei Berlin wohnen).

ИС с предлогом bei могут обозначать момент совершения действия или же выражать определенные временные отрезки, в течение которых совершается действие (bei der Ankunft des Zuges, bei Beginn der Vorstellung, bei Eintritt der Dämmerung, bei Tag und Nacht).

Причинный интегрированный компонент содержит предложная субстантивная ИС bei solcher Hitze (bei solcher Hitze bleiben wir zu Hause).

В предложной субстантивной ИС bei aller Freundschaft имплицирован уступительный интегрированный компонент.

Условие имплицировано в предложной субстантивной ИС bei Glatteis (bei Glatteis muß gestreut werden).

Количество значений субстантивных ИС с предлогом bei может быть существенно увеличено за счет обозначений области деятельности, места пребывания, различных сопровождающих обстоятельств, ср.:

bei einer Firma arbeiten, angestellt sein;

bei seiner Mutter wohnen;

sich bei einem Glas Bier unterhalten;

bei guter Laune sein;

bei Nebel fahren.

Безграничное количество комбинаций компонентов в данных ИС объясняется способностью предлога bei интегрироваться с различного рода существительными, от лексического наполнения которых зависит формирование различного вида интегрированных компонентов.

Субстантивные ИС с предлогом unter являются носителями пространственных, временных и количественных значений. ИС с предлогом unter обозначают положение в пространстве (unter dem Tisch liegen, unter der Dusche stehen).

Некоторые субстантивные ИС с предлогом unter содержат обозначения направлений в пространстве: den Schemel unter den Tisch schieben. Предложная субстантивная ИС unter Mittag обозначает время совершения действия: unter Mittag (während der Mittagszeit) einkaufen.

Предложные субстантивные ИС с количественным интегрированным компонентом могут обозначать недостигнутый до определенных лет возраст или недостигнутую в численном отношении сумму: Kinder unter 10 Jahren. Der Preis liegt unter 100 Mark.

Подобно предложным субстантивным ИС с предлогом unter пространственными, временными и количественными значениями обладают ИС с предлогом zwischen. Предложные субстантивные ИС с пространственным интегрированным компонентом содержат обозначения в пространстве и направления в нем, ср.:

Der Garten liegt zwischen dem Haus und dem Wald.

Es wächst viel Unkraut zwischen den Weizen.

Sie pflanzt Salat zwischen die Tomaten.

Предложные субстантивные ИС с временным интегрированным компонентом обозначают определенный промежуток времени: Sie ist zwischen 30 und 40 (Jahre alt).

Интегрированный количественный компонент формируется в предложных субстантивных ИС, содержащих сравниваемые величины:

Die Bäume sind zwischen 15 und 20 Meter hoch.

Объединяемые предлогом zwischen, сравниваемые величины могут быть охарактеризованы с точки зрения отношений между ними (дружественные, враждебные и т.п.):

Zwischen beiden Staaten herrscht bittere Freundschaft.

Среди многочисленных ИС следует выделить предложные субстантивные ИС с als, которые содержат имплицитный семантический компонент, обозначающий роль, функцию того или иного лица (als Arzt, als Lehrer, als Verwalter). Имплицитный семантический компонент данных ИС свидетельствует о том, что они представляют собой стяженные структуры, которые могут быть развернуты в структуры, состоящие из основной части, репрезентированной именами существительными Rolle, Aufgabe, Funktion, и атрибутивной части с именем существительным, обозначающим эту роль, ср.:

als Lehrer – die Aufgabe als Lehrer, als Verwalter – die Stellung als Verwalter.

Структуры с имплицитным семантическим компонентом, обозначающим роль, функцию, положение того или иного лица в обществе, могут иметь различное лексическое наполнение, ср.:

... so herzensgut er ist, ein Biedermann, ein wirklich braver Mensch, ... Was seine Eigenschaften als Arzt betrifft, so halte ich nicht grade große Stücke auf ihn. (Th. Mann).

Mein seliger Mann hat in seinen letztwilligen Verfügungen den Wunsch ausgesprochen, Sie möchten nach seinem Heimgang Ihre treue bewährte Kraft nicht länger als fremden Mitarbeiter sondern als Teilnehmer in den Dienst der Firma stellen. (Th. Mann.)

Предложно-субстантивные ИС с als способны имплицировать темпоральный интегрированный компонент, который синонимичен перифразе, ср.:

Sie hat als Mädchen davon geträumt. – Sie hat in ihrer Mädchenzeit davon geträumt.

Не исключена возможность имплицирования данными ИС с als целевого интегрированного компонента, ср.:

Das soll mir als Warnung dienen. – Das soll mir zur Warnung dienen.

ИС с als, содержащие в своем составе абстрактные имена существительные, способны имплицировать значение, свойственное ограничительно-констатирующему компоненту значения nur. Такие явления имплицирования прослеживаются в определенных ИС с наличием в них различного рода отрицаний nichts, kein, ср.:

Darin gab es nichts als Stöße von Weidenkörben, die angefault rochen und unbenutzt. (A. Seghers.)

nichts als Stöße = nur Stöße

Es ist nichts als Unsinn (= nur Unsinn), als Liebe (= nur Liebe).

Весьма продуктивны в современном немецком языке предложно-субстантивные ИС с атрибутивным компонентом значения. Такие ИС включают в себя все имена существительные, обозначающие части человеческого тела (Gesicht, Kopf, Arm, Fuß, Knie и т.п.), которые функционируют с атрибутивным компонентом, являющимся коммуникативно нагруженным. Элиминирование атрибутивного компонента ведет к аграмматичности предложения, ср.:

Er hätte sein Vater sein können, während der richtige gleichaltrig mit ihm war, ein frischer Bursche **mit glattem, frischem Gesicht**, während der hier so eine platte, flache Fratze hatte **mit dicker Nase und aufgeworfenem Mund**. (A. Seghers.)

*ein frischer Bursche mit Gesicht.

*mit Nase und Mund.

Как показывает лингвистический эксперимент на элиминирование коммуникативно нагруженного атрибутивного компонента, во всех случаях возникают аграмматичные предложения. Это служит доказательством того, что атрибутивный компонент является неотъемлемым конструктивным элементом синтаксически связанных структур, которые могут члениться только формально, а с точки зрения коммуникативной грамматики они предстают синтаксически неразложимыми.

Помимо обозначения частей тела в синтаксически связанных структурах могут функционировать имена существительные, обозначающие действия, производимые тем или иным органом человеческого организма (Augen – Blick, Hals – Stimmbänder; Stimme – Ruf; Gesicht – Miene), ср.:

Dabei sieht er ihn an mit einem merkwürdig listigen Blick. (A. Seghers.)
*Dabei sieht er ihn an mit einem Blick.

В составе синтаксически связанных структур с качественным интегрированным компонентом функционируют не только имена существительные, обозначающие части человеческого организма, но и имена существительные, обозначающие явления природы.

Довольно часто функционируют в современном немецком языке предложные структуры с коммуникативно нагруженным атрибутивным компонентом при имени существительном Himmel (unter dem blauen Himmel liegen), ср.:

Georg lag draußen unter **dem graublauen Himmel** in einer Ackerfurche. (A. Seghers.) *Georg lag draußen unter dem Himmel in einer Ackerfurche.

Die gelben und die grünen [Äcker] erglänzten gewitterhaft in dem späten Licht, das unter **dem schwarzen Himmel** hervor schräge über sie schlich. (H. Mann.)

Свернутый характер синтаксических предложных субстантивных структур широко представлен в современном немецком языке не только в синтаксически связанных структурах, т.е. не только в структурах

с атрибутивным компонентом, а и в синтаксически неразложимых структурах (vor Sonnenaufgang, aus Traurigkeit), которые являются носителями различных интегрированных компонентов.

Возникновение интегрированного компонента в такого рода структурах связано с действием в них грамматического идиоматизма, поскольку грамматические значения в подобных структурах выводятся не из грамматических значений, составляющих их компонентов, а из их лексической семантики. Эти структуры представляют собой результат синтаксической компрессии, являются свернутыми структурами и могут быть развернуты в соответствующие синтаксические структуры, которые эксплицируют их интегрированный компонент.

Так, ИС vor Sonnenaufgang развертывается в темпоральное придаточное предложение, эксплицируя ее темпоральный интегрированный компонент, ср.:

vor Sonnenaufgang = bevor die Sonne aufgegangen war

Предложное субстантивное ИС aus Traurigkeit может быть развернуто в каузальное придаточное предложение, обнаруживая каузальный интегрированный компонент, ср.:

Er tut das aus Traurigkeit. = Er tut das, weil er traurig ist.

Интегрированный компонент темпоральности и каузальности обнаруживается в структурах с различными предлогами и различной лексической заполняемостью субстантивных компонентов, ср.:

mit 20 Jahren = als er 20 Jahre alt war

Sobald ich frei war, schon mit 20 Jahren, zog ich mich in die Einsamkeit des Reiselebens zurück. (H. Mann.)

beim Bergsteigen = als ich auf den Berg stieg

Beim Bergsteigen habe ich mir den Fuß verstaucht.

im Schlafe = als ich geschlafen habe

Скрытый интегрированный компонент условности содержится в ИС с предлогом ohne, ср.:

Ohne ihre Hilfe hätte ich die Arbeit nicht so schnell abschließen können. = = Wenn sie mir nicht geholfen hätten, hätte ich die Arbeit nicht so schnell abschließen können.

Ohne den Einschub eines Schalttages geriete die Zeitrechnung in Unordnung. = Wenn kein Schalttag eingeschoben wurde, geriete die Zeitrechnung in Unordnung.

В некоторых синтаксических структурах с одинаковым именем существительным, но с разными предлогами содержится один и тот же интегрированный компонент. Так, синтаксическое образование с именем существительным Verzweiflung с различными предлогами aus, in, vor имплицирует интегрированный компонент причинности, ср.:

Er tat das aus, in, vor Verzweiflung (weil er verzweifelt war).

Существительное Verzweiflung в сочетании с предлогом zu формирует целевой интегрированный компонент, ср.:

Es besteht kein Grund zur Verzweiflung (um zu verzweifeln).

Реализация коммуникативного эффекта в предложении достигается семантическим согласованием синтаксической предложной структуры

с соответствующим глаголом. Так, компонент Furcht способен интегрироваться с различными предлогами aus, in, vor, mit, но функционирует с соответствующими глаголами, ср.:

Aus Furcht vor Strafe ist er davongelaufen.

Er lebte in ständiger Furcht.

Er zitterte vor Furcht.

Aber Lola spähte von der Schwelle mit Furcht durch die Kabine, die einem Schacht glich. (H. Mann.)

§ 3. Референтный потенциал предложных субстантивных ИС и их роль в акте коммуникации

В некоторых случаях одна и та же предложно-субстантивная ИС функционирует с различными глагольными компонентами, т.е. является синтагматически обусловленной (auf dem Rücken liegen, auf dem Rücken eines Pferdes sitzen).

В свете референтативной теории данное явление представляет особый интерес, так как оно отражает связь языка с миром, с тем, о чем идет речь, и представляет собой корреляцию значимых языковых компонентов с различными фрагментами действительности. Вполне правомерно разграничение основоположником референтативной теории Г. Фреге референции или детонации знака и его смысла или понятия, как способа указания на референт [86]. Конкретизацию референтативной теории находим у В.В. Петрова [68], который считает, что «референтативная теория значения предполагает, что язык в целом применяется для обсуждения вещей вне (а также внутри) его. Пригодность какого-либо выражения в соответствии с этими целями использования языка и определяет то значение, которым оно обладает. При этом конкретная форма определения значения в референтативной теории опирается на чрезвычайно упрощенное представление связи языка и реальности. . . .Понимание ее (этой связи) чрезвычайно усложнится, если мы примем во внимание конкретную речевую ситуацию, в которой только и может быть использовано языковое выражение» [68, с. 20].

Если сравнить два высказывания, в которых функционируют одинаковые предложные синтаксические образования: Er lag auf dem Rücken и Er saß auf dem Rücken eines Pferdes, то можно констатировать идентичность их формы только внутри языка. Что же касается их корреляции с фрагментом действительности, то она различается характером положения человека в пространстве: горизонтальным и вертикальным, которое детерминируется конкретной речевой ситуацией.

Различный коммуникативный эффект приведенных выше высказываний обусловливается различными в них связями языка и действительности, что приводит к появлению в синтаксических предложных структурах различных интегрированных компонентов, обозначающих состояние и локальность.

Предложные синтаксические структуры с именным компонентом,

обозначающим части тела человека, предстают в современном немецком языке ситуативно нагруженными. Их интегрированный компонент, отражая соотнесенность с действительностью, может быть ориентирован на выражение физиологического или психического состояния того или иного лица или его признаков, ср.:

Er versuchte, wie es sei, wenn man bei Tische zusammengesunken, mit schlaffem Rücken dasäße, und fand, daß es eine große Erleichterung für die Beckenmuskeln bedeute. (Th. Mann.)

ИС mit schlaffem Rücken с глагольным компонентом dasitzen, являясь синтагматически обусловленным образованием, отражает ситуацию, связанную с физиологическим состоянием человека, что вытекает из посттекста (daß es eine große Erleichterung für die Beckenmuskeln bedeute).

Ситуативно нагруженный интегрированный компонент обнаруживается в синтаксических структурах с рядом глаголов, наиболее употребительными являются liegen, stehen, sitzen, lachen, ср.:

Aber auf Nummer 50 lag Frau von Mallinckrodt, Natalie mit Vornamen, mit schwarzen Augen und goldenen Ringen in den Ohren, kokett putzsüchtig und dabei ein weibliches Lazarus und Hiob, von Gott mit jederlei Bresthaftigkeit geschlagen. (Th. Mann.)

ИС mit schwarzen Augen und goldenen Ringen in den Ohren liegen настолько ситуативно нагружена, что в ее интегрированном компоненте отражается характеризующая направленность двух видов: то, что дано от природы (mit schwarzen Augen) и то, что приобретено в процессе жизни (goldene Ringe in den Ohren). Такие ситуативно нагруженные ИС прекрасно иллюстрируют феномен языка как средства коммуникации, который проявляется во взаимодействии и синтезе двух разнородных сущностей: одна из них – отражение действительности в сознании человека с его внутренним миром, т.е. идеальное, которое «есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [2, с. 21], другая – звучащая материя, наделенная человеком способностью выражать все то, что имеет место, случается или происходит в мире, а в равной степени – едва уловимые акценты и тончайшие нюансы всех событий.

Весьма нюансированным предстает интегрированный компонент в синтаксических образованиях с глагольным компонентом liegen в следующем высказывании:

Besser aber gefiel es allen beiden bei Anton Karlowitsch Ferge aus Petersburg, der mit seinem großen gutmütigen Schnurrbart und seinem ebenfalls mit gutmütigen Ausdruck vorragenden Kehlkopf im Bette lag... (Th. Mann.)

Отличительная черта характера действующего лица передается в интегрированном компоненте предложных ИС необычной сочетаемостью прилагательного gutmütig с именными компонентами Schnurrbart и Kehlkopf, что обусловливает необычную корреляцию языка и действительности, а это в свою очередь создает большую ситуативную нагруженность указанных синтаксических образований.

Подобно слову, данные синтаксические структуры обладают референтным потенциалом, т.е. способностью указания на мир, неся опре-

деленную информацию о нем, которая раскрывается специфической сочетаемостью компонентов синтаксической структуры, выражающей новые свойства, вычленяемые сознанием во внеязыковом ряду.

Референтный потенциал синтаксических структур — это такое же существенное и неотъемлемое их свойство, как и свойство словесных значений хранить информацию о «кусочках» действительности.

Синтаксическая отруктура mit zugedecktem Gesicht в высказывании:

Ich liege mit zugedecktem Gesicht, damit ich nichts sehe, und der Assistent hält mich rechts und die Oberin links. Es ist so, als ob ich gedrückt und gequetscht würde. (Th. Mann.)

несет определенную информацию о проведении операции, что вытекает из посттекста данного высказывания (damit ich nichts sehe, und der Assistent hält mich rechts und die Oberin links).

Высоким референтным потенциалом обладает предложная синтаксическая структура mit weißen Zähnen (lachen), которая несет информацию о манере смеяться и о цвете зубов, ср.:

Sie lachte mit weißen Zähnen. (Th. Mann.)

Предложная субстантивная структура mit Zähnen может функционировать и без атрибутивного компонента, но в таком случае она выполняет другие коммуникативные задачи и образует другую синтагматическую цепь: (mit den Zähnen aufbeißen, mit den Zähnen knirschen, mit den Zähnen klappern, mit den Zähnen den Knoten anziehen), ср.:

Er wälzte sich auf den Rücken, wie er mit den Zähnen den frischen Knoten anzog. (A. Seghers.)

Интегрированный компонент в предложных синтаксических структурах может иметь несколько параметров и нести разностороннюю информацию о действующем лице. Так, ИС mit ihrem großen ältlichen Gesicht в высказывании:

Auch sie konnte nicht umhin ihm mit ihrem großen ältlichen Gesicht lächelnd und ermuternd zuzunicken. (Th. Mann.)

несет информацию о размере лица и о возрасте (groß, ältlich).

Интегрированный компонент синтаксических структур способен нести информацию о чертах лица, характере или о манерах человека, ср.:

Und sie ließ nicht ab, ihm in das Gesicht zu blicken, aber immer mit etwas beiseite gehenden Augen. (Th. Mann.)

Er stellte mit einem Seitenblick fest, daß Frau Chauchat sich nicht um ihn kümmerte, und stand in typischer Haltung am Lager, auf einem Beine ruhend, die Hände auf dem Unterleibe zusammengelegt, mit schräg geneigtem Kopf, in ehrerbietig sinnender Betrachtung. (Th. Mann.)

Es war ein knochiger Mann, wohl 3 Kopfe höher als Dr. Krokowski, schon ganz weiß auf dem Kopf, mit heraustretendem Genick, großen, vorquellenden und blutunterlaufenden blauen Augen, in denen Tränen schwammen, einer aufgeworfenen Nase und kurzgeschnittenem Schnurrbärtchen, das schief gezogen war. (Th. Mann.)

Анализ предложных субстантивных ИС в современном немецком языке как материальных средств языка, способных отражать отноше-

ние между миром языка, их высокий референтный потенциал свидетельствует об их весомой роли в процессе коммуникации. Их способность нести информацию об окружающей действительности подтверждает мысль исследователей, утверждающих, что «система материальных средств языка, начиная от фонемы и ее конкретных и реальных манифестаций, кончая сложными синтаксическими конструкциями, возникла и сформировалась в процессе употребления языка как средства общения» [76, с. 9–10].

Глава VI

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА УРОВНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 1. Интеграция и информация на уровне простого предложения

Интегративные процессы пронизывают всю языковую действительность. Способность структурных единиц языка к интеграции связана с их пригодностью служить средством обозначения того, что мыслится в предложении как отдельный элемент обозначаемого в нем события, факта, состояния.

Обладая речевым статусом, предложение отображает то, что имеет место, случается или происходит в мире «в прагматическом соотношении компонентов «я – сейчас – здесь» [79, с. 136–142].

В основе всех грамматических аспектов предложения лежат интегративные процессы, которые предполагают взаимодействие составляющих предложение компонентов для возникновения того или иного коммуникативного эффекта.

Возникновению в предложении предикативности способствует интеграция подлежащего и сказуемого, грамматическое оформление предложения создается интеграцией всех компонентов, расположенных соответственно действующим правилам. Синтаксические категории представляют собой результат взаимодействия всех компонентов предложения.

Роль перекодирующего устройства, обеспечивающего переход от конвенционально закрепленной в значениях слов информации об элементах действительности к информации о протекающих в окружающей действительности событиях, об имеющих в ней место состояниях или фактах выполняет «категория сочетания слов, которая вводит в языковое построение семантическое и формальное согласование слов, а кроме того – еще и смысловое согласование» [80, с. 72]. При смысловом согласовании возникают некоторые дополнительные измерения, некоторое смысловое приращение к целому, возникающее за счет взаимодействия значений, актуализированных применительно к обозначаемым в конструкции связям. С этой точки зрения правомерно утверждение, что любое сочетание слов представляет собой «не сумму смыслов, а но-

вые смыслы». «... Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы, – правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно отлично известные всем хорошим стилистам» (Л.В. Щерба) [100, с. 24].

При формировании смысла высказывания мысль движется, по мнению некоторых исследователей [6, с. 307–316], от коммуникативного замысла (в определенной ситуации речи) к номинации события, отображая его в том или ином ракурсе на основе выбранной структуры пропозиций и коммуникативной перспективы высказывания, формируя смысл предложения в процессе выбора и комбинации пригодных номинативных средств, каждое из которых вносит свой вклад в номинацию события, корректирует свое значение, которое предстает в результате этого как функция от смысла предложения. Тем самым в языке как бы запрограммированы возможности отклонения от регулярных правил интеграции. Эти отклонения могут быть выявлены только в составе коммуникативного целого. Асимметрия значения и формы, характерная для единиц языка, ставит исследователя перед необходимостью исходить при описании материала из такого статуса синтаксических структур, в котором наиболее ясно прослеживаются «пункты встречи семантических функций с первичными формами» [48, с. 250].

Асимметрия на уровне предложения обнаруживается между его формальной организацией и содержанием.

Современная синтаксическая наука ставит своей задачей исследование информативной стороны предложения. Это новое направление в изучении предложения породило понятие семантической структуры предложения.

Под семантической структурой предложения понимают обобщенное типовое информативное содержание, свойственное не одному отдельному предложению как единице речи, а обширному классу однородных предложений. Дефиниция данного феномена включает определенные свойства семантической структуры: 1) информативность; 2) обобщенность содержания; 3) формализованность организации предложения.

В некоторых дефинициях семантической структуры предложения подчеркивается ее связь с моделью предложения. Такая связь лежит в основе определения семантической структуры, приводимой чешским лингвистом Ф. Данешом, которому принадлежит идея выделения семантической структуры как особой стороны в строении предложения. «Семантическая структура предложения – это известное обобщение ... соответствующих лексических значений», или, говоря иными словами, семантическая структура предложения является синтаксической проекцией данных лексических значений» [118, с. 46].

В интерпретации Н.Ю. Шведовой семантическая структура предложения – это «его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла» [96, с. 461].

О.И. Москальская понимает под семантической структурой или

структурой смысла предложения «тот или иной стереотип структурирования мысли, выработавшийся на протяжении истории языка и мышления и, безусловно, принадлежащий к области речемыслительных универсалий» [61, с. 37].

Такое понимание семантической структуры предложения связано с пониманием самой структуры как строения, связи и взаимодействия элементов, которое интерпретируется некоторыми исследователями как интеграция частей [133].

Широко применяемая в настоящее время денотативная или референтативная концепция, ставящая своей целью определить отношение между высказыванием и обозначаемой им экстралингвистической ситуацией, позволяет вскрыть содержащиеся в предложении интегративные компоненты.

Некоторые исследователи (Э. Кошмидер, С.Д. Кацнельсон), опираясь на денотативную теорию, сосредоточили свои наблюдения на выявлении скрытых грамматических категорий и тем самым положили начало рассмотрения вопроса неразложимости языковых структур, именуемых предложениями. При обсуждении вопроса о неразложимости на уровне предложения целесообразно различать два понятия: неразложимость предложения и его членимость. Неразложимость предложения ассоциируется с возникновением в предложении интегративных компонентов значения (модальности, утверждения, отрицания и др.), т.е. синтаксических категорий, которые возникают на уровне предложения и не соответствуют его грамматической организации (вербально не выражены). Так, в предложении Es wäre alles. употреблен конъюнктив, но информация, заключенная в предложении соответствует реальному, действительному положению дел. Однако в таком предложении можно выделить подлежащее, сказуемое и объект, т.е. оно членимо.

На уровне простого предложения прослеживаются случаи несоответствия грамматической организации предложения и его информативного содержания в восклицательных и вопросительных предложениях. Репрезентированное в лексемном составе предложения отрицание не присутствует в информативном содержании предложения, ср.:

Was weiß er nicht alles. = Er weiß alles.

Kannst du mir nicht helfen? = Kannst du mir helfen?

Интегрированный компонент утверждения, характерный для этих предложений, следует, пожалуй, рассматривать не как дополнительное измерение, а как новое, которое актуализируется применительно к обозначаемым в конструкции связям и является творчеством акта коммуникации.

Отрицание nicht nur ... sondern auch, присутствующее в грамматической организации предложения, способно превращаться в свою противоположность — утверждение, носителем которого является интегрированный компонент утверждения, ср.:

Er kämpft nicht nur für den Frieden, sondern auch für den Sozialismus = = für den Frieden und für den Sozialismus.

В некоторых случаях представленное в лексемном составе предложе-

ния отрицание превращается в информативном содержании предложения в весьма осторожное утверждение. Подобное явление имеет место в тех случаях, когда отрицание nicht функционирует в сочетании с другими отрицаниями, ср.:

Er liest ein nicht uninteressantes Buch = ein ziemlich interessantes Buch.

Er hat die Aussprache nicht ohne Spannung verfolgt = mit Spannung.

Сема «отрицание», содержащаяся в системе значения глаголов leugnen, abraten, warnen, выявляется в предложениях, ср.:

Er riet ihm ab, die Stellung anzunehmen.

Er warnte ihn, auf Eis zu gehen.

Интегрированный компонент отрицания формируется в подобного типа предложениях за счет отрицательного значения соответствующих глаголов, отвлеченно-абстрактный характер которых создает условия для их переосмысления в соответствующих коммуникативных обстоятельствах. Референтный потенциал данных лексических единиц обнаруживает способность нести информацию о новом свойстве, вычленяемом сознанием во внеязыковом ряду.

Представленное в составе простого предложения отрицание не обнаруживается в информативном содержании утвердительного предложения, ср.:

Keine schlechte Idee! = Eine gute Idee!

Ich zweifle nicht daran, daß er kommt. = Ich meine, daß er kommt.

Аналогичные интегративные процессы, протекающие на уровне простого предложения, основаны на употреблении ирреальных форм конъюнктива, в информативном же содержании обнаруживается констатация конкретных, завершенных событий.

Предложения типа: Da wären wir. Das wäre erledigt. Es wäre alles. основаны на противоречиях субъективного ирреального чувства говорящего и объективно совершенных, констатируемых им фактов. Интегрированный компонент утверждения, констатации того или иного факта формируется взаимодействием составляющих структуру компонентов, выполняющих коммуникативное задание, состоящее в том, чтобы передать вежливость говорящего, что достигается своего рода ослаблением изложения фактического характера того или иного события.

В предложениях с конъюнктивом II, имеющих в лексемном составе отрицание, прослеживается определенная модификация информативного содержания предложения: претеритальные формы конъюнктива + отрицание называют событие объективной действительности, которое имело или имеет место, ср.:

Hätte ich das nicht gemacht! = Ich habe das gemacht.

Наиболее отчетливо это свойство претеритальных форм конъюнктива и отрицания прослеживается в предложениях с ирреальным условием и желанием, ср.:

Hätte sie mir es damals nicht gesagt.

Представленное в лексемном составе данного предложения отрицание, интегрируясь с конъюнктивом, создает положительное значение, формирует положительный интегрированный компонент («В действительности она мне это сказала.»).

Непредставленное в ирреальных условных предложениях отрицание находит свое выражение в смысле предложения в результате интегрирования языковых компонентов, ср.:

Wäre ich nur dort geblieben. = Ich bin dort nicht geblieben.

Носителем отрицательного содержания являются предложения с нереальным желанием, в которых не содержится вербально выраженного отрицания, ср.:

Wenn der Brief doch heute gekommen wäre. = Der Brief ist heute nicht gekommen.

Коммуникативный эффект высказываний с конъюнктивом II может и должен определяться ситуацией, в которой функционирует данное высказывание. В ситуации, выражающей сочувствие собеседнику, может функционировать утвердительное предложение с негативным содержанием, ср.:

Wer hätte das gedacht? – Niemand hat das gedacht / erwartet.

Такое высказывание употребительно в ситуации, когда получают известие о смерти своего друга.

На специфику гипотетического наклонения, связанную с его эволюцией (переходом прошедшего времени изъявительного наклонения к значению условности), указывал А.А. Потебня, который считал, что «основание перехода прошедшего времени изъявительного наклонения к значению условности ... (и к значениям вообще гипотетических наклонений) состоит в том, что как идеальные наклонения изображают события, существующие только в мысли, так и прошедшее может рассматриваться со своей негативной стороны как отрицание действительного присутствия (наличности явления), в том смысле, что, если явление было, то, стало быть, его уже нет» [**70**, с. 268].

Анализируя природу конъюнктива, выражающего ирреально-потенциальную модальность, некоторые лингвисты рассматривают отрицание события, выраженного претеритальными формами, как скрытую грамматическую категорию (Э. Кошмидер, С.Д. Кацнельсон). Сущность этого явления заключается в том, что не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах языка.

Э. Кошмидер говорит о категории подразумеваемого содержания, о понимании из контекста того, что не может быть выражено грамматической формой [**140**].

С.Д. Кацнельсон понимает под скрытой грамматикой «подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке. Как и все элементы мысли, они необходимо требуют языкового выражения, но выражаются они не прямо, не непосредственно, а окольным путем, при посредстве слов и словесного контекста». Скрытая грамматическая категория в понимании С.Д. Кацнельсона – «это область мыслительных отношений, область глубинных значений, в противоположность надстроечным» [**39**, с. 82–83].

В связи с таким пониманием возможности выражения мысли интеграцию конъюнктива с отрицанием можно рассматривать фактором,

способствующим выражению имеющего место в действительности события.

Это положение подтверждает давно существующее в лингвистике мнение, что два отрицания дают положительный результат. В данном случае отрицание, выраженное языковыми средствами, накладывается на скрытое отрицание, выраженное ирреальным конъюнктивом, что и создает положительный результат.

Предложения с ирреальным конъюнктивом являются наглядным подтверждением мысли о том, что во всяком высказывании следует различать два элемента: диктум, соответствующий представлению об описываемом событии, и модус, отражающий коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом [**10**, с. 44].

Проиллюстрированные расхождения в грамматической организации предложения и его информативном содержании на примере языковых структур, содержащих в своем составе конъюнктив, относятся к группе расхождений, охватывающих предложение в целом.

Наряду с расхождениями такого вида, связанными с интегративными процессами, возможны расхождения частичного характера в том или ином высказывании, связанные с несоответствиями в грамматической организации отдельных компонентов предложения и категориальных значений информативного содержания предложения (сдвиг подлежащего, неполнота его лексемного состава), ср.:

Der Wein rinnt. = Das Faß rinnt.

Die Stadt zählt 100000 Menschen.

Der Krug faßt 2 Liter.

Die Straßen sind schlecht. = Die Straßenverhältnisse sind schlecht.

Как видно из вышеизложенного, интегративные процессы на уровне простого предложения приводят к возникновению интегративного компонента, позитивного или негативного, в зависимости от взаимодействия наполняющих структуру компонентов.

Возникновение утвердительного или отрицательного интегративного компонента связано с явлением отрицания, которое, по мнению некоторых исследователей, представляет собой «явление далеко не периферийное», оно – важный фактор, ограничивающее и модифицирующее воздействие которого в той или иной степени имеет место на всех уровнях языковой структуры [**46**, с. 205].

Велика роль отрицания не только на всех уровнях языковой структуры, т.е. в системе языка, но и в процессе коммуникации, так как коммуникация немыслима без отрицательных высказываний, поэтому вполне обоснованно утверждение языковедов о том, что отрицание является основной когнитивно-коммуникативной операцией [**134**, с. 13].

Положительные или отрицательные интегрированные компоненты в тех или иных высказываниях раскрывают и подтверждают правильность тезиса об асимметрическом дуализме [**38**, с. 90], который является фундаментальным достижением современной синтаксической науки и лежит в основе изучения предложения как асимметрического знака, отдельные компоненты которого далеко не всегда симметрически соотносятся с отдельными компонентами его значения.

Рассмотренные выше противоречия между формальной и информативной стороной простого предложения обнаруживают своеобразную закономерность, которая конкретно репрезентируется следующим образом: ирреальная форма – реальное содержание, отрицательная форма – утвердительное содержание, позитивная форма – отрицательное содержание. Речь идет о вербально невыраженной информации, создаваемой определенным родом языковых структур с соответствующей формой и видом конъюнктива, обнаруживающего способность к созданию осложняющего семантического фона, содержащего в себе интегрированный компонент.

Основываясь на имеющихся исследованиях в этой области, целесообразно рассматривать интегрированные компоненты в соответствующих структурах как представителей, носителей такого информативного содержания, которое имплицируется грамматической организацией предложения (ирреальность–реальность, отрицание–утверждение, утверждение–отрицание).

Интегративные процессы, способствующие появлению в предложениях интегрированных компонентов, отражающих различные грамматические значения, прослеживаются не только на уровне простого предложения, но и на уровне сложного предложения.

§ 2. Интегративные компоненты значения на уровне сложного предложения

Выявление интегративных компонентов на уровне сложноподчиненных предложений может быть осуществлено на основании установления их специфики, обнаруживающейся при проведении параллели с простыми предложениями.

Основным критерием, различающим простое и сложное предложение, является предикативность. Это различие заключается в том, что простое предложение представляет собой монопредикативную структуру, в то время, как сложное предложение является полипредикативной структурой. Для простого предложения предикативность «составляет его грамматическое значение, для сложного предложения предикативность составляет качество его компонентов и является не значением сложного предложения, а элементом его структуры» [11, с. 166].

Грамматическое значение сложного предложения как синтетической единицы сводится к определенным смысловым отношениям между соединенными в его составе предикативными единицами.

Природа сложного предложения может быть объяснена с позиций синтаксической концепции, в которой различаются конструктивный и коммуникативный аспекты предложения и связанные с ними понятия предложения как предикативной конструкции, имеющей свою формальную и семантическую организацию, и как коммуникативной единицы.

Интегративные процессы на уровне сложного предложения отра-

жают те противоречия, которые возникают между его формальной и семантической организацией.

Особый интерес представляют собой сложноподчиненные предложения с точки зрения расхождений между формальной и смысловой организацией и происходящими в них интегративными процессами, приводящими к появлению в них интегративных компонентов, отражающих наличие или отсутствие отрицания.

Интегративный компонент с наличием или отсутствием отрицания формируется в сложном предложении смысловыми отношениями между предикативными единицами, имеющими или не имеющими отрицание в своем лексемном составе.

На основании того факта, что интегративные процессы в сложноподчиненных предложениях приводят к возникновению в них интегративных компонентов, являющихся носителями имплицитных категорий с наличием или отсутствием отрицания, сами сложноподчиненные предложения как синтаксические структуры могут рассматриваться как ИС, в которых интегрируемые составные части связаны синтаксической связью и соединены по определенным образцам, структурным схемам.

Установление имплицитных значений в сложноподчиненных предложениях представляется необходимым, так как любое речевое поведение является целенаправленным, хотя цели могут быть весьма различны. Соответствие или несоответствие между использованными средствами и желаемым эффектом, т.е. поставленной целью, составляют проблему, которая все больше и больше занимает умы ученых, исследующих различные типы речевой коммуникации.

Несомненно, что этот аспект находится в ведении лингвистики, которая призвана ответить на вопрос, какие элементы в процессе коммуникации словесно оформляются, а какие не находят словесного оформления [101].

На уровне сложного предложения в ирреальных условных предложениях коммуникативный эффект может быть достигнут в высказываниях, не содержащих вербально выраженного отрицания. Не находящее формального выражения в грамматической организации предложения отрицание содержится в информативном содержании предложения, ср.:

Wenn das Wetter schön gewesen wäre, wären wir spazierengegangen. = = Das Wetter ist nicht schön gewesen.

В некоторых ирреальных сравнительных предложениях объект сравнения является нереальным, а эталон отражает существующее в действительности событие. Информация воспринимается как истинная благодаря заключенному в семантике союза и конъюнктива скрытому отрицанию.

Интегративный отрицательный компонент может быть эксплицирован в ирреальных сравнительных предложениях, ср.:

Es war, als wäre der schreckliche Krieg längst vorüber. = Der Krieg war nicht vorüber.

Kaum eine Nacht verging, ohne daß der kleine Johann ein- oder zweimal emporfuhr und händeringend, mit allen Anzeichen der unerträglichsten Angst nach Hilfe oder Erbarmen rief, als stände er in Flammen, als wollte man ihn erwürgen, als geschähe etwas unsäglich Grauenhaftes ... (Th. Mann.) = Er stand in Flammen nicht, man wollte ihn nicht erwürgen, es geschah nichts unsäglich Grauenhaftes.

В ирреальных сравнительных предложениях может формироваться интегративный компонент интенсивности действия [158]. Реальный признак или действие, содержащееся в главном предложении, наделяется высокой степенью признака или действия благодаря ирреальному сравнению в придаточном предложении, ср.:

Sie arbeitete so sorgfältig, als ob sie sich in einer Prüfung befände.

Интегративный компонент интенсивности действия прослеживается также в сложноподчиненных предложениях с придаточным следствия, ср.:

Es war so kalt, daß ich mit den Zähnen klapperte.

Интегративный компонент интенсивности действия возникает на базе интегративного компонента отрицания, который формируется в придаточных предложениях, ср.:

Sie befand sich in der Prüfung nicht.

Ich klapperte mit den Zähnen nicht.

В сложноподчиненных предложениях с придаточным определительным формируется положительный интегративный компонент при условии наличия отрицания в составе предикативных единиц, ср.:

Es gibt keinen Menschen, der das nicht erfahren hätte. = Alle Menschen hatten das erfahren.

Es war wohl keiner im Zimmer, dem diese unweihnachtlichen Gedanken nicht im Sinne gelegen hätten. (Th. Mann.) = Allen hatten diese unweihnachtlichen Gedanken im Sinne gelegen.

Формирование отрицательного интегративного компонента в сложноподчиненных предложениях находится в зависимости от синтаксической связи предикативных единиц и от их структурной схемы. Формально не представленное отрицание в сложноподчиненных предложениях находит свое выражение в их информативном содержании и может быть эксплицировано в соответствующих отрицательных структурах, ср.:

Er arbeitet, anstatt daß er schläft. = Er schläft nicht.

Das Wetter war zu heiß, als daß man hätte arbeiten können. = Man konnte nicht arbeiten.

Некоторые сложноподчиненные предложения могут представлять собой фразеологические единицы, так как придаточное предложение является фразеологически связанным, ср.:

In der Versammlung war es so voll, daß kein Apfel zur Erde fallen konnte.

Er lügt, daß sich die Balken biegen.

§ 3. Интегративные структуры фразеологизированного типа

Наряду с фразеологизированными сложноподчиненными предложениями в современном немецком языке имеются простые предложения

фразеологизированного типа, которые представляют собой ИС с различными интегрированными компонентами (Es hagelt Gold. Es regnet Proteste.).

В данном случае речь идет о структурах, в которых прослеживается отход от регулярного употребления глагольного компонента. ИС подобного рода представляют собой чистый вид фразеологизированных структур, собственно фразеологизмы, в которых создается интегрированный компонент, обозначающий большое количество предметов, явлений, процессов, выраженных именным компонентом ИС.

Сопоставление регулярного употребления глагола hageln с его нерегулярным употреблением во фразеологизированных ИС свидетельствует о возникновении своеобразной шкалы, на которой преобладает наличие огромного количества тех или иных предметов в широком смысле слова, ср.:

Es hagelt. = Es fällt Hagel.

Bomben hagelten auf die Stellungen = prasselten auf sie nieder.

Es hagelte Hiebe. = Es gab viele Hiebe.

Es hagelte Proteste. = Es gab viele Proteste.

Es hagelte Steine. = Es gab viele Steine.

Эксплицированные интегративные компоненты со значением огромного множества тех или иных предметов свидетельствуют о нерегулярном употреблении глагола hageln, который, интегрируясь с именным компонентом, формирует соответствующий компонент данной структуры.

ИС с интегративным компонентом, обозначающим большое количество предметов, лексически ограничены. Они, в основном, содержат глагольный компонент, обозначающий явления природы (hageln, regnen, schneien).

Эксплицированные интегративные компоненты, раскрывающие информативное содержание данных ИС с глагольным компонентом regnen, обнаруживают его отход от регулярного употребления, ср.:

Es regnet. = Es fällt Regen.

Es regnete Proteste. = Es gab viele Proteste.

Es regnete Vorwürfe. = Es gab viele Vorwürfe.

Es schneit Dukaten. = Es gibt viele Dukaten.

Литературные иллюстрации подтверждают способность глагольных компонентов hageln и regnen сочетаться с различного рода именными компонентами, ср.:

Es hagelte plötzlich Steine. Denn das Volk, das sich sonst der Justiz ohne zu denken unterwirft, schafft sich in solchen Augenblicken aus eingeborenem Rechtsgefühl eigene Gesetze und bringt sie augenblicklich an Ort und Stelle in Anwendung. (B. Kellermann.)

Am Anfang gab es noch einzelne Zeitungen, die Allans Partei ergriffen. Aber es regnete Drohungen und nicht mißzuverstehende Winke in die Redaktion und was mehr: niemand kaufte diese Zeitungen mehr. (B. Kellermann.)

Die Luft war voll von Rauch und Qualm, dem Geschrei von Fabrikpfeifen, es regnete Ruß, und zuweilen brannte nachts der ganze Himmel lichterloh. (B. Kellermann.)

Am nächsten Ersten regnete es Kündigungen. (B. Kellermann.)

Tut man nur einen Schritt vors Haus, regnete gleich Probleme. (J. Wangenheim.)

Отход от регулярного употребления глагольного компонента обнаруживают не только компоненты hageln. regnen, но и глагольный компонент gelten, функционирующий в ИС с интегративным компонентом модальности.

Помимо регулярного употребления глагольного компонента gelten в значении „etwas ist gültig" он способен интегрироваться с инфинитивом с zu смыслового глагола, создавая интегративный компонент модальности со значением „es kommt auf etwas an", ср.:

Jetzt gilt es, standhaft zu sein.

Nun gilt es, Zeit zu gewinnen.

Die Grundeinheiten aller Sprachen sind Satz und Wort – zwei korrelative Momente im Aufbau der Rede, deren Gestalt und Leistung im neueren Deutsch es zu beschreiben gilt. (J. Erben.)

Частной ИС, в которой наблюдается отход от регулярного употребления глагола haben, является ИС du hast gut reden. Сложное взаимодействие синтаксического и семантического в данной ИС, своеобразные интегративные процессы приводят к созданию в подобных структурах модального интегративного компонента с оценочным характером. Такие ИС выражают невозможность говорящего совершить действие, которое совершено лицом-подлежащим предложения.

Интегративные процессы, происходящие в такого рода структурах, создают компонент оценочного характера, но не ограничиваются рамками данной структуры, а простирают свое действие на формирование другой имплицитной структуры, заключающей в своем значении противоположное мнение.

Принимая во внимание сложное взаимодействие компонентов данной ИС, следует указать на различие сопряжения семантических компонентов в исследуемой структуре. В данных ИС различаются две линии соединения единиц: горизонтальная и вертикальная, одна раскрывает связь компонентов друг с другом, другая же свидетельствует о референциальном потенциале ИС.

Интегративные процессы прослеживаются также в предложениях с глагольным компонентом haben, который интегрирует с препозициональной группой и инфинитивом глаголов stehen, liegen, hängen, ср.:

Er hat ein Faß Wein in seinem Keller liegen.

Завершающий указанную ИС инфинитив находится в синтаксическом отношении на последнем месте и является обязательным структурным компонентом, в семантическом отношении он выступает конкретизирующим компонентом. Метод элиминирования лишает рассматриваемую ИС конкретизации, которую привносит глагольный компонент liegen. Конкретизирующая роль глагольного компонента liegen распространяется как на предмет, оформленный винительным падежом, так и на все предложение в целом, в информативном содержании которого

формируется интегративный компонент, обозначающий «иметь что-то, где-то в своем распоряжении».

Специфика данной структуры получила освещение в современной лингвистической литературе наряду с конструкцией, включающей глагольный компонент sein и инфинитив (Ich bin angeln.) [33, с. 3–8].

Интегративными процессами охвачены структуры с глагольным компонентом es gibt, известные в лингвистической литературе под названием «бытийных предложений». П. Гребе называет такие структуры Existenzialurteile [120]. О. Есперсен рассматривает обороты в английском языке there is, there are как «предложения бытия» existential sentenses [32, с. 176].

«Бытийными предложениями» считает В.Г. Адмони конструкции с es gibt [3, с. 113]. Данные структуры представляют собой также частный тип ИС, в которых наблюдается отход от регулярного употребления глагольного компонента geben в безличной конструкции es gibt, приближающийся по значению к глаголам existieren, sein, sich befinden.

Являясь переходным глаголом с обобщенной невещественной семантикой, глагол geben функционирует обычно с прямым дополнением в предложениях субъектно-объектной формы, ср.:

Der Vater **gibt** dem Kinde Geld für ein Buch.

Geben Sie mir bitte ein Pfund Butter.

Er **gab** der Dame den Arm, um sie zu Tisch zu führen.

Er **hat** das Paket zur Post **gegeben**.

Er **hat** mir darüber keine Aufklärung **gegeben**.

В предложениях с es gibt субъектно-объектная форма разрушается, винительный падеж не выполняет функции прямого дополнения, а является логическим субъектом предложения, обозначающим носителя состояния; интегративные процессы в данной структуре создают компонент существования субъекта (Es gibt neue Probleme.).

При наличии ИС с глагольным компонентом es gibt может создаваться интегрированный компонент состояния субъекта. Это положение хорошо иллюстрируется В.Г. Адмони на примере: In dem Winkel zwischen Mauer und Feldweg gab es einen Abfallhaufen, в котором сочетание es gab выражает факт существования субъекта, его пребывание в определенном состоянии и семантически соответствует глаголам sein, sich befinden, а конкретное содержание сказуемого выражено в обстоятельстве места (in dem Winkel zwischen Mauer und Feldweg) [3, с. 113].

Наряду с ИС, в которых наблюдается отход от регулярного употребления глагола и возникает ряд частных моделей ИС, рассмотренных выше, в современном немецком языке имеются ИС, обнаруживающие отход от регулярной структуры всего предложения (Ich ein Lügner?).

Конструкция Ich ein Lügner? проделала в лингвистической литературе своеобразную эволюцию, превратившись из «примитивной конструкции без глагола в личной форме» [67, с. 162] во фразеологизированную модель предложения [61, с. 90]

На раннем этапе исследования данная конструкция рассматривалась как особая разновидность выражения удивления, когда, «выражая

удивление или негодование, говорящий отвергает при этом какое-нибудь утверждение» [67, с. 162].

Позднее приведенная структура рассматривается с позиций грамматического идиоматизма, на основании которого выводится значение данной конструкции, не являющееся суммой значений ее компонентов.

Введение недостающих в этой структуре компонентов помогает вскрыть истинное ее значение. Глагольная связка sein и отрицательное местоимение kein создают структуру Ich bin kein Lügner., которая является носителем интегративного компонента отрицания. Отрицание в данном высказывании может быть заключено также в структуре Bin ich etwa ein Lügner?

Специфика такой ИС состоит также и в том, что она является носителем своеобразной вопросительно-восклицательной интонации: по форме эта ИС является вопросительной, а по функции – повествовательной.

Интеграция компонентов данной структуры с интонацией, обнаруживающей расхождение в формальном и функциональном планах, создает в ней не просто интегративный компонент с отрицанием, а со значением отрицания категорического предположения о том, что говорящий якобы лжец и что кто-то осмелился заподозрить говорящего во лжи [145, с. 283].

Интегративные процессы, происходящие в подобных структурах, способствуют возникновению двух видов неразложимости: структурной неразложимости – на уровне грамматической организации предложений и информативной неразложимости, содержащей интегративный компонент отрицания.

Интегративный компонент отрицания содержат также идиоматические структуры типа I wo! Ach wo!

Эти структуры находятся на периферии синтаксиса и являются несерийными образованиями, ибо они не образуются по моделям. Интегративный характер их структуры не подлежит никакому сомнению, так как они всегда функционируют в готовом виде с определенным грамматическим значением отрицания.

Полную противоположность данным ИС с интегративным компонентом отрицания являют собой ИС с интегративным компонентом утверждения (Und ob! Und wie! Und was für einer!).

Своеобразие структурных схем, идиоматизм грамматического значения способствуют возникновению неразложимости данных структур во всех отношениях, структурном, синтаксическом и информативном.

Отход от регулярной структуры всего предложения обнаруживается также в предложениях типа: Mach, daß du verschwindest. Интеграция постоянного компонента mach с союзом daß формирует интегративный компонент модели, которая содержит требование, просьбу, выражает побуждение.

Идиоматизм данных предложений проявляется в том, что сложное предложение транспонируется на уровень простого предложения, в чем и состоит отход от регулярной структуры всего предложения.

Специфика данной ИС с интегративным компонентом, содержащим

требование, просьбу, состоит в том, что ее переменная часть лексически ограничена: она способна заполняться преимущественно глаголами движения, ср.:

Mach, daß du fortkommst.

Mach, daß du verschwindest.

Не исключена возможность функционирования ИС данной модели и с другим лексическим наполнением, ср.:

Mach, daß du fertig wirst.

На уровень простого предложения транспонируются также придаточные предложения с союзом daß, которые в зависимости от лексического состава предложения, интонации и контекста способны формировать значения желания, упрека, сожаления, радости и др., ср.:

Eigentlich keine so schlechte Idee, Sir. Daß mir das nicht selbst eingefallen ist. Daß du mir wieder da bist.

Интегративные процессы данных структур имеют свое неограниченное действие, которое предполагает определенную последовательность компонентов структуры и ее транспонирование на уровень простого предложения.

С явлением транспозиции тесно соприкасаются случаи модификации функций компонентов структуры под влиянием ряда факторов. В лингвистической литературе процессы модификации функций, составляющих языковую структуру компонентов, известны под названием синтаксической трансформации [57].

На примере русского языка модификацию функций можно проиллюстрировать выражением «Барыш пополам!», где не только компонент «пополам» изменил свою обстоятельственную функцию на сказуемостную, но и компонент «барыш» подвергся функциональному переосмыслению. Пригласительная интонация в предложении «Барыш пополам!» является тем фактором, который дает основание принять за исходную форму предложение «Барыш делим пополам». При регулярном эллипсисе и разрыве парадигматических связей между исходной и производными структурами происходит переосмысление функций оставшихся членов: функция именного компонента («барыш») ассоциируется с функцией подлежащего, а обстоятельственная функция компонента («пополам») осознается как функция сказуемого.

И в современном немецком языке модификация функций в ряде предложений осуществляется под влиянием синтаксических факторов: интонации и / или порядка слов (Hände hoch!).

Постоянный разрыв парадигматических связей между формами Hände hochheben и Hände hoch! , регулярный эллипсис, повелительная интонация ведут к переосмыслению функций компонентов языковой структуры: функция дополнения компонента Hände модифицируется в функцию подлежащего, а обстоятельственная функция компонента hoch модифицируется в функцию сказуемого (Hände sollen hoch sein!).

Представляя собой ИС с модификацией функций, предложение Hände hoch! формирует интегративный компонент побуждения.

Явление модификации функций прослеживается не только у отдель-

ных членов предложения внутри определенных структур, но и в структуре в целом. Одним из существенных факторов, влияющих на модификацию функции структуры в целом, является интонация. Фразеологические предложения типа: Ob ich ihn kenne! под воздействием измененной мелодии предложения застывают и превращаются в свободные, модифицируя при этом свою функцию, превращаясь из синсемантического предложения в автосемантическое.

Являясь определенным коммуникативным типом предложения, структуры с ob: Ob ich ihn kenne!, транспонируясь на уровень простого предложения, создают интегративный компонент утверждения.

Данная ИС с интегративным компонентом, обозначающая само собой разумеющееся утверждение, может функционировать в усеченной форме (Und ob!), ср.:

Kennst du dieses Buch? Und ob (ich das kenne)!

Возникновение определенного коммуникативного типа предложений – ИС, основанное на транспозиции, прослеживается также в предложениях, содержащих оценку позиции собеседника (Wie du mich haβt!).

Синтаксис современного немецкого языка изобилует структурами коммуникативного типа, в которых возникают различного рода семантические отношения к объекту (позитивные, негативные, эмоциональные и др.) [30], ср.:

Welche Freude! Du bist mir der Richtige! Weh mir! O Welt!

Наличие в современном немецком языке определенных коммуникативных типов предложения, представляющих собой ИС, позволяет поставить вопрос об эмотивном аспекте ИС.

Семантические процессы, которым подвергаются компоненты той или иной структуры, являются тем условием, которое обеспечивает прохождение интегративных процессов, приводящих к появлению частных моделей с наличием в них структурной неразложимости.

Одной из таких моделей является модель простого предложения типа: Die Stadt zählt 100000 Einwohner., которая обнаруживает расхождения в грамматической организации подлежащего и его информативном содержании, – подлежащего, претерпевающего смысловой сдвиг (Man zählt in der Stadt 100000 Einwohner.).

В структурах с особым типом подлежащего [124, с. 29] протекают интегративные процессы двойного плана. С одной стороны, интегративный процесс привносится на уровень предложения с уровня словосочетания и заключается в том, что глагольный компонент интегрируется с именным компонентом, с другой стороны, глагольный компонент интегрируется с особым типом подлежащего, сам же глагольный компонент обнаруживает отход от регулярного употребления, ср.:

zählen = Zahlen in der Reihenfolge hersagen

zählen = etwas haben, aufweisen

Интегрированный компонент, возникающий в результате сложных интегративных процессов, является носителем определенного количества.

Такого рода ИС являются лексически ограниченными. Лексическая ограниченность подобных ИС объясняется функционированием глагольного компонента, который может быть представлен такими глаголами, как zählen, fassen, kosten, wiegen.

В ИС с глагольным компонентом fassen формируется количественный интегрированный компонент, который может быть уточнен цифровыми данными в ИС: Der Eimer faßt 10 Liter. Der Saal faßt 1000 Zuschauer., или же интегрированный компонент может обозначать огромное количество – Der Saal konnte die Gäste kaum fassen.

В ИС с интегрированным компонентом определенного количества и неопределенного множества наблюдается отход глагольного компонента fassen от его регулярного употребления, ср.:

fassen = „ergreifen und festhalten, greifen, fangen": das Messer an Griff fassen; jmdn. bei der Hand fassen

fassen = „etwas aufnehmen": Der Krug faßt 2 Liter Milch.

Анализ интегративных процессов на уровне предложения со всей очевидностью показал, что интегрированные структуры–предложения имплицируют мыслительные категории, отражающие наиболее общее свойство самого бытия в особо идеальной форме. Эти процессы подтверждают мысль В.И. Ленина о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [Поли. собр. соч. Т. 29. С. 194]. Интегративные процессы, способствующие возникновению семантико-синтаксических значений различного характера, являются проявлением свойства языка, которое, по выражению Ф. де Соссюра, заключается в том, «что в нем не даны различительные на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие образует язык» [78].

С явлением интеграции тесно связано дополнительное значение, вытекающее из взаимодействия компонентов синтаксической структуры, но вербально ими не выраженное.

Вполне оправданным представляется применение понятия «текстовая интеграция» при анализе неразложимых структур на уровне предложения, так как на данном этапе научной интерпретации текста различаются два основных объекта – текст в широком понимании слова, или макротекст, и текст в узком понимании смысла слова – микротекст [60].

Как было показано выше, текстовая импликация в неразложимых интегрированных структурах может передавать информацию, содержащую различного рода категории: качества, количества, модальности и др. Рассмотрение сферы интегрированных структур с точки зрения их категориального содержания способствует более углубленному пониманию соотношения между системами мыслительных, когнитивных категорий и системами обобщенных грамматических значений.

Глава VII

ИНТЕГРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В ИХ ОТНОШЕНИИ К КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

§ 1. Ситуативно ориентированные интегративные структуры в процессе коммуникации

Систематизируя рассмотренные неразложимые грамматические образования, функционирующие в современном немецком языке, можно поставить вопрос о существовании специфической сферы интегрированных структур, несущих информацию о человеке: его манерах, привычках, характере, состоянии и т.д.

Подобно слову данные ИС обладают референтным потенциалом, т.е. способностью указания на мир, неся определенную информацию о нем.

Реализуя свой коммуникативный эффект, каждая ИС коррелирует с объективной действительностью. Референтный потенциал ИС — это такое же существенное и неотъемлемое их свойство, как и свойство словесных знаков хранить информацию о кусочках действительности.

В сферу полнозначных субстантивных ИС может быть включено, например, das billige Fenster, которое широко применяется в зарубежной рекламе при распродаже товаров. Данное грамматическое образование, используемое в конкретной ситуации, несет в себе полную понятийную характеристику, оно отражает ситуацию, возникающую в капиталистическом мире, ситуацию конкурентной борьбы.

В процессе коммуникации ориентация на ситуацию может быть осуществлена различно с учетом корреляции значимых компонентов ИС с соответствующими компонентами реальности.

ИС etwas Neues может быть ориентирована на ситуацию новизны в определенном тематическом плане, ср.:

. . .Es gab etwas Neues, hörte Hans Castorp, eine Erfindung aus Norden, das Skikjöring, ein Rennen, wobei sich die Teilnehmer auf Skiern stehend von Pferden ziehen lassen würden. (Th. Mann.)

В данном микротексте ИС etwas Neues ориентирована на ситуацию, представляющую собой дальнейшее развитие спортивной темы микротекста. Референтный потенциал данной ИС содержит в себе целую ситуацию, которая описывает новый вид северного спорта.

Денотативно-референтные компоненты значения той или иной ИС определяются целями и задачами коммуникативного процесса.

ИС nichts Neues может быть ориентирована на ситуацию, в которой описывается обычно существующее положение дел, ср.:

Es ist am Ende nichts Neues.

„Es ist am Ende nichts Neues", sagte er. An einem Badeort leben zwei Personen oder auch Familien wochenlang unter demselben Dach in Distanz. Eines Tages machen sie Bekanntschaft, finden aufrichtiges Gefallen

aneinander, und zugleich stellt sich heraus, das der eine Teil im Begriffe ist, abzureisen. (Th. Mann.)

Денотативно-референтный состав значения ИС mit schwerer Zunge раскрывается в ситуации, на которую ориентировано данное грамматическое образование. Это состояние крайней усталости раскрывается в посттексте, ср.:

„Es ist überhaupt keine Zeit", sagte Hans Castorp mit schwerer Zunge. Aber er ging doch mit, etwas gebückt und steifbeinig, wie ein Mensch, der von Müdigkeit förmlich zu Boden gezogen wird ... (Th. Mann.)

ИС mit hellen Fenstern, встречающаяся в романе А. Зегерс «Седьмой крест», репрезентирует коммуникативное намерение автора изобразить страх действующего лица, Георга, быть пойманным. Вся ситуация, которая служит денотатом текста, пронизана страхом героя быть узнанным, быть задержанным, его боязнь спросить название деревни, боязнь взгляда проходящих мимо людей. Все это находит свое выражение в применяемых автором языковых средствах, наполняющих посттекст, ср.:

Er versuchte sich klar zu werden, wo er war zwischen Oppenheim und Mainz – er kam durch ein kleines Dorf mit hellen Fenstern. Er wagte nicht, nach dem Namen des Dorfes zu fragen. Zuweilen traf ihn der Blick irgendeines vorübergehenden, irgendeines zum Fenster herausgelehnten Menschen, so hart auf dem Gesicht, daß er mit der Hand darüberwischte. (A. Seghers.)

Коммуникативно и ситуативно нагруженный компонент hell в составе ИС mit hellen Fenstern может быть развернут в соответствующую грамматическую структуру – придаточное предложение: Er kam durch ein kleines Dorf, in dessen Fenstern das Licht brannte. Но такая структура в создавшейся для героя ситуации не отразила бы всю сложность его положения, его страх, его боязнь быть обнаруженным преследователями.

Ситуация, на которую ориентирована та или иная ИС, может быть предельно краткой, но она обязательно раскрывает денотативно-референтное содержание коррелируемой с ней ИС, ср:

Hans Castorp wuchs auf bei miserablem Wetter, in Wind und Wasserdunst, wuchs auf im gelben Gummimantel ... (Th. Mann.)

Референтным потенциалом обладают не только грамматические структуры рассмотренного типа, но и целые высказывания, опирающиеся в своей основе на псевдопридаточные предложения (Daß-Satzäußerung).

Специфика функционирования данных ИС заключается в том, что они могут быть ориентированы на ситуации, содержащиеся в предтексте и посттексте.

Денотативно-референтный состав значения ИС Daß Sie mich also nicht enttäuschen! включает двойной аспект корреляции: с одной стороны, данная ИС ориентирована на конкретную ситуацию данного микротекста, с другой, она проецирует возможность появления нежелательной ситуации, ср.:

Es kam mir doch gleich so vor, als ob Sie ein besserer Patient sein würden, mit mehr Talent zum Kranksein als der Brigadegeneral da, der immer gleich weg will, wenn er mal ein paar Striche weniger hat. Als ob Stillgelegen nicht ein ebenso gutes Kommando wäre wie Stillgestanden! Ruhe ist die erste

Bürgerpflicht, und Ungeduld schadet bloß. Daß sie mich also nicht enttäuschen, Castorp . . . (Th. Mann.)

ИС Daß ja kein Mißverständnis sich einschleiche! ориентирована на ситуацию, пронизанную боязнью быть неправильно понятым, ср.:

Halt! Steh! Daß ja kein Mißverständnis sich einschleiche! Ich sehe es deinem verhältnismäßig großen Gesichte an, daß diese Gefahr – Brot, Renzchen, aber nicht gebackenes Brot, – wir haben hier davon die Fülle in allerlei Gestalt. Sondern, gebranntes, mein Engel. (Th. Mann.)

На основе вышеизложенной ситуации ИС с псевдопридаточными предложениями (Daß-Satzäußerung) может заключать в себе предостережение, ср.:

„Oh, du hast Besuch", sagte er. „Wie angenehm für dich. Ich bin aufgehalten worden. Sie haben mich zu einer Partie Bridge gepreßt – Bridge nennen sie das nach außen hin", sagte er kopfschüttelnd, „und dabei war es schließlich ganz was anderes. Ich habe 5 Mark gewonnen . . ." „Daß das nur keine lasterhafte Anziehungskraft für dich bekommt", sagte Hans Castorp. (Th. Mann.)

Транспонированные высказывания другого типа также могут быть ориентированы на ситуацию, раскрывающую денотативно-референтное содержание ИС, ср.:

„Ist das ein Pädagog!" sagte er. . . Ein humanistischer Pädagog, das muß man gestehen. Immerfort wirkt er berichtigend auf dich ein, abwechselnd in Form von Geschichten. . . (Th. Mann.)

Процесс коммуникации включает не только знаки говорения, но и знаки молчания (die Hände schütteln, die Nase rümpfen, die Schultern zucken).

Эта группа ИС весьма неоднородна. В ее составе следует различать группу единиц с обозначением действия, выражающего приветствие или привычку того или иного лица, ср.:

Ein Mann in Livree, mit Tressenmütze, sah zu, wie sie einander – der Junge Ziemßen in militärischer Haltung – rasch und ein bißchen verlegen die Hände schüttelten. . . (Th. Mann.)

Dr. Krokowski aber erhob sich von seinem Platze, schritt auf Hans Castorp zu, und, den Kopf schräg zurückgelegt, eine Hand auf der Schulter des jungen Mannes und kernig lächelnd, so daß in seinem Barte die gelblichen Zähne sichtbar wurden, schüttelte er ihm herzhaft die Rechte. (Th. Mann.)

Другая группа в составе данных ИС может быть ориентирована на ситуации, детерминированные параметрами оценочного характера.

Так, высказывание со словосочетанием den Kopf schütteln содержит оценку высказывания в определенной сфере коммуникации. Высказывание, основывающееся на словосочетании den Kopf schütteln, может заключать в себе удивление, несогласие, отрицание по поводу высказывания своего собеседника, ср.:

Hans Castorp dachte darüber nach, indes seine Augen sich festsahen, und er vorsichtig den Kopf schüttelte, so daß es ebenso gut als ein Zeichen der Bewunderung für Güiseppe Settembrini wie auch als Befremdung und Verneinung gedeutet werden konnte. (Th. Mann.)

Оценочный потенциал такого рода высказываний может существенно возрасти за счет создания развернутой ситуации, включающей целый

ряд высказываний, заключающих в себе нерешительность, сомнение, несогласие и другие оценочные характеристики, ср.:

Der Humanist hatte bei seinen leisen Ermahnungen den Kopf eindringlich geschüttelt. Er schwieg mit niedergeschlagenen Augen und zusammengezogenen Brauen. Es war unmöglich, ihm scherzhaft und ausweichend zu antworten, wie Hans Castorp es zu tun gewohnt war, und wie er auch jetzt einen Augenblick als Möglichkeit erwog. Auch er stand mit gesenkten Lidern ... Dann hob er die Schultern und sagte ebenso leise. (Th. Mann.)

Гамма оценочных характеристик, создаваемая целым рядом высказываний со словосочетаниями: den Kopf schütteln, mit niedergeschlagenen Augen und zusammengezogenen Brauen, mit gesenkten Lidern, die Schultern heben, раскрывается в последующем диалоге между коммуникантами, который иллюстрирует неуверенность, нерешительность, сомнение действующего лица, ср.:

– Was soll ich tun?

– Was ich Ihnen sagte?

– Das heißt: abreisen? – Herr Settembrini schwieg.

– Wollen Sie sagen, daß ich nach Hause reisen soll?

– Das habe ich Ihnen gleich am ersten Abend geraten, Ingenieur. (Th. Mann.)

К числу ситуативно-ориентировочных высказываний может быть причислено высказывание, содержащее в своем составе словосочетание die Nase rümpfen. Оно может выражать неодобрение по отношению к высказыванию собеседника, ср.:

Am Anfang war man wohl etwas befremdet, als er erlernte, daß die Germanen ein Mischvolk waren! Ein Mischvolk. Die Baronin rümpfte die Nase. (B. Kellermann.)

Высказывание, содержащее словосочетание die Schultern zucken, может означать нежелание собеседника реагировать на высказывание своего партнера, несмотря на наличие у него аргументов для возражения, ср.:

„Immer noch ein bißchen illuminiert, lieber Ziemchen. Können nicht gerade behaupten, daß sie seit neulich solcher geworden sind." ...„Na, das geht natürlich nicht so von heute auf morgen, hexen können wir auch nicht".

Joachim nickte und zuckte mit seinen bloßen Schultern, obgleich er hätte einwenden können, daß er ja keineswegs erst seit gestern hier oben sei. (Th. Mann.)

Ситуативно-ориентированными структурами с позитивными, негативными, эмоциональными оценками являются структуры типа: Welche Freude! O Welt! Weh mir! Du bist mir der Richtige!

Ситуативной ориентированностью обладают высказывания, содержащие скрытое утверждение. Высказывание, оформленное негативно, может заключать в себе утверждение, смысл которого раскрывается в последующей ситуации, так в высказывании с негативным компонентом: Was hat zum Beispiel nach 48 und zu Anfang dieses Jahrzehnts mein Vater nicht alles für die Reformation unseres Postwesens getan! = Er hat viel getan. (Th. Mann.) и эксплицируется утверждение, которое проецируется на всю ситуацию, ср.:

Denken Sie mal, Wenzel, wie er in der Bürgerschaft gemahnt hat, die Hamburger Diligencen mit der Post zu vereinigen, und wie er Anno 50 beim Senate, der damals ganz unverantwortlich langsam war, mit immer neuen Anträgen zum Anschluß an den deutsch-österreichischen Postverein getrieben hat ... (Th. Mann.)

§ 2. Корреляция высказываний в коммуникативной сфере

Рассмотренный потенциал ситуативно-ориентированных словосочетаний и предложений, содержащих знаки говорения и молчания, не исчерпывает коррелятивных возможностей языковых единиц в современном немецком языке. Если коснуться текстовой категории, то следует отметить, что она вся пронизана корреляцией данного вида. Для каждого текста характерно наличие семантического начала, которое заложено в первом высказывании и исходящих от него других высказываний. При таком соотношении первое высказывание является ситуативно-ориентированным на все высказывания, находящиеся с первым в семантической зависимости.

Первое высказывание, представляющее собой ведущее семантическое начало, может быть повествовательным, вопросительным или восклицательным предложением. Все остальные высказывания, развертывающие семантическое начало, являются повествовательными и раскрывают ведущую тему в заданном направлении. Так, в следующем тексте первое высказывание, содержащее идею об организации первой пролетарской молодежной организации в Германии, находит дальнейшее свое развитие в теме возникновения пролетарских групп в различных городах, ср.:

Die erste proletarische Jugendorganisation in Deutschland wurde 1903 in Offenbach / Main gegründet. Es folgten Gruppen in Mannheim, Ludwigshafen usw., die sich bald zum „Verband jugendlicher Arbeiter Deutschlands" zusammenschlossen. (W. Münzenberg.)

Аналогичная корреляция первого и последующего высказываний с семантическим началом в форме повествовательного предложения прослеживается в другом тексте, ср.:

In Norddeutschland entstand der erste Jugendverein 1904 in Berlin. Bald folgten Gründungen in anderen Städten. (W. Münzenberg.)

Тематическая корреляция высказываний в тексте, развивающаяся по схеме: семантическое начало и его дальнейшее развитие, прослеживается также в тексте, сообщающем о демонстрации молодежи в Цюрихе в 1916 году, ср.:

Am 1. August 1916 hatten sich ungefähr 500 Jugendliche in Zürich zu einer öffentlichen Kundgebung zusammengefunden und nach einem Referat des tapferen jungen Genossen Willi Trostel zu einem Demonstrationszug durch Zürich formiert. In der Bahnhofstraße wurde der Zug von einem Aufgebot uniformierter Polizisten und Kriminalbeamten erwartet. Ohne

jede Warnung oder Aufforderung, auseinanderzugehen, stürzten sie sich auf die ahnungslosen Jugendlichen ...

Es wurde gestochen und geschlagen ...

Erst den eintreffenden drei Zügen Militär gelang es, die Jugendlichen zurückzudrängen. (W. Münzenberg.)

Корреляция высказываний в коммуникативной сфере, реализуемая по заданной схеме: семантическое начало и его дальнейшее развитие может быть различно по составу коррелируемых компонентов. Выше были рассмотрены одинаково оформленные коррелирующие компоненты текста, т.е. ситуативная ориентация первого высказывания, представляющего собой повествовательное предложение и его взаимодействие с последующими высказываниями, являющимися также повествовательными предложениями.

В некоторых текстах семантическое начало может быть представлено вопросительно оформленным высказыванием. Развитие семантического начала представлено повествовательными предложениями, ср.:

Wer war Ellen Brand? Fast hätten wir vergessen, daß unsere Zuhörer es nicht wissen, während uns natürlich der Name geläufig ist. Wer sie war? Fast niemand auf den ersten Blick. Ein liebes Ding von 19 Jahren, Elly gerufen, flachsblond, Dänin, doch nicht einmal aus Kopenhagen, sondern aus Odense auf Tünen... An ihren Zügen war nichts Bemerkenswertes ... (Th. Mann.)

Семантическое начало текста может быть оформлено восклицательным предложением. Его дальнейшее развитие находит свое выражение в повествовательно оформленных высказываниях, ср.:

Taufe!... Taufe in der Breiten Straße!

Alles ist vorhanden, was Madame Permaneder in Tagen der Hoffnung träumend vor Augen sah, alles: Denn im Eßzimmer am Tische – behutsam und ohne Geklapper, das drüben im Saale die Feier stören würde – füllt das Folgmädchen Schlagsahne in viele Tassen mit kochend heißer Schokolade, ... während der Diener Anton einen ragenden Baumkuchen in Stücke schneidet und Mamsell Jungmann Konfekt und frische Blumen in silbernen Dessertschüsseln ordnet. (Th. Mann.)

Все высказывания, радиально исходящие от ведущего семантического начала, раскрывают готовность к предстоящему торжеству.

В другом тексте потенциальные высказывания раскрывают реакцию присутствующих на первое высказывание, оформленное восклицательным предложением, ср.:

„Schweig!" rief Senator Buddenbrook mit Donnerstimme. Die beiden Brüder starrten einander jetzt über den Tisch hinweg ins Gesicht, Thomas blaß und zitternd vor Zorn, Christian, indem er seine kleinen, runden, tiefliegenden Augen, deren Lider sich plötzlich entzündet hatten, gewaltsam aufriß und auch seinen Mund in Entrüstung geöffnet hielt, so daß seine hageren Wangen ganz ausgehöhlt erschienen... Gerda blickte mit ziemlich spöttischer Miene von einem zu anderen, und Tony rang die Hände... (Th. Mann.)

Анализ ситуативно-ориентированных структур свидетельствует о том, что они относятся к центральной сфере коммуникации и затраги-

вают те семантические факторы, которые являются основой при создании текста.

Ситуативно-ориентированные структуры обнаруживают богатство тех отношений, которые складываются в центральной сфере коммуникации.

Рассмотренные структуры могут быть ориентированы на ситуацию небольшого масштаба, формируемую в рамках данного грамматического образования. К их числу относятся, в основном, словосочетания с ингерентными свойствами (ein schönes Gesicht haben). В их состав могут входить словосочетания, ориентированные на ситуацию большого масштаба, характеризуемую различными параметрами текстовости (ein Dorf mit hellen Fenstern). В обоих случаях словосочетания функционируют с коммуникативно нагруженным атрибутивным компонентом.

Ситуативно-ориентированные предложения замкнутого типа с оценочными характеристиками являются, как правило, постситуативными единицами, в них сконцентрирована оценка происходящих событий (die Nase rümpfen, den Kopf schütteln).

Ситуативно-ориентированные предложения незамкнутого типа, представляющие собой ведущее семантическое начало, функционируют обычно перед текстом и проецируют выражение разветвленной ситуации.

Известно, что любой текст выполняет какую-то коммуникативную функцию, сообщает определенные факты, выражает эмоции, требует какой-то ответной реакции или действия. Коммуникативность текста означает, что он соотнесен с какой-то реальной или воображаемой ситуацией. Коммуникативная функция текста не может осуществляться иначе, как через посредство ситуативно-ориентированного общения.

Тесная взаимосвязь коммуникативности и неразложимости, как показывают исследования языка на современном этапе, является несомненной и очевидной. Она может быть освещена через призму прагматического аспекта языка. Занимаясь исследованием прагматического аспекта, языковеды пришли к выводу о том, что для достижения желаемого коммуникативного эффекта говорящий должен обладать умением приспособить свое высказывание к коммуникативной ситуации.

Прагматический подход к языку с разграничением двух аспектов (знания говорящего и слушающего о своем языке и актуального применения языка к конкретной ситуации) составляет сущность взаимоотношений коммуникативности и неразложимости, так как для того, чтобы понять говорящего, слушающий должен владеть неразложимыми структурами и понимать все имплицитно заложенные в них оттенки значений.

Носителями скрытых грамматических категорий могут быть высказывания, в основе которых лежат лексические фразеологизмы. В подавляющем большинстве это высказывания, выражающие правила человеческого поведения. Они часто функционируют в заглавиях Die Hände in den Schoß legen? Die Flinte ins Korn werfen? Übers Ohr hauen? Метод развертывания таких единиц вскрывает заложенные в них модальные значения:

„man soll die Hände nicht in den Schoß legen“, „man sollte die Flinte nicht in das Korn werfen“; „man soll sich nicht Übers Ohr hauen lassen“.

Постановка вопроса о ситуативно-ориентированных грамматических образованиях, пронизывающих центральную сферу коммуникации, наглядно раскрывает те взаимоотношения, которые складываются в процессе функционирования языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная сфера грамматически неразложимых языковых структур в современном немецком языке с учетом достижений коммуникативной лингвистики свидетельствует о том, что входящие в данную сферу структуры получают свою актуализацию в зависимости от целей коммуникации. Вполне правомерным представляется подход к неразложимым языковым структурам как фрагменту системы языка, который представляет собой совокупность коммуникативных средств, несущих информацию о качественных, количественных, утвердительных, отрицательных, модальных и др. значениях, отражающих многообразную объективную действительность. Только правильный выбор подобных структур может обеспечить взаимопонимание. Весьма четко эта мысль выражена Г.В. Колшанским: «В грамматическом аспекте общение реализуется в форме корректно-организационных языковых единиц, которые адекватно соотносятся с мыслительным содержанием. В плане языковой манифестации, естественно, корректность высказывания предопределяет и взаимопонимание, являющееся собственной целью общения» [45, с. 161].

Это замечание приобретает особую ценность в связи с тем, что общение – это не только лишь констатация того или иного события, для некоторых целей коммуникации возникает необходимость выразить такие моменты, как согласие/несогласие, уверенность или нерешительность коммуникантов, оценка обсуждаемых событий. Словом, в процессе коммуникации обнаруживаются различные реакции человека, информацию о которых несет язык. Немалая доля этих реакций выражается грамматически неразложимыми структурами.

В актах коммуникации функционируют смысловые единицы, обладающие достаточно полной информацией, лексико-грамматической оформленностью и соотнесенностью с конкретной ситуацией. Каждая смысловая единица коммуникации является лишь фрагментом в цепи общения, осуществляющегося при взаимодействии партнеров по коммуникации, обладающих практическим и теоретическим опытом. На долю грамматики выпадает выделение и классификация различных аспектов опыта, а также изучение средств их выражения в языке.

Вполне правомерным представляется исследование языка прежде всего как исследование категорий, выражаемых в нем [49, с. 133]. Ведь любое различие в грамматических категориях несет семантическую информацию. Высказывания могут различаться прямой и обратной последовательностью слов, различным распределением в нем агенса и пациенса, ср.: «Мать любить дочь.» и «Дочь любит мать.». С этой точки зрения справедливы высказывания тех лингвистов, которые считают, что «грамма-

тика воистину ars obligatoria, как называли ее преподаватели классических гимназий, поскольку она обязывает говорящего принимать решения типа «да–нет» [102, с. 233].

Язык как диалектически организованный феномен пронизан различного рода интегративными процессами, способствующими созданию многообразных структур, отражающих все богатство окружающей действительности.

Грамматически неразложимые структуры с давних пор находятся в поле зрения русских и зарубежных языковедов. Благодаря их исследованиям стала возможной постановка вопроса об интегративном аспекте грамматики.

Интегративный аспект лежит в основе исследований советских языковедов, в поле зрения которых находятся аграмматичные структуры «семантически замкнутые схемы построения» [8, с. 456], словосочетания с «семантически несвободными, ограниченными со стороны фразеологических отношений между соединяемыми словами, стабилизовавшиеся построения» [8, с. 455], лексически несвободные, не поддающиеся отчетливому членению, развивающие соответствующие грамматические значения: модальность, отрицание, утверждение и др.

Неразложимость грамматических структур рассматривается в современной лингвистической литературе с различных позиций, среди которых ведущая роль отводится концепциям о грамматическом идиоматизме, о мотивации и демотивации, о синтаксической фразеологизации. В основе всех этих концепций лежит тезис о несуммарном грамматическом значении конструкции. В системе глагола неразложимость грамматических структур связывается с явлениями аналитизма в языке. Аналитические глагольные образования, служащие для выражения времени, соотносятся с типовой категориальной темпоральной ситуацией, и прежде всего, с высоким референтным потенциалом аналитических временных форм современного немецкого языка, соотносимых как правило с темпоральной ситуацией (Perfekt, Plusquamperfekt, Futurum).

Глагольные структуры, имплицирующие модальный компонент значения (hat zu machen, ist zu machen), реализуя свой референтный потенциал, соотносятся с модальными высказываниями.

Денотативно-референтное содержание той или иной структуры определяется целями и задачами коммуникативного процесса. Оно может быть качественным, количественным, утвердительным, отрицательным, оценочным и т.д.

Разнородный характер неразложимых грамматических структур находит свое выражение в их названиях: «шаблонные фразы» (Л.П. Якубинский), «фразеологизмы» (Н.Ю. Шведова), «синтаксически связанные конструкции», «фразеосхемы» (Д.Н. Шмелев).

Сфера неразложимых грамматических структур характеризуется активными интегративными процессами, в ходе которых аккумулируются свойства свободного и связанного значения составляющих структуру компонентов и развивается способность к синтаксической оформленности.

Отграничивая сферу неразложимых синтаксических структур от фразеологических единиц, представляющих собой «устойчивые словесные комплексы» различных структурных типов с единичным сцеплением компонентов, значение которых возникает в результате полного или частичного семантического преобразования компонентного состава» [88 с. 29], можно определить анализируемые структуры как синтаксически неразложимые единицы, охватывающие свободные соединения различных структурных типов, лексически ограниченные соединения различных структурных типов, моделированные единицы и чисто фразеологизированные единицы с фиксированным порядком элементов, отличающиеся наличием в них скрытых семантико-синтаксических значений.

Основными признаками, позволяющими отграничить синтаксически неразложимые интегрированные структуры от других структур, являются: 1) интегрированная синтаксическая структура, 2) особый синтаксический способ образования, заключающийся в фиксированном порядке и количестве компонентов, 3) наличие у них скрытых грамматических значений и отношений. Это, с одной стороны, скрытые грамматические значения, возникновение которых связано с наличием типизированных информативных структур, и, с другой стороны, скрытые грамматические значения и отношения, возникающие в определенных моделях предложений.

В современном немецком языке весьма широк диапазон интегрированных структур, лежащих в периферийной сфере языка. К ним относятся интегрированные структуры, формируемые полнозначными словами, интегрированные структуры с десемантизированным компонентом, интегрированные структуры, состоящие из полнозначного и служебного слова, свернутые структуры с невыраженными потенциальными грамматическими связями и интегрированные структуры – предложения.

Анализ периферийных структур, лежащих на стыке лексики, синтаксиса и фразеологии, проливает свет на поставленные в данной работе проблемы синтаксической связанности, неразложимости и фразеологизации. Синтаксически связанными следует считать структуры, обладающие конструктивными компонентами, не допускающими своего элиминирования (so viel Neues, rote Wangen haben, bittere Tränen weinen, den ganzen Tag arbeiten, es hagelt Gold, sicher ist sicher).

Синтаксическая связанность обнаруживается в интегрированных структурах, возникающих на уровне предложения и на уровне словосочетания. Понятие синтаксической связанности опирается на плодотворную идею Л.В. Щербы, который стоял на семантической точке зрения не отдельных слов, а «семантики отношений каждой данной пары слов» [99, с. 97] и указывал на то, что «язык имеет в своем выражении такие выразительные средства, которыми он побеждает морфологию» [99, с. 101] .

Понятие синтаксической связанности предполагает наличие таких синтаксических структур, которые не разлагаются по синтаксическим эталонам свободных словосочетаний в предложении.

Синтаксически фразеологизированными являются различные ком-

муникативные типы предложений, обнаруживающие отход от регулярной структуры всего предложения и создающие различные семантико-синтаксические значения (количество, качество, утверждение, отрицание и др.), не выводимые из значения компонентов структуры.

Проанализированный пласт языка свидетельствует о том, что его структуры пронизаны различного рода категориями, такими, как категория качества, количества, темпоральности, модальности, отрицания, сомнения, утверждения и др., которые находятся в тесной связи друг с другом.

Пронизывая всю практическую и научную деятельность человека, мышление и язык находятся в процессе беспрерывного обновления и развития. Гибкий, подвижный характер категорий мышления и языка проявляется в том, что в структурах, лежащих в пограничных областях, возникают категории смешанного типа.

Интегрированные структуры, находящиеся на периферии языка, обнаруживают в своем значении тесно взаимосвязанные категории, что является отражением взаимосвязи всех явлений объективной действительности.

Тесную взаимосвязь категорий отмечает В.З. Панфилов: «Мыслительная категория количества как и категория качества есть отражение одного из наиболее общих свойств самого бытия, каковым наряду с качественной является его количественная определенность» [66, с. 158].

Исследование интегрированных структур периферийной сферы языка с точки зрения их категориального содержания способствует более глубокому пониманию соотношения между системами мыслительных, когнитивных категорий и системами обобщенных грамматических значений.

Богатая палитра синтаксических образований, находящихся в пограничной сфере языка, на стыке лексики, синтаксиса и фразеологии, наглядно подтверждает мысль о многогранности языка, являющегося не только орудием общения, но и орудием формирования и выражения мысли.

Интегративные процессы, активно протекающие в исследуемых структурах, способствуют имплицированию в них семантико-синтаксических значений, которые предстают в качестве доминанты интегрированных структур.

Интегрированные структуры имеют в своем составе независимо от их лексического наполнения и специфики их структуры (будь то полнозначные компоненты, служебный и полнозначный компонент, десемантизированный компонент) компоненты с синсемантичным значением, так как интегрированные структуры отражают элементы окружающей действительности благодаря способности компонентов сочетаться друг с другом и только в таком виде отражать фрагменты окружающей действительности.

Основное назначение интегрированных структур состоит в том, что

они выражают грамматические категории количества, качества, модальности, темпоральности, процессуальности, условности и др. на уровне скрытых категорий.

Интегрированные структуры представляют собой в современном немецком языке такой языковый феномен, который синтезирует в себе все морфологические и синтаксические свойства слов для формирования в структурах семантико-синтаксических значений.

Этот процесс синтезирования всех морфологических и синтаксических свойств слов проливает свет на линейный характер языка и многомерность окружающего мира, приводящих не только к неограниченному количеству комбинаций ограниченного набора единиц, но и к конденсации в них различных семантико-синтаксических значений.

Интегрированные компоненты являются носителями подразумеваемых значений, постановка вопроса о которых связана с основной проблемой лингвистики, призванной ответить на вопрос о том, как складываются отношения между речью и «универсумом» (миром речи) и какие элементы этого универсума словесно оформляются, а какие выражаются опосредованно.

Поскольку описываемые структуры имплицируют мыслительные категории, отражающие наиболее общие свойства самого бытия в особо идеальной форме, то правомерной предсатвляется постановка вопроса о текстовой импликации, несущей информацию о различного рода категориях: качества, количества, модальности, утверждения, отрицания и т.д.

NACHWORT

Das Buch strebt danach, eine Lücke in der deutschsprachigen Literatur über die syntaktische Phraseologieforschung auszufüllen, indem es einen Einblick in den Bereich von den nichtzerlegbaren sprachlichen deutschen Konstruktionen von kommunikativ integrativem Standpunkt aus bietet. Das ist eine erste theoretisch begründete und den gesamten Bestand von syntaktischen Phraseologismen der deutschen Gegenwartssprache überschauende Darstellung.

Im Unterschied zu den lexikalischen Phraseologismen werden die syntaktischen Phraseologismen als spezifische sprachliche Erscheinung in ihrer Eigenständigkeit erfaßt und integrative Strukturen genannt. Es wird ein breites Spektrum an integrativen Strukturen gezeigt, deren Komponenten als vollwertige oder als Funktionswörter fungieren. Es wird auch veranschaulicht, daß die integrativen Strukturen verschiedene semantisch-syntaktische Bedeutungen implizieren. Sie sind ein Ergebnis der Widerspiegelung von Relationen der objektiven Wirklichkeit in der Sprache und werden als temporale, modale, lokale, negative, positive, quantitative, qualitative Bedeutungskomponenten aufgefaßt. Im Mittelpunkt dieser Schrift steht die sprachliche Integration, die die Kognitions- und Kommunikationsmittel prägt.

Im Buch werden die tangierenden Probleme der angrenzenden Disziplinen (Lexik, Syntax und Phraseologie) berücksichtigt, weil der Bereich von den

nichtzerlegbaren integrativen Strukturen im Grenzbereich der Lexik, Grammatik und Phraseologie liegt.

Die Arbeit entwickelt Gedanken zu einem integrativen g r a m m a t i s c h e n Aspekt, der linguistische Neuansätze der sprachlichen Einheiten enthält.

Besondere Beachtung finden die integrativen Strukturen der deutschen Gegenwartssprache bei ihrer Interpretation im Verhältnis zur kommunikativen sprachlichen Funktion. Beim Kommunizieren entstehen verschiedene Relationen, die nicht nur grammatisch und lexikalisch sondern auch situationsbedingt sind. Als Realisierungspotential jeder integrativen Konstruktion gilt ihre Bezogenheit auf eine entsprechende Situation.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 29.
2. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23.

3. *Адмони В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
4. *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.
5. *Арутюнова Н.Д.* Вариации на тему предложения. Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
6. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксис // Общее языкознание. М., 1972.
7. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
8. *Ахманова О.С.* Словосочетание // Вопр. грамматического строя. М., 1955.
9. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
10. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
11. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
12. *Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 3. Казань, 1910.
13. *Бодуэн де Куртене И.А.* Глоттологические (лингвистические) заметки. Воронеж. 1877. Вып. 1.
14. *Бондарко А.В., Буланин Л.А.* Русский глагол. Л., 1967.
15. *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке // Вопр. языкознания. 1978, № 4.
16. *Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1958.
17. *Варина В.Г.* Статус денотата в сфере значения и употребления слова // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1977. Вып. 124.
18. *Вдовиченко П.С.* Некоторые фразеологизированные конструкции современного немецкого языка: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1965.
19. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопр. теории и истории языка. М., 1952.
20. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972.
21. *Виноградов В.В.* О формах слова / АН СССР. Отдел литературы и языка. Т. III. М., 1944.
22. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
23. *Востоков А.Х.* Русская грамматика. 12-е изд. М., 1874.
24. *Всеволодова М.В.* О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопр. языкознания. 1979. № 1.
25. *Всеволодова М.В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
26. *Габрите Е.К.* Немаркированные падежные формы в современном немецком языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1971.
27. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
28. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
29. *Гухман М.М.* Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетания частичного и полного слова // Вопр. грамматического строя. М.–Л., 1955.
30. *Егоров В.Ф.* Идиоматические конструкции в синтаксисе немецкой разговорной речи: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1967.
31. *Ейгер Г.В.* Сложные предложения с совмещением сказуемых в современном немецком языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.04. Харьков, 1966.
32. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.

33. *Жеребков В.А.* Конструкция типа Ich habe hier ein Heft liegen, Ich bin angeln. в современном немецком языке // Иностр. языки в школе. 1974. № 4.
34. *Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях в языках различных типов // Общее и германское языкознание. Л., 1976.
35. *Журавлева В.В.* Взаимодействие отрицания с модальностью недействительности в простом предложении: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1977.
36. *Звегинцев В.А.* Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
37. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
38. *Карцевский С.* Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
39. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
40. *Климов Г.А.* Фонема и морфема. М., 1967.
41. *Колесова Т.А.* Имплицитные сложные предложения с контактными скрепами // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.
42. *Колшанский Г.В.* Грамматическая функция обособленных членов предложения: Науч. доклады высшей школы // Филол. науки. 1962. № 1.
43. *Колшанский Г.В.* Категория семантики в синтаксисе // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1977. Вып. II.
44. *Колшанский Г.В.* Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопр. языкознания. 1979. № 6.
45. *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
46. *Кржижкова Е.* Заметки о месте негации в языковой структуре // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
47. *Кульгавая В.М.* Способы выражения неопределенного множества исчисляемых понятий в современном немецком языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1975.
48. *Курилович Е.* Заметки о значении слова // *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
49. *Лабов У.* Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Т. XIV. М., 1983.
50. *Лайонз Джон.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
51. *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
52. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1968.
53. *Ломтев Т.М.* Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.
54. *Ляпон М.В.* Взаимодействие категорий отрицания и ирреальности в тексте // Синтаксис текста. М., 1979.
55. *Маковский М.М.* Системность и асистемность в языке. М., 1980.
56. *Маслов Ю.С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
57. *Мигирин В.Н.* Процессы переходности на уровне членов предложения: Науч. доклады высшей школы // Филол. науки. 1968. № 2.
58. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка. М., 1978.
59. *Молотков А.И.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / Под. ред. А.И. Молоткова. М., 1967.
60. *Москальская О.И.* Грамматика текста. М., 1981.
61. *Москальская О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М. 1974.
62. *Москальская О.И.* Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью // Вопр. языкознания. 1961. № 5.
63. *Мухин А.М.* Функциональный анализ синтаксических элементов. М.–Л., 1964.
64. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
65. *Панфилов В.З.* Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания // Вопр. языкознания. 1979. № 4.

66. *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. М., 1977.
67. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
68. *Петров В.В.* Структуры значения. Логический анализ. Новосибирск, 1979.
69. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
70. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I– II. М., 1958.
71. *Прокопович Н.Н.* Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи // Мысли о современном русском языке / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1969.
72. *Рахманкулова И.С.* К вопросу о фразеологических моделях предложений в современном немецком языке // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 26. B., 1973. H. 314.
73. *Ревзина О.Г., Чанишвили И.В.* Об одном виде взаимодействия категории падежа с глагольными категориями. Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973.
74. *Реформатский А.А.* Лексические меризмы и семантическая редукция // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.
75. *Реформатский А.А.* Число и грамматика // Вопр. грамматики. М.–Л., 1960.
76. *Серебренников Б.А.* К проблеме сущности языка // Общее языкознание. М., 1970.
77. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
78. *Соссюр де Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
79. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
80. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. М., 1981.
81. *Уорс Д.С.* Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II.
82. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I.
83. *Федосеев П.Н.* Философия и интеграция знания // Вопр. философии. 1978. № 7.
84. *Филичева Н.И.* О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969.
85. *Филичева Н.И.* Синтаксические поля. М., 1977.
86. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977.
87. *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М., 1975.
88. *Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
89. *Чесноков П.В.* Основы единицы языка и мышления. Ростов, 1966. Т. XX.
90. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М., 1969.
91. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925.
92. *Шведова Н.Ю.* Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопр. языкознания. 1964. № 6.
93. *Шведова Н.Ю.* Дихотомия «присловные – неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения // 8-й Международный съезд славистов / Славянское языкознание. М., 1978.
94. *Шведова Н.Ю.* Место семантики в описательной грамматике // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
95. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
96. *Шведова Н.Ю.* О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. 7-й Международный съезд славистов // Доклады советской делегации. М., 1973.
97. *Шмелев Д.Н.* О значении синтаксических единиц // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
98. *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
99. *Щерба Л.В.* О второстепенных членах предложения // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Изд-во Ленингр. ун-та. 1958. Т. I.
100. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
101. *Якобсон Р.Л.* Структурализм «за» и «против» // Лингвистика и поэтика. М., 1973.

102. *Якобсон Р.Л.* Избранные работы. М., 1985.
103. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М., 1953.
104. *Ярцева В.Н.* Семантические корреляции единиц структуры языка: Науч. доклады высшей школы // Филол. науки. 1980. № 1.
105. *Ярцева В.Н.* Предложение и словосочетание // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

106. *Abraham W.* Kasustheorie. Frankfurt am Main. 1971.
107. *Behaghel O.* Deutsche Syntax. Heildelberg, 1923. Bd. 1.
108. *Behaghel O.* Die deutsche Sprache. Halle / Saale, 1954.
109. *Binz G.* Zur Syntax der baselstädtischen Mundart. Düsseldorf / Basel, 1888.
110. *Blümel R.* Einführung in die Syntax. Heidelberg, 1914.
111. *Bahr Brigite Inge.* Untersuchungen zu Typen von Funktionsverbfügungen und ihrer Abgrenzung gegen andere Arten der Nominalverbindung. Bonn, 1977.
112. *Brinker K.* Konstituentenstrukturgrammatik und operationelle Satzgliedanalyse. Athenäum Verlag, 1972.
113. *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971.
114. *Brinkmann H.* Die haben-Perspektive im Deutschen. Sprache – Schlüssel zur Welt. Düsseldorf, 1959.
115. *Bühler K.* Sprachtheorie. Jena, 1934.
116. *Burger H.* Idiomatik des Deutschen. Tübingen, 1973.
117. *Coseriu E.* Lexikalische Solidaritäten. Poetica. I. 1967.
118. *Daneš F.* Semantica struktura vetnehovzorce. Otazky slovanske Syntaxe. II. Brno, 1968.
119. *Daniels K. H.* Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Düsseldorf, 1963.
120. Der Große Duden. Grammatik. Mannheim, 1973. Bd. 4.
121. *Engelen B.* Zum System der Funktionsverbgefüge // Wirkendes Wort. 1968. H. 5.
122. *Erben J.* Über Nutzen und Nachteil der Ungenauigkeit des heutigen Deutsch. Duden-Beitrag. 1970. H. 31.
123. *Erben J.* Deutsche Grammatik. Frankfurt am Main, 1968.
124. *Erben J.* Abriß der deutschen Grammatik. B., 1964.
125. *Erben J.* „Tun" als Hilfsverb im heutigen Deutsch. Festschrift für Hugo Moser. Düsseldorf. 1969.
126. *Erdmann O.* Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Stuttgart, 1898.
127. *Glinz H.* Deutsche Grammatik. // Studienbücher zur Linguistik- und Literaturwissenschaft. Frankfurt am Main, 1971. Bd. 3.
128. *Glinz H.* Die innere Form des Deutschen. München, 1961.
129. *Glinz H.* Gegenwartssprache, linguistisch-literarische Methodenlehre und Sprachtheorie im Grundstudium der Germanistik. Festschrift für Hugo Moser. Düsseldorf, 1969.
130. *Glinz H.* Deutsche Grammatik Kasussyntax – Nominalstrukturen, Wortarten – Kasusfremdes // Studienbücher zur Linguistik- und Literaturwissenschaft. Athenäum Verlag, 1971.
131. *Grebe P.* Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1959. Bd. 4.
132. *Griesbach H., Schulz D.* Grammatik der deutschen Sprache. 5. Aufl. München, 1967.
133. *Hartmann P.* Syntax und Bedeutung. Assen, 1964.
134. *Heinemann W.* Negation und Negierung // Linguistische Studien. Leipzig, 1983.
135. *Helbig G.* Probleme der Beschreibung von Funktionsverbgefügen im Deutschen. // DaF 5, 1979.
136. *Helbig G.* Studien zur deutschen Syntax // Linguistische Studien. Leipzig, 1984. Bd. 2.
137. *Heringer H.J.* Die Opposition von kommen und bringen als Funktionsverba. Düsseldorf, 1968.
138. *Jung W.* Kleine Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1953.

139. *Klappenbach R.* Feste Verbindungen in der deutschen Sprache der Gegenwart // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle / Saale, 1961. Bd. 81.
140. *Koschmieder E.* Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
141 *Lalande Andre.* Vocabulaire Technique et critique de la philosophie. 111, 1932.
142. *Leisi E.* Der Wortinhalt, seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg, 1961.
143. *Lindren Kai B.* Probleme beim deutschen Infinitiv // Neuphilologische Mitteilungen. 1964. 65.
144. *Ljungerud J.* Zur Nominalfunktion in der deutschen Literatursprache. 1900, København, 1955.
145. *Moskalskaja O.I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M., 1975.
146. *Moser Hugo.* Sprachliche Ökonomie im heutigen Satz // Studien zur Syntax des neutigen Deutsch. Düsseldorf, 1971. Bd. 6.
147. *Nagy G.O.* Abriß einer funktionalen Semantik, Budapest, 1973.
148. *Oller J.W.* On the relation between syntax, semantics und pragmatics // Linguistics. The Hague, 1972. S. 46.
149. *Paul H.* Deutsche Grammatik. Halle / Saale. 1919. Bd. II.
150. *Polenz von P.* Der Pertinenzdativ und seine Satzbaupläne. Festschrift für Hugo Moser. Düsseldorf. 1969.
151. *Polenz von P.* Funktionsverben im heutigen Deutsch // Wirendes Wort. 1963. Bd. 5.
152. *Porzig W.* Das Wunder der Sprache. Bern, 1967.
153. *Schmidt S.J.* Texttheorie und Pragmatik // Linguistik und Sprachstudium / Symposium vom 15. bis 16. November. Wiesbaden, 1973.
154. *Schmidt V.* Die Streckformen des deutschen Verbums. Halle / Saale, 1968.
155. *Schippan Th.* Antwortegeben? // Deutschunterricht. B.. 1969. 1.
156. Sprachpflege. 1980. N 1.
157. *Steinitz R.* Adverbial-Syntax // Studia Grammatica. Akademie Verlag. B., 1971.
158. *Susčinskij J.J.* Intensivierungssätze in der deutschen Sprache der Gegenwart. // DaF, 1981. 3.
159. *Sütterlin L.* Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1923.
160. *Thümmel B.* Das Problem der periphrastischen Konstruktionen. München, 1966.
161. *Wahrig G.* Anleitung zur grammatisch-semantischen Beschreibung lexikalischer Einheiten. Tübingen, 1976.
162. *Weisgerber L.* Die ganzheitliche Behandling eines Satzbauplanes // Wirkendes Wort. 1962. (Beilage.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 4

Глава I. Развитие лингвистических идей о неразложимых структурах . . . 8

§ 1. Интерпретация неразложимых структур в отечественном языкознании XIX–XX вв. 8
§ 2. Неразложимые языковые структуры как объект исследования в зарубежном языкознании 11
§ 3. Понятие неразложимости языковых единиц в советской германистике 21

Глава II. Языковые единицы в сфере неразложимых структур 26

§ 1. Языковая интеграция как основа возникновения неразложимых структур 26
§ 2. Лексические и синтаксические фразеологизмы 28
§ 3. Критерии выделения синтаксических фразеологизмов 30

Глава III. Неразложимые языковые структуры, состоящие из полнозначных слов 37

§ 1. Интегрированные структуры в системе имени существительного со значением количества 37
§ 2. Неразложимые структуры со значением темпоральности 44
§ 3. Неразложимые структуры тавтологического характера 48
§ 4. Неразложимые структуры с качественным компонентом значения . . 51
§ 5. Неразложимые структуры с фразеологическим характером модели . 55

Глава IV. Неразложимые структуры с десемантизированным компонентом 58

§ 1. Интерпретация неразложимых языковых структур с десемантизированным компонентом в современной лингвистической литературе . . 58
§ 2. Модификации аспектуальных значений в неразложимых структурах с десемантизированным компонентом 64
§ 3. Интегрированные структуры с каузативным компонентом значения . 68
§ 4. Интегрированные структуры с модальным компонентом значения . . 69

Глава V. Предложные субстантивные интегративные структуры в акте коммуникации 72

§ 1. Интерпретация предложных субстантивных ИС в синтаксических концепциях зарубежных и отечественных языковедов 72
§ 2. Интегративные компоненты значения в предложных субстантивных структурах 74
§ 3. Референтный потенциал предложных субстантивных ИС и их роль в акте коммуникации 79

Глава VI. Интегративные процессы на уровне предложений 82

§ 1. Интеграция и информация на уровне простого предложения 82
§ 2. Интегративные компоненты значения на уровне сложного предложения 88
§ 3. Интегративные структуры фразеологизированного типа 90

Глава VII. Интегративные структуры в их отношении к коммуникативной функции языка 98

§ 1. Ситуативно ориентированные интегративные структуры в процессе коммуникации 98

§ 2. Корреляция высказываний в коммуникативной сфере 102

Заключение 106

Nachwort 111

Список использованной литературы 113